

2023

ТОМ: 4

■
ГОМЕР: 1

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 1. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 1. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 1. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), *Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Евдокименко А.С. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России*

Кетс де Врис Манфред (Франция), *Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).*

Кранц Джеймс (США), *Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Кречмер Томас (Германия), *Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Лейкина А.С. (Россия), *канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Лонг Сьюзан (Австралия), *Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Мамедов Шираз (Россия), *Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Медведев В.А. (Россия, Эстония), *канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра*

Мерски Роуз (США, Германия), *Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), *Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рафаелли Дерек (Великобритания), *Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рингер Мартин (Новая Зеландия), *Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Россохин А.В. (Россия), *д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования*

Сиверс Бурхард (Германия), *Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Стрижова Е.А. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Таккер Саймон (Великобритания), *Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Уорд Грэм (Великобритания), *директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шенкман А.И. (Россия), *Доктор эконом. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Хиршорн Ларри (США), *Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Саппа Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шаповалова Е.В. (Россия), *ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)*

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том IV
№ 1.2023**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Рибас Д.

Леонардо да Винчи – детские воспоминания
и эскиз рисунка «Мадонна с Младенцем, святой Анной
и святым Иоанном Крестителем» (The Burlington House Cartoon) 6

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОАНАЛИЗА

Россохин А. В.

Что нам делать с и без эротического переноса? 26

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Чершинцева М. А.

Загадка сублимации (Часть 2) 44

Калинина Л. Н.

Первофантазмы и фантазмы. Их роль и значение в психоаналитическом процессе 66

Тузмухаметов Э. В.

Психическая бисексуальность: отцовский перенос 83

Казакова Н. И.

Любовь и перенос: от Фрейда к Лакану 95

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Овсянникова С. А.

Острота и ее структуры в психоаналитическом лечении

115

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сидевич В. А., Олесова Е. В.

Психоаналитическое мышление в бизнесе
как предикт эффективных решений – в свете бионианской
концепции мышления и размышлений об «О»

125

Никитин И. Ю.

Психобиография: некоторые размышления о кризисе жанра

158

Прокошев А. А.

Психодинамические аспекты роли аджайл-коуча во время аджайл-трансформации

173

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Леонардо да Винчи – детские воспоминания и эскиз рисунка «Мадонна с Младенцем, святой Анной и святым Иоанном Крестителем» (The Burlington House Cartoon)

Рибас Д.

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Дени Рибас – психиатр и психоаналитик, бывший президент Парижского психоаналитического общества, бывший директор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse). В течение долгого времени Дени Рибас руководил дневным отделением детской психиатрической больницы и работал с детьми с расстройствами аутистического спектра. Результаты многолетнего клинического опыта нашли отражение в книгах «Тайна детей-аутистов», «Разногласия по теме аутизма и поиск точек соприкосновения», «Опасные развязывания» и многочисленных статьях, посвященных теме деструктивности, связанной с развязыванием влечений.

В данной статье исследуется очерк Зигмунда Фрейда «Одно раннее воспоминание Леонардо да Винчи», опубликованный в 1910 году, анализируются ошибки, допущенные Фрейдом в переводе, и различные гипотезы относительно связи творчества Леонардо, его личной истории и особенностей его психического функционирования. Автор на основании обширной библиографии исследует жизнь и творчество Леонардо да Винчи, выдвигает гипотезы относительно психического функционирования гения, преобладающих у него защитных механизмов, проявляющихся в его творчестве – на его полотнах.

Ключевые слова: вытеснение, сгущение, сублимация, фетишизм, трансформация влечения.

«Тем временем выдающийся ум Леонардо да Винчи стал для меня предметом психоаналитического исследования», – пишет Фрейд Юнгу 11 ноября 1909 года. Статья, посвященная воспоминанию детства Леонардо да Винчи, появляется в мае 1910 года. В 1925 году в издательстве «Gesammelte Schriften» выходит книга, Фрейд дарит один экземпляр Мари Бонапарт с автографом: «Добрую фею здесь ждет аналитическая сказка». Эта книга хранится сейчас в «Библиотеке Зигмунда Фрейда».

Добрая фея исполняет его желание, и в 1927 году очерк, переведенный на французский язык, выходит в серии «Documents bleus».

13 ноября 1919 года Фрейд пишет Ференци: «Это единственная прекрасная вещь, которую я создал».

И тем более интересным оказывается факт, что статья, посвященная Леонардо, становится предметом ожесточенной критики, поскольку Фрейд использует неправильный перевод – «гриф» вместо «коршуна» – и опирается на спорные исторические данные, которые на протяжении последних 80 лет в результате исследований дополняются новыми вводными; за более детальной информацией можно обратиться к работам теолога и психоаналитика Жан-Пьера Майдани Жерара (*Maïdani Gérard*, 1994). Он посвящает свою работу Андре Грину, сожалея о том, что он не смог воспользоваться его книгой «Проявления незавершенности», которая была издана в 1992 году, прежде чем возобновить работу над своей рукописью.

В этой статье мы будем исследовать тексты Фрейда и его ошибки, а также жизнь и творчество Леонардо да Винчи, очень точные и клинически тонкие гипотезы Фрейда относительно психопатологии гения, которые привели, как мы в дальнейшем увидим, к выстраиванию специфической теории гомосексуальности. И в конце мы в свою очередь предложим поразмышлять еще над несколькими вопросами.

Художник Леонардо да Винчи

В своем очерке «Одно раннее воспоминание Леонардо да Винчи» Фрейд подчеркивает обаяние художника, который, по свидетельству современников, соблазнял людей своей внешностью и «очаровательными манерами» (*Freud*, 1990). Его гений не ограничивался сферой живописи, Леонардо был также талантливым инженером, создающим в том числе военную технику, а также различные аппараты, которые использовались для создания различных эффектов во время праздников для развлечения гостей при дворе его покровителя, Лодовико Сфорцы, более известного по своему прозвищу Лодовико Моро.

Леонардо окружал себя красивыми юношами, обладающими шармом, наиболее важным качеством которых была их внешность; возможно, этим объясняется тот факт, что ни один из его учеников так и не стал выдающимся художником.

Леонардо также интересовался астрономией и анатомией, проводил вскрытия людей и животных, изучал растения, в том числе ядовитые, был практически алхимиком, выходил за границы возможного, создавая

летательные аппараты. Вся эта деятельность не оставляла много времени для живописи, Леонардо с трудом брался за кисть, часто прерывался и, особенно в конце жизни, не мог заставить себя закончить работу над шедеврами, включая «Леду», «Мадонну ди Сант-Онофрио», «Бахуса» и «Иоанна Крестителя», которые так и остались незавершенными.

Леонардо был амбидекстром, одинаково хорошо владел правой и левой рукой, писал свои дневники левой рукой, используя зеркало, поэтому читать его записи следует также с помощью зеркала.

Будучи по характеру нежным, художник обвинял мужчин в жестокости и кровожадности и отказывался есть мясо, но это не мешало ему создавать военную технику и приходить на казнь для того, чтобы запечатлеть на бумаге полные ужаса лица приговоренных к смерти.

Кажется, что он был равнодушен к сексуальным отношениям и добровольно отказался от них. Эдмондо Солми в книге, посвященной Леонардо да Винчи, пишет: «Оплодотворение и все, что с ним связано, настолько отвратительно, что человечество бы вымерло, если бы этот акт не превратился в обычай, передающийся из поколения в поколение, если бы не было красивых лиц и чувственной предрасположенности» (Solmi, 1907, p. 91–92). В комментариях он приводит дословный вариант перевода: «акт оплодотворения и органы, которые в нем соединяются, настолько отвратительны» – и добавляет, что, похоже, «женский орган» вызывал отвращение у Леонардо.

В 1919 году Фрейд добавляет иллюстрацию с гравюрой Леонардо из собрания Бартолоцци в сопровождении комментариев доктора Р. Рейтлера, опубликованных в 1917–1918 годах, где он отмечает сбой в потрясающем влечении к познанию, в исследовании репрезентации полового акта (рис. 1). Женское тело изображено частично, у мужского тела – женская голова с длинными волосами, каскадом струящимися по спине, грудь женщины нарисована дряблой с одним молочным протоком (в то время как в реальности молоко идет по множеству протоков), на гравюре молочный проток исходит из брюшной полости, соединяется либо с лимфатическими каналами, либо с половыми органами, возможно, для того, чтобы объяснить связь между лактацией и родами. Все, кроме вагины и шейки матки, нарисовано нечетко. В отличие от изображения женщины, строение мужских половых органов воспроизведено с анатомической точностью. Он добавляет, что позиция стоя не очень удобна и что лицо мужчины, кажется, выражает «презрение». Затем он обоснованно добавляет, что на этом сагиттальном рисунке пары их ноги перепутаны. То есть «фигуре мужчины принадлежит левая нога, а фигуре женщины – правая» (Freud, 1990, p. 94). Рейтлер приходит к выводу: «На основании этого анатомического рисунка мы можем предположить наличие либидинального вытеснения, в результате которого великий художник и исследователь запутался и ошибся».

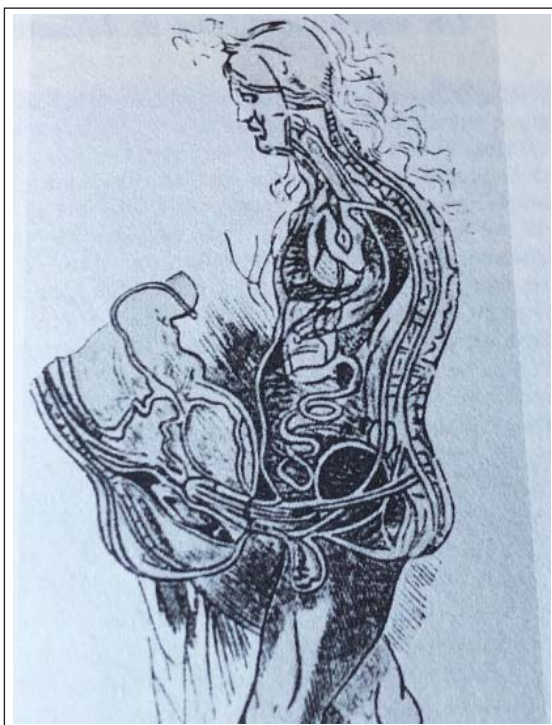

Рис. 1

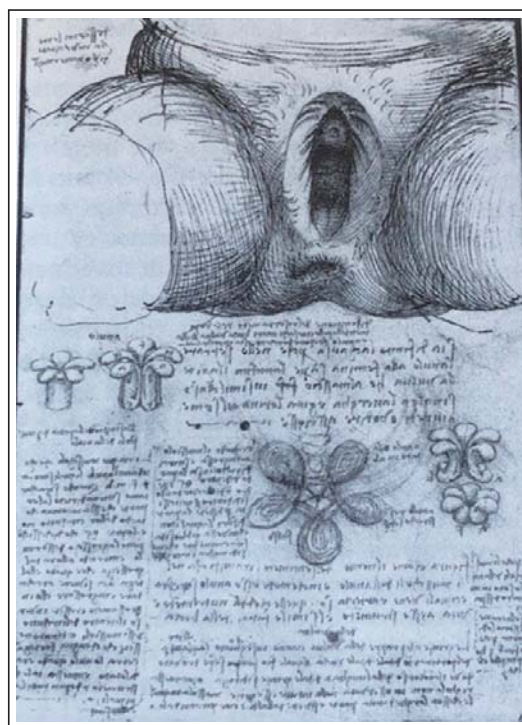

Рис. 2

Дадим слово стороне обвинения!

Давайте отодвинем в сторону моду на мужские и женские прически того времени и предпочтения, относящиеся к выбору сексуальных поз... чтобы сообщить о том, что это доказательство опирается на несколько ошибок.

Гравюра, которую Фрейд и Рейтлер считали оригиналом, на самом деле представляет собой литографию А. Верхта, опубликованную в 1830 году, которая являлась копией гравюры Бартолоцци 1812 года, который в свою очередь скопировал оригинальную гравюру Леонардо.

Сюрприз: оказывается, Бартолоцци в своей копии добавил изображение ног в перепутанном направлении, а Верхт – недовольное выражение лица!

И аргументы в защиту: даже если исключить эти отсутствующие в оригинале элементы, удивляет асимметрия в способностях Леонардо создавать репрезентации внутреннего строения женского и мужского тела и половых органов. Дополнительным доказательством служит еще один его рисунок женских половых органов, который можно найти в книге Грина (с. 61) – несоразмерно большое отверстие, вульва без малых половых губ и клитора, есть только отверстие мочеиспускательного канала (рис. 2). И примечание Леонардо, где он пишет о том, что вагина женщины по размеру больше, чем вагина самок крупных млекопитающих!

Эти элементы являются убедительными доказательствами того, что у Леонардо были определенные сложности в отношении женских половых

органов и репродуктивной системы. И мы могли бы исследовать природу этих сложностей, принимая в расчет вытеснение или отрицание – защитные механизмы, открытые Фрейдом.

Хотя есть мнение, что Леонардо да Винчи был гомосексуалистом, Фрейд учитывает и другие факторы: по его мнению, нежные отношения между учителем и учениками, которые по традициям того времени жили жизнью учителя, не включали в себя сексуальные отношения. Леонардо делится интересными идеями в своих «Флорентийских беседах».

Леонардо считает, что человек не может любить или ненавидеть, «если прежде он не получил знания». Это высказывание заведомо ложно для людей. Но, возможно, не для Леонардо, который «превращает напор страсти в знания». По мнению Фрейда, Леонардо обладал замечательными способностями к замещению влечений.

Фрейд беспокоится о Леонардо: «Откладывание – любить только после познания – становится замещением. После того как мы постигаем суть, достигаем высокой степени знания, мы перестаем по-настоящему любить или ненавидеть – мы оказываемся по ту сторону любви и ненависти. Мы занимаемся исследованиями, вместо того чтобы любить. Возможно, по этой причине в жизни Леонардо было настолько мало любви, особенно по сравнению с другими великими художниками» (*Freud, 1990, p. 99–100*).

Фрейд поддерживает гипотезу Солми о том, что влечения к познанию и исследованию Леонардо сначала использовались во благо искусства, живописи, но затем они отделились и увлекли интерес художника в сторону исследования законов механики, процессов образования осадочных пород и окаменения в долине реки Арно и «всего того опыта, который он мог вписать в свою книгу заглавными буквами – "Il sole non somove" ("Я не знаю, как переместить солнце")» (*Freud, 1990, p. 101*).

Фрейд сравнивает эти процессы с детским любопытством по отношению к сексуальности и рассматривает возможные судьбы, пути трансформации любопытства:

- невротическое торможение и ограничение умственных способностей, усиленные религиозным воспитанием;

- второй вариант: в случае, если интеллект находит силы для того, чтобы действовать в обход вытеснения, любопытство по отношению к сексуальности, желание исследовать сексуальность возвращается в видоизмененной форме, достаточно сильной для того, чтобы сексуализировать мышление, превращая его в источник удовольствия, но и одновременно тревоги. Из-за этого процесс исследования подпитывается бесконечными размышлениями, прокручиванием одних и тех же мыслей, что отдаляет от истинной цели мышления – поиска ответов и подтверждения гипотез;

- третий вариант: «наиболее редкая и совершенная» судьба – мышление не поддается ни торможению, ни компульсивному повторению, «либидо спасается от судьбы вытеснения, с самого начала оно проходит путь сублимации, превращаясь в желание знать, и создает дополнительные укрепления в виде сильнейшего влечения к исследованию» (*Freud, 1990, p. 105*), «влечение может проявляться свободно, обслуживая интеллектуальные интересы, при этом сексуальные темы избегаются, поскольку

берется в расчет сексуальное вытеснение, под напором которого сублимированное либидо оказывается настолько мощным».

Исходя из этого текста следует отметить, что теории относительно процесса сублимации можно обнаружить в первой теории влечений. Жан-Луи Балдаччи представил этот факт в виде названия своего доклада на Конгрессе франкофонных психоаналитиков (CPLF) в 2005 году – «С самого начала... Сублимация» (*Baldacci, 2005*).

По моему мнению, сублимация становится объяснимой с экономической точки зрения только тогда, когда становится понятным процесс дезобъектализации – изъятие инвестиций либидо из объекта обозначает присутствие влечения к смерти, направленного на дезинвестирование, дезобъективирующую функцию влечения к смерти (как подчеркивал А. Грин); процессу дезинвестирования обязательно должно предшествовать развязывание влечений к жизни и влечений к смерти, прежде чем произойдет новое связывание и инвестирование объекта.

Другая теоретическая недостаточность того времени – отсутствие дифференциации между вытеснением и расщеплением. Личный комментарий: эта объективная необходимость сначала узнать объект, прежде чем его инвестировать влечениями и аффектами, может включать в себя определенные аспекты синдрома Аспергера, мы видим здесь нехватку предваряющей инвестированию проекции – одна из характеристик аутистического спектра, на мой взгляд. Но эти гипотезы представляют собой клинические противоречия с общеизвестным фактом о том, что гении с синдромом Аспергера, как правило, испытывают проблемы с социальными навыками, что является полной противоположностью в случае Леонардо!

Детское воспоминание

Здесь представлен исправленный перевод: «Можно ясно и четко сказать, что, кажется, коршун – это моя судьба, потому что я видел его в первом воспоминании моего детства: я лежал в колыбели, коршун приблизился ко мне и открыл мой рот своим хвостом и много раз ударил хвостом по моим губам изнутри» (*Maidani Gérard, 1994, p. 4*).

Нино Смиралья Сконамильо, чьи работы Фрейд мог читать, предлагает такую версию перевода: «Ко мне прилетел коршун» (*Smiraglia Scognamiglio, 1900*).

В немецких переводах, например Марии Херцфельд, которые были доступны Фрейду, «коршун» переводится как «Nühnergeier» – дословно это значит «куриный гриф». Затем перевод трансформируется – птица превращается в «Geier», то есть просто в грифа.

Перевод фон Гюстшоу, немецкого переводчика Дмитрия Сергеевича Мережковского, стал причиной первоначальной ошибки Фрейда – он перевел русское слово «коршун» как «гриф» (*Geier*).

Мы чуть позже вернемся к интерпретации, предложенной Майдани Жераром, о том, что стоит оставить текст как есть и не исправлять ошибку

в переводе. Давайте сначала пойдем вслед за Фрейдом, который придерживался перевода «гриф».

Следует подчеркнуть, что вначале, прежде чем отказаться от «своей невротики», Фрейд верил, что в основе этиологии невроза лежит реальное соблазнение ребенка взрослым, соответственно, воспоминание может содержать мнестические следы сексуального злоупотребления. Впрочем, если бы мы услышали рассказ ребенка, вернувшегося из летнего лагеря, о хвосте, который бил его по губам и проник в его рот, у нас точно появились бы определенные вопросы.

В 1909 году у Фрейда появились мысли об очевидном варианте соблазнительницы – он намекает на образ кормящей матери, чей сосок ищет ребенок.

Затем образ стервятника и связанные с ним легенды соединились со страстным интересом Фрейда к Египту. Образ самки грифа, оплодотворенной ветром, ассоциативно связался с древнеегипетской богиней Мут, которая была представлена в образе грифа и обладала фаллосом. Фрейд связал имя богини со словом «мать» (в немецком языке слово «Mutter» созвучно имени богини Мут). По его мнению, древнеегипетская легенда была использована отцами церкви как основа догмата о непорочности Девы Марии, и эта легенда могла быть известна Леонардо да Винчи, который интересовался идеей о зачатии без участия отца, осмелюсь предположить (*Freud, 1990, p. 116*).

Еще один дополнительный элемент, который может легко направить нас в сторону данной интерпретации: Курт Пфистер считал, что увидел изображение грифа на голубой шали, в которую, кажется, кутаются две женщины на картине Леонардо (*рис. 3*).

Фрейд обращается к истории детства Леонардо, опираясь на известные в то время исторические факты: Леонардо был незаконнорожденным, его отец, сер Пьеро да Винчи, в год рождения сына женился на благородной донне Альбьере. Сначала Леонардо воспитывала его мать, Катерина, а в возрасте пяти лет его приняли в доме отца и бабушки по причине бесплодия донны Альбьеры. Именно в этих изменениях жизненных обстоятельств Фрейд видит истоки фантазии о стервятнике – вначале мальчика растила только мать, а потом воспитанием занялась родительская пара. Фрейд переходит затем к проработке фантазма о кастрации, которая начинается с момента обнаружения анатомической разницы полов и отсутствия у девочки пениса. Отметим часть текста, в которой описываются гермафродиты – мифические существа, у которых на самом деле не было двух половых органов – мужских и женских, но они одновременно обладали женской грудью и пенисом. Этот образ можно обнаружить на рисунке Леонардо «Ангел во плоти» (*рис. 4*).

Гипотезы Фрейда относительно детства Леонардо опираются на наличие очень интенсивной эротически окрашенной привязанности к матери и чрезмерной нежности, подкрепленных отсутствием отца. Эти факты позволяют Фрейду предложить новаторскую гипотезу о гомосексуальности Леонардо: любовь к матери подверглась вытеснению, место матери занимает сам мальчик, «идентифицируясь с матерью и воспринимая свою

Рис. 3

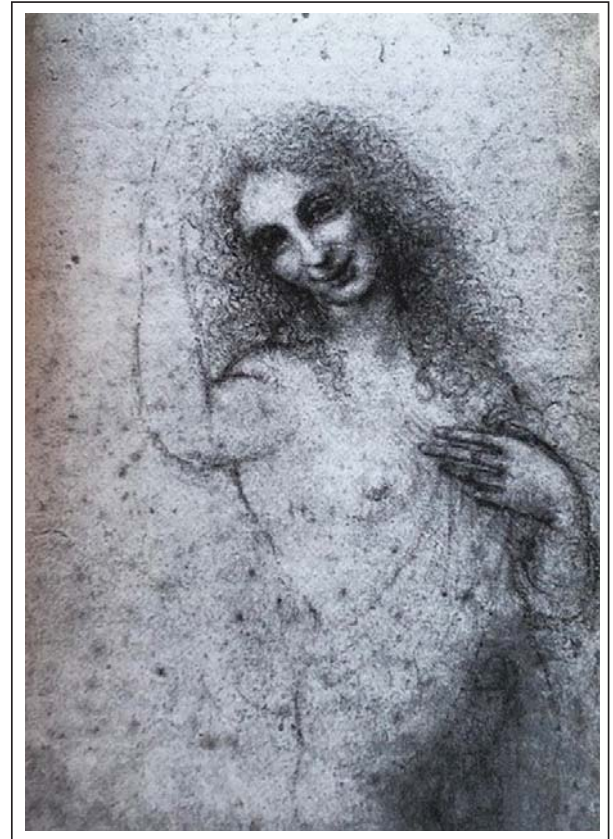

Рис. 4

собственную личность как модель, на основании которой будут впоследствии избраны новые объекты любви» (Freud, 1990, p. 125). Затем Фрейд приводит в качестве подтверждения гипотезы о привязанности Леонардо к матери следующие факты: Катерина приезжала навестить сына в Милан в 1493 году, согласно гипотезе Мережковского, кроме того, в бумагах Леонардо обнаружены счета на похороны Катерины, полностью оплаченные им.

Фрейд цитирует фразу Леонардо, которая красноречиво свидетельствует о его внутренней свободе, для исследования темы принятия или непринятия авторитета отца: «Тот, кто в конфликте мнений ссылается на авторитет, делает упор на память, а не на разум» (Freud, 1990, p. 148).

История Леонардо дополняется новыми деталями, обнаруженными Ренцо Чианки (сотрудник муниципалитета Винчи, руководил библиотекой «Леонардиана», открытой в 1938 году, также был директором музея Винчано, открытого в 1952 году, автор двух статей о библиотеке Винчи. – **Прим. пер.**): оказывается, что судьба Катерины была менее драматичной, чем считал Фрейд. Леонардо оставался со своей матерью до полутора лет, до окончания кормления грудью. Сер Пьеро, отец Леонардо, не хотел считаться его отцом в родном городе, в провинции, он решил переехать в столицу и заняться семейной профессией – поколения его предков работали нотариусами. В 1452 году, в год рождения своего незаконнорожденного сына, он женится на донне Альберере, девушке из хорошего флорентийского рода. Но и Катерина в тот же год выходит замуж за крестьянина

по прозвищу Задира, которому принадлежал участок земли, находящийся неподалеку от имения да Винчи. В 1453 или 1454 году у них рождается девочка, которую мать называет... Пьера! Разлука с родной матерью оказалась гораздо более ранней, а мать не осталась в одиночестве, она вышла замуж и родила еще одного ребенка, чье имя удивляет.

Возможно, Катерина провела свои последние годы рядом с сыном, поскольку она умерла в Милане в 1494 или 1495 году. Если только служанка с тем же именем не работала в те годы у маэстро, заботясь о нем и его молодых учениках. В любом случае он щедро оплатил похороны той, что носила имя Катерина.

Критические замечания относительно ошибки Фрейда про грифа

В 1923 году Эрик Макаган поднял вопрос об искажении смысла в очерке Фрейда в своей статье, опубликованной в лондонском журнале *Burlington Magazine*. Удивительно или же логично, но это деталь не была распространена...

Мейер Шапиро в 1956 году опубликовал материалы конференции, проходящей в Нью-Йорке, «Леонардо и Фрейд. Искусствоведческие и исторические исследования», в Журнале истории мысли (*Shapiro, 1956*). Эта статья спровоцировала в США яростные атаки против психоанализа. Затем в 1961 году выходит статья Курта Эсслера «Леонардо и Фрейд. Психоаналитические заметки, посвященные этой загадке» как реакция на статью Шапиро (*Eissler, 1961*). В этой статье также исследуется материал – объект критики Шапиро, за это Жан-Пьер Майдани Жерар выражает благодарность автору в своей книге «Леонардо да Винчи. Мифология или теология?» (*Maidani Gérard, 1994*).

Позиция Сержа Видермана относительно вопроса об искажении смысла в очерке Фрейда, посвященном детскому воспоминанию Леонардо да Винчи, выразилась в защите психоаналитических конструкций и фрейдовских гипотез, он считал, что психоаналитические исследования важнее поисков исторической истины (*Viderman, 1977*).

Интерпретации Жан-Пьера Майдани Жерара

Жан-Пьер Майдани Жерар придерживался мнения о том, что Фрейд сам переводил с итальянского и не перепроверял первоисточники, поэтому в его текстах осталась ошибка предыдущих переводчиков, можно считать это в какой-то степени бессознательным ошибочным действием. Таким образом, можно исследовать значение этого действия. Майдани Жерар присоединяется к тем авторам, которые, как Мария Торок, применяют психоаналитический метод к исследованию фигуры Фрейда. Эти авторы являются одновременно критиками и защитниками психоаналитического метода.

Майдани Жерар поднимает вопрос о том, что знаменитое воспоминание вписано в поверхностный слой, под которым скрыты еще три, связанные

между собой общей темой – полетом птицы. По мнению автора, все эти слои объединяет одна общая идея.

Через шесть страниц после описания первого воспоминания Фрейд пишет: «Речь идет об идее настолько отдаленной, что от нее хочется отказаться. В священных древнеегипетских пиктограммах "мать" символически представлена в образе грифа» (*Freud, 1990, p. 156*). В глазах Майдани Жерара это может быть случайным совпадением.

Опираясь на исследования Шапиро, он вспоминает религиозный контекст времен Фрейда – католический догмат о непорочном зачатии Девы Марии, который ввел в церковный календарь всей латинской церкви еще папа Сикст IV в 1476 году. Согласно этому догмату, Дева Мария была зачата от обычных родителей, Анны и Иоакима, но на Нее не перешел первородный грех. Однако окончательно догмат получил документальное подтверждение только в 1854 году, когда папа Пий IX издал буллу «*Ineffabilis Deus*». Это случилось всего за два года до рождения Фрейда! К тому же няня Фрейда, уроженка деревни Пршибор, была очень набожной католичкой, соответственно, он был знаком с католическими канонами о Рождестве Богородицы (*Maidani Gérard, 1994*).

Шапиро испытывал марксистские амбивалентные чувства по отношению к психоанализу, в своем исследовании он придавал большую значимость историческому контексту искусства. Его понимание первого воспоминания было главным образом ограничено интересом того времени к различным предзнаменованиям. По его мнению, первое воспоминание Леонардо – это подражание легендам о тотемных животных. Автор приводит многочисленные примеры подобных легенд, в которых животные-покровители приходили к младенцу-избраннику и вкладывали в его рот знаки-обещания о том, что его ждет великая судьба, в том числе Шапиро ссылается на историю царя Мидаса, который в детстве получил знак о грядущем богатстве – однажды муравьи стали заползать к нему в рот и носить туда пшеничные зерна (*Shapiro, 1956*).

Майдани Жерар в свою очередь делает акцент на сцене соблазнения ребенка, занимающего пассивную позицию, животным, как если бы речь шла о первофантазме – соблазнении ребенка взрослым.

Хотя Шапиро связывал интерес Леонардо к образу святой Анны с влиянием исторического контекста, мы можем поискать и другие корни, связанные с внутренним миром и проблемами Леонардо да Винчи.

Мартин Лютер писал: «Все эти волнения вокруг святой Анны начались, когда мне было пятнадцать лет». То есть в 1498 году. В то время народное почитание святой Анны охватило и теологов. Клиенты да Винчи были верующими и адептами новой догмы, в то время как Леонардо не был похож на слишком набожного человека. Кажется, он был скорее агностиком, чем верующим, как и Фрейд.

Майдани Жерар подчеркивает, что вслед за иудаизмом католицизм держался на расстоянии от женского и материнского, выдвигая на первый план фигуру Бога-отца. Когда в католицизме на рубеже XVI века начало усиливаться почитание святой Анны, материнское снова вернулось в религиозный контекст.

В отличие от гипотез Шапиро (*Shapiro*, 1956) о внешнем влиянии на Леонардо, Майдани Жерар (*Maïdani Gérard*, 1994) делает акцент на внутренних аспектах, он подчеркивает, что Леонардо никогда не изображал святого Иосифа на картинах, посвященных классическому сюжету – святому семейству. Он сравнивает христианскую догму о непорочном зачатии, согласно которой Дева Мария чудесным образом зачала Иисуса Христа от Святого Духа, при этом оставаясь девственницей, с образом богини Мут, которая вдохновила Фрейда при исследовании первого воспоминания Леонардо. Богиня-мать Мут, которая часто изображалась в образе грифа, зачала от ветра и родила дочь. Ни один мужчина не принимал участия в зачатии. Более того, сама богиня Великая Мать была фалличной, в описании ее облика указывается, что она обладала фаллосом, символизирующим плодородие и силу. Следы трансформации образа богини-грифа Мут, сочетавшей в себе материнские и отцовские аспекты, можно обнаружить в христианстве в одновременном присутствии двух отцов – небесного Бога-отца и земного отца Иосифа, вырастившего Иисуса.

Майдани Жерар предполагает, что агностик Леонардо да Винчи привел в движение «конфигурацию общей загадки происхождения, общих истоков христианской мифологии и своих собственных первофантазмов – тайну своего происхождения и своей первичной семейной системы, своего сценария рождения» (*Maïdani Gérard*, 1994, p. 111).

Затем Майдани Жерар продолжает исследование фигуры святой Анны, он напоминает, что в «Золотой легенде» (собрание христианских легенд и занимательных житий святых, написанное на латинском языке около 1260 года. – **Прим. пер.**) Иаков Ворагинский пишет о том, что святая Анна родилась у пары престарелых и бесплодных родителей, которые долгие годы жили в супружестве и не имели детей. К матери святой Анны явился ангел с благой вестью о том, что она вскоре родит дочь. В книге «Золотая легенда» можно увидеть многочисленные репродукции икон, на которых была изображена «Анна втроем» («*Heilige Anna Selbdriett*» на немецком языке), – иконографический тип изображения святой Анны с ее дочерью Девой Марией и внуком Иисусом Христом (эта иконография сформировалась в позднее Средневековье в связи с ростом популярности культа святой Анны и особенно была распространена в XV веке в Италии и Германии. – **Прим. пер.**).

Майдани Жерар пишет также о статуе Стросса, расположенной в Вене в церкви святой Анны на одноименной улице, неподалеку от отеля «Бристоль», где Фрейд любил собираться со своими друзьями, учениками и коллегами. Фрейд не мог не знать о существовании этого храма, посвященного святой Анне. Майдани Жерар делает вывод о том, что Фрейд испытывал амбивалентные чувства по отношению к темам, волновавшим да Винчи: «Анне, Марии, росту популярности их культа и почитанию женского в католицизме; короче говоря, речь идет об амбивалентности Фрейда по отношению к религиозным формам, окружающим его с раннего детства, и ко всему тому, что относится к женскому и материнскому» (*Maïdani Gérard*, 1994, p. 146).

И наконец, Майдани Жерар отмечает, что опровержение Курта Эсслера (*Eissler, 1961*) базируется на ненадежной почве, поскольку оно опирается главным образом на английские переводы многочисленных документов, которые Эсслер собрал воедино, в этом его большая заслуга.

Образы святой Анны

В 1909 году Фрейд приходит к выводу, что на картине Леонардо «Мадонна с Младенцем, святой Анной и святым Иоанном Крестителем», находящейся в Лувре, изображено сгущение материнских фигур, как в сновидении. Улыбка, которой обмениваются ребенок и соблазняющий его «гриф», отражает тайну соблазнения. Улыбка аллегорически представляет собой одновременно блаженство материнской любви и «триумф младенца, полностью обладающего матерью». Улыбка – это изображение союза матери и младенца, взаимное соблазнение. Майдани Жерар полностью разделяет эти идеи Фрейда. Какой же смысл скрыт в загадочных улыбках Джоконды и Иоанна Крестителя? (*рис. 5, 6, 7, 8*).

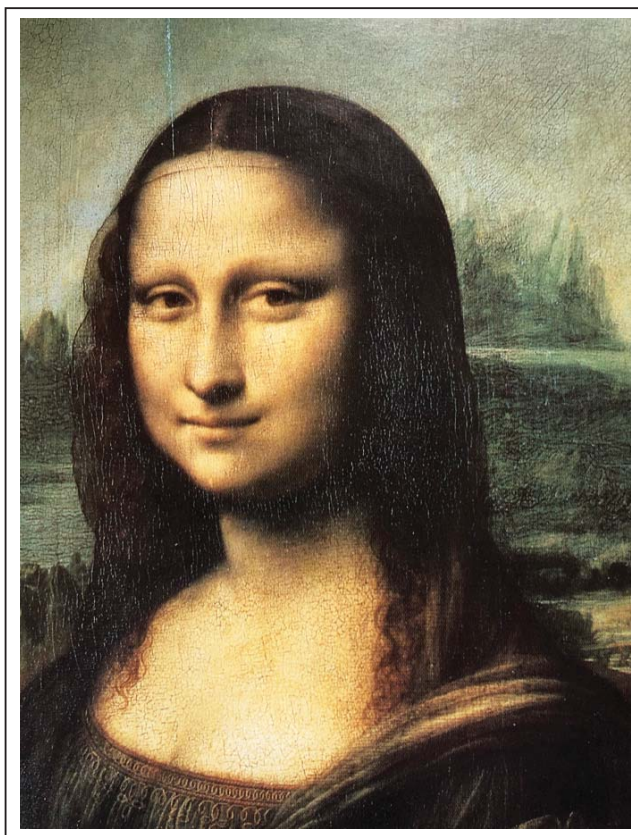

Рис. 5

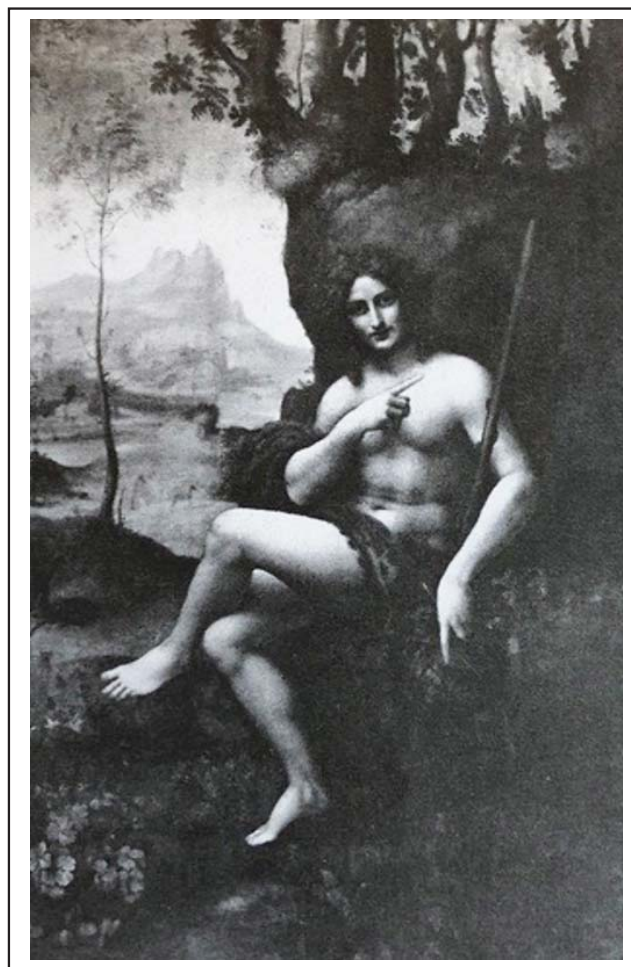

Рис. 6

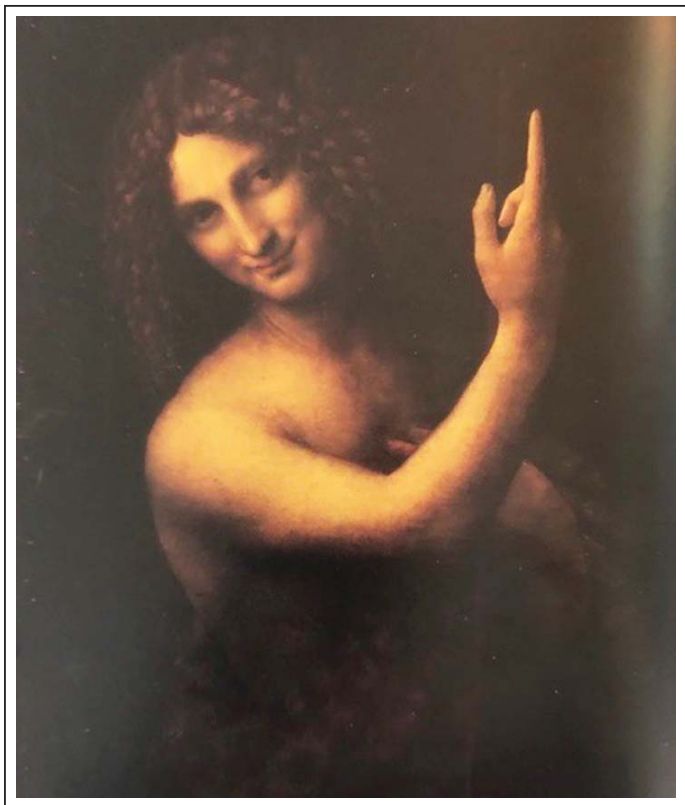

Рис. 7

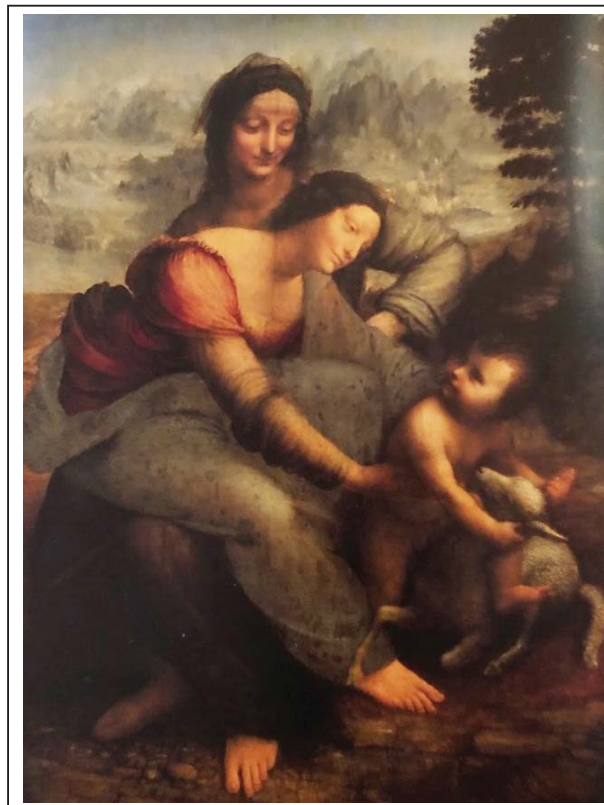

Рис. 8

Мы не можем больше придерживаться мнения о том, что улыбка Джоконды – предвестница улыбки святой Анны. Лондонские эскизы и, разумеется, предварительные зарисовки к ним появляются раньше (рис. 9, 10, 11, 12).

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

На картине «Мадонна с Младенцем, святой Анной и святым Иоанном Крестителем» зашифрованы образы двух или даже трех матерей – в образе святой Анны, которая держит на коленях свою дочь Деву Марию, воплощается, конечно же, Катерина, которая была старше бесплодной Альбьеры, но также и ее собственная мать – шестидесятилетняя бабушка Леонардо.

Просто поразительно, что мы можем увидеть одну и ту же загадочную, соблазняющую, двусмысленную улыбку на губах Джоконды, Иоанна Крестителя, Бахуса и святой Анны.

Результаты исследования Андре Грина, посвященного незавершенным картинам

Я думаю, что нет никаких сомнений в том, что Фрейд был соблазнен идеей об анализе гения с настолько свободным умом. Фрейд мог идентифицироваться с революционной смелостью Леонардо, поскольку в своих исследованиях он был настолько же смел, как и гений эпохи Возрождения, и ранил своим открытием бессознательного человеческий нарциссизм так же, как его ранили раньше открытия Дарвина и Коперника. Как мы видели раньше, Леонардо так же, как и его современники, думал, что солнце неподвижно. Андре Грин в свою очередь захотел внести свой достаточно значительный вклад в исследование гения Леонардо и его наследия.

Следует отметить, что мой интерес к этой теме был обусловлен особым поводом – в 2019 году во всем мире организовывались различные мероприятия в честь пятисотлетия со дня смерти Леонардо да Винчи.

Идеи Андре Грина относительно лондонских эскизов Леонардо да Винчи

На эскизе к картине «Мадонна с Младенцем, святой Анной и святым Иоанном Крестителем» фигуры двух женщин сверху разделены, а внизу картины их ноги как будто перепутаны – на мгновение можно подумать, что ноги святой Анны широко раздвинуты, с коленями на одном уровне, из этих разведенных ног появляется еще одна нога, и вместе эти три ноги образуют на картине что-то вроде темной полости (*рис. 13*).

Картина, хранящаяся в Лувре, несколько отличается от эскизов, в нее были внесены исправления – две ноги слева (со стороны зрителя) принадлежат Деве Марии, обнимающей ребенка, чье тело располагается в противоположном углу картины (*рис. 14*).

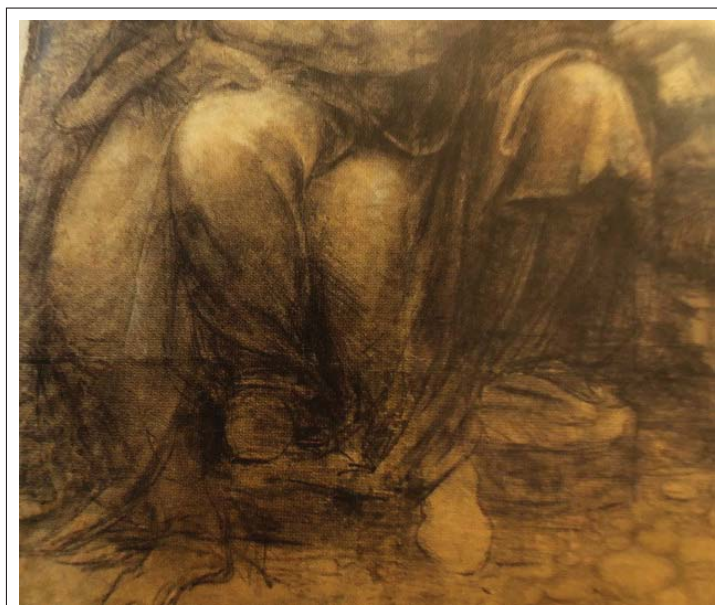

Рис. 13

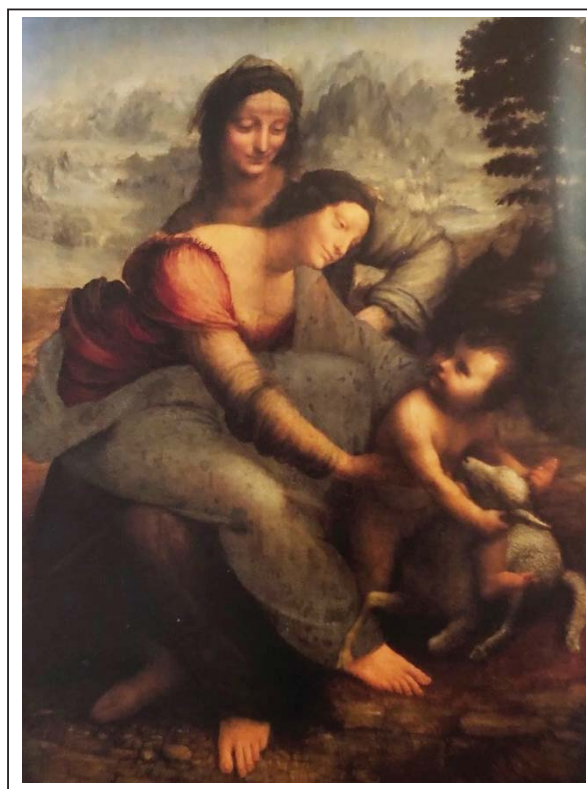

Рис. 14

Грин (*Green, 1992*) подчеркивает, что рельефное изображение коленей (за исключением одной ноги) – это отсылка к очертаниям груди Девы Марии, вверху на эскизе он распознает множество следов негатива, из которого выходит на поверхность бессознательное автора:

- незаконченное изображение руки, указательный палец которой направлен вверх, к небу, прорисован только контур руки;
- одна нога тоже не дорисована, обозначен только контур, внутри которого – пустота, мы можем здесь подумать о негативной галлюцинации, когда в зеркале отражается только контур лица; Грин также размышляет об иллюзии материнского пениса: у матери есть пенис (нет пениса);
- он подчеркивает, что изображение деформированной ноги, похожей на ногу калеки, принадлежит кисти одного из лучших художников в мире, что наводит на мысль о кастрации.

Фрейд подчеркнул, что у Леонардо была потребность стереть слияние двух женщин, подобное онейрическому сгущению, соотносящееся с его детским воспоминанием, потребность отделить в пространстве одну фигуру от другой. Но одновременно две женщины находятся на одном уровне, кажется, что они одного возраста, и создается впечатление, что их головы принадлежат одному телу.

Мы можем увидеть у Иоанна Крестителя кисти Леонардо такой же поднятый палец, как у святой Анны на наброске к картине. Такой же жест можно увидеть на картинах, посвященных теме Благовещения, это работы Орацио Джентилески, фра Анжелико и Леонардо да Винчи (*рис. 15, 16, 17*). Святой Иоанн, как и Леонардо, был незаконнорожденным, нежеланным для семьи ребенком с меланхолическим взглядом.

Рис. 15

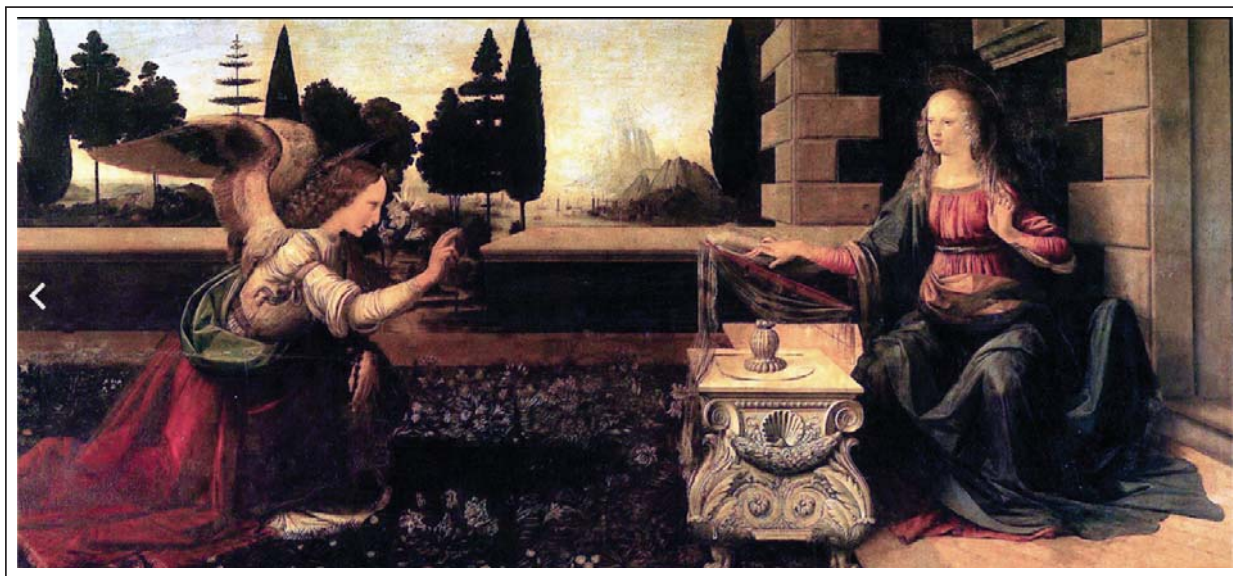

Рис. 16

Рис. 17

Грин в свою очередь подчеркивает, что коитус вызывал отторжение у Леонардо, о чем мы уже говорили ранее, кроме того, он цитирует фразу, в которой заключена мысль о превосходстве живописи над философией: «Под воздействием божественного характера живописи разум и дух художника превращаются в прообраз Бога, поскольку художник обладает могущественной силой – он может свободно творить, создавать всякого рода животных, растения, фрукты, пейзажи, деревни, горные хребты,

разные пугающие места, повергающие в ужас зрителя, или, напротив, чудесные пленительные и приятные пространства...» (*Green, 1992, p. 66*).

Грин приходит к заключению, что для Леонардо живопись – это творчество, стоящее выше, чем рождение детей. Он думает также о том, что там, где Леонардо искал конфигурацию, Фрейд будет потом искать репрезентацию.

Для Андре Грина детское воспоминание может быть пересмотрено следующим образом: если отодвинуть в сторону грифа и чрезмерную близость с матерью, можно рассмотреть улыбку вне контекста травматической реальности. Мы можем предположить, что желание знать может навредить творчеству, и, несомненно, до появления угрозы кастрации у ребенка есть непреодолимое желание смотреть, источник фиксации на пенисе, которым, по его мнению, обладает мать, эти фантазмы лежат в основе фетишизма.

В поддержку этой идеи Грин во вступлении цитирует лирические строки, в которых Леонардо воздаст должное пенису с его дневной и ночной независимостью. Удивительно, что «Ангел во плоти» – это, возможно, на самой деле эротический рисунок, на котором изображен персонаж непонятного пола, у которого есть одновременно женская грудь и эрегированный пенис. Скорее даже на этом рисунке представлен образ гермафродита, как мы видим, этот ангел если и не является двуполым, то по крайней мере обладает атрибутами обоих полов. Он представляет собой результат сгущения – это одновременно мать, обладающая пенисом, и ее невероятно пленительный ребенок... Рисунок для фетишиста-вуайериста и/или для мастурбационных фантазмов? В любом случае можно сказать, что этот рисунок представляет собой фундамент для фрейдовских теорий относительно гомосексуальности Леонардо.

В отличие от Видермана (*Viderman, 1977*), который считал, что только фантазмы имеют значение, Грин (*Green, 1992*) предложил рассматривать более сложную систему – сочетание фантазмов и реальности, инфантильные сексуальные теории Фрейда в качестве основы для понимания гения Леонардо. Грин подчеркивает аспекты незавершенности в судьбе Леонардо, который не оставил после себя потомства. Леонардо пишет своему брату, который объявил о рождении сына, что больше не считает его более осторожным, чем он: «Ты поздравляешь себя с тем, что породил недремлющего врага, который все свои силы направит в сторону свободы, которую он обретет только лишь после твоей смерти» (*Green, 1992, p. 102*). Отцовский комплекс очень хорошо сформулирован в этих словах! Грин считает, что одиночество Леонардо, отражающееся в его картинах, связано с противоречием между двумя отцовскими законами: «Делай как я! Не делай как я!» Грин считает, путь освобождения от этих законов – попытка их понять.

Вопросы

Представьте себе последствия смешения образов потерянной первичной матери и отсутствующего отца, в то время как сам ребенок является живым результатом их сексуальных отношений, и приемную мать, которая усыновляет ребенка по причине своего бесплодия, жену отца, но не родную мать. Как в этих обстоятельствах организовать фантазм перво-сцены, центральный организатор психики, основу психической стабильности?

Глядя на лондонские рисунки, я думаю о том, что на них стерта разница поколений и разница полов. Это могло бы быть специфическим признаком психоза, но не в этом случае, не у Леонардо.

Фетишизм – результат расщепления, структурная движущая сила перверсии – дает нам возможность понять исключительную свободу мышления Леонардо, который в своем творчестве претендовал на то, чтобы считать себя равным Богу.

Еще до появления идей Винникотта Леонардо знал, что ребенок создаст мир. И свою мать. И, кажется, часть Леонардо не отказалась от этих инфантильных идей во взрослом возрасте.

Я бы еще хотел подчеркнуть абсолютное отрицание потери: вновь и вновь воссоздавая потерянную улыбку – фетиш обладания, Леонардо до самой своей смерти сохранил у себя Джоконду и святую Анну. Он так и не смог завершить работу над этими картинами. Именно поэтому два этих полотна оказались в Лувре, поскольку Леонардо привез их с собой во Францию, где он умер в изгнании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Baldacci J.-L.* (2005) Dès le début... la sublimation ? *Revue française de psychanalyse* 2005/5 (Vol. 69), pp. 1405–1474. Paris: Presses Universitaires de France.
2. *Eissler K. R.* (1961) *Leonardo da Vinci; psychoanalytic notes on the enigma.* New York: International Universities Press.
3. *Freud S.* (1990) *Leonardo da Vinci and a Memory of His Childhood.* London: W.W. Norton & Company.
4. *Green A.* (1992) *Révélation de l'inachèvement. Léonard de Vinci.* Paris: Flammarion.
5. *Maïdani Gérard J.-P.* (1994) *Léonard de Vinci: Mythologie ou théologie?* Paris: Puf.
6. *Shapiro M.* (1956) *Leonardo and Freud: An Art-Historical Study.* *Journal of the History of Ideas.* Vol. 17, No. 2 (Apr., 1956), pp. 147–178. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
7. *Smiraglia Scognamiglio N.* (1900) *Ricerche e documenti sulla giovinezza di Leonardo da Vinci (1452–1482).* Padova: R. Marghieri di Gius.
8. *Solmi E.* (1907) *Leonardo (1452–1519).* Siena: Barbera Editore.
9. *Viderman S.* (1977) *La construction de l'espace analytique. Le céleste et le sublunaire.* Paris: Puf.

Leonardo da Vinci, a memory of his childhood memories and the Burlington House Cartoon

Denys Ribas

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Denys Ribas, psychiatrist and psychoanalyst, past-president of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), former director of the «Journal of French Psychoanalysis» (Revue française de psychanalyse). For a long time, Denis Ribas managed the daytime department of a children's psychiatric hospital and worked with children with autism spectrum disorders. The results of many years of clinical experience are reflected in the books «The Mystery of Autistic Children», «Disagreements on the Theme of Autism and the Search for Common Ground», «Dangerous Unliaisons» and numerous articles on the topic of destructiveness associated with the unleashing of drives.

This article examines Sigmund Freud's essay "An Early Memories of Leonardo da Vinci", published in 1910, analyzes the mistakes made by Freud in translation and various hypotheses regarding the connection between Leonardo's work, his personal history and the peculiarities of his mental functioning. The author, on the basis of an extensive bibliography, explores the life and work of Leonardo da Vinci, puts forward hypotheses regarding the mental functioning of a genius, the protective mechanisms that prevail in him, manifested in his work – non his canvases.

Keywords: repression, condensation, sublimation, fetishism, drive transformation.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОАНАЛИЗА

Что нам делать с и без эротического переноса?

А. В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

В предлагаемой статье автор утверждает, что амбивалентный интерперенос существует с самого начала психоаналитического процесса и представляет собой динамически изменяющийся баланс между эротической и агрессивной составляющими. Эротический перенос и контрперенос неразрывно связаны с первосценами, соответственно, пациента и аналитика. Способность аналитика поддерживать и прорабатывать эротический перенос без его перехода в «горячие» фазы; выходить из них, если они возникнут, сохраняя психоаналитический процесс, – все это прямо зависит от устойчивости его внутренней триангулярности, а именно от достаточно хорошего принятия собственной первосцены. Это позволит ему принимать всевозможные отцовские и материнские проекции пациента и быть для него в переносе и контрпереносе одновременно разными образами матери и отца. Способность аналитика к одновременной бессознательной эмпатической идентификации с последними прямо зависит от возникшего у него в ходе собственного анализа в определенной степени бесконфликтного внутреннего пространства первосцены – эротического сосуществования отцовского и материнского, мужского и женского.

Теоретические положения подробно проиллюстрированы анализом психотерапевтического кейса.

Ключевые слова: психоанализ, квантовый психоанализ, перенос, контрперенос, эротический перенос, первосцена, интерперенос, интерпретация.

«Путь аналитика иной – такой, которому нет примера в реальной жизни».
Зигмунд Фрейд. «Заметки о любви в переносе» (1915)

Без эротического переноса нет психоанализа?

В начале статьи я выскажу несколько собственных тезисов о месте и судьбе эротического переноса в психоаналитическом процессе.

1) Нет ни одного психоаналитического процесса без эротического (любовного) переноса. Если психоанализ начался, эротический перенос уже в нем присутствует.

2) В каждом психоаналитическом процессе с самого начала присутствует трансферентно-контртрансферентная первосцена.

3) Нет эротизированного переноса пациента без скрытого эротизированного контрпереноса аналитика.

4) Нет ни одного психоаналитического процесса без амбивалентного (любовного и враждебного одновременно) переноса и контрпереноса.

5) Нет ни одного психоаналитического процесса без одновременного существования отцовского и материнского амбивалентных переносов и контрпереносов.

6) Остатки как любовного, так и агрессивного переноса и контрпереноса продолжают существовать и после хорошего завершения анализа.

Теоретическое знание о том, что эротический перенос может *иногда* проявляться в работе с некоторыми пациентами, защищает аналитика от необходимости быть в контакте с влечением к жизни как у своих пациентов, так и у самого себя. Эротический перенос пугает возможностью быстрого перехода в эротизированную форму (Сандлер и др., 1997), подобно тому как небольшие волны могут быстро перейти в сильный шторм. Еще большую тревогу вызывает эротический контрперенос, до сих пор расцениваемый многими аналитиками как показатель профнепригодности или свидетельство недостаточно хорошо пройденного собственного анализа.

Как бы ни хотелось коллегам-психотерапевтам гуманистических направлений, ни у нас, ни у наших пациентов нет экзистенциального, духовного, несексуального внутреннего мира. Внутренний мир каждого из нас неустранимо и базово инфантильно психосексуальный, и эта его любовно-эротическая основа останется с нами вплоть до самой смерти. Это, конечно, никак не ущемляет ни его экзистенциальности, ни его духовности, которые формируются как ответ на его психосексуальность.

Психоаналитический процесс возникнет только в том случае, если в нем с самого начала будет развиваться как эротический, так и агрессивный перенос. Разыгрывая на психоаналитической сцене конфликты своих влечений к жизни (любви) и смерти (ненависти), пациент вовлекает в них аналитика, который посредством своего контрпереноса неизбежно оказывается на этой же сцене.

Чтобы аналитик мог поддерживать в ходе анализа психическое пространство, в котором эротический перенос и контрперенос развивались

без чрезмерного защитного отыгрывания или перехода к «горячим» формам, у него должна быть устойчивая внутренняя триангулярность, а именно достаточно хорошее принятие внутренней психической первосцены и, соответственно, собственной психической бисексуальности. Это позволит ему принимать всевозможные отцовские и материнские проекции пациента и быть для него в переносе и контрпереносе одновременно разными образами матери и отца. Способность аналитика к одновременной бессознательной эмпатической идентификации с последними прямо зависит от возникшего у него в ходе собственного анализа в определенной степени бесконфликтного внутреннего пространства первосцены – эротического сосуществования отцовского и материнского, мужского и женского.

Психоанализ как совместное путешествие, способствующее открытию пациентом неизвестных областей своего конфликтного внутреннего мира, сопровождается совместным регрессом обоих участников, запускающим процесс развития множественных химер интерпереноса (Россохин, 2020), который всегда эротический и агрессивный в один и тот же момент и в котором влечение к жизни (любовь) и влечение к смерти (ненависть) сосуществуют с самого начала.

Если регресс действительно происходит, а это является одним из необходимых условий психоанализа, то разворачивающийся на психоаналитической сцене регрессивно-эмпатический, трансферентно-контртрансферентный (интертрансферентный) психический спектакль отражает важные для пациента психосексуальные конфликты. Это простое описание психоанализа помогает нам понять, что с самого начала представление на сцене проходит под влиянием эротического и агрессивного интерпереноса, который принципиально инфантильно психосексуальный или, точнее, психически бисексуальный, то есть в котором одновременно присутствуют как отцовские, так и материнские компоненты.

Размышляя об эротическом переносе, мы зачастую попадаем в диадную ловушку. Это или эдипов (генитальный) отцовский гетеро- или гомоэротический перенос, или соответствующий материнский перенос. Это может быть также преэдипов (прегенитальный) или даже архаический отцовский или материнский перенос. Все выглядит так, словно мы действительно можем в нашей работе последовательно переходить от одного уровня к другому, от матери к отцу и т. п. Подобная диадность и линейность психоаналитической работы как раз и помогают избежать внутреннего «вызова первосцены» – одновременного и непрерывного существования эротического и агрессивного отцовско-материнского представления на психоаналитической сцене.

В статье, посвященной новому прочтению классического кейса Человека-Волка, я привожу некоторые теоретические и технические выводы, согласно которым феноменология взаимодействия переноса пациента и контрпереноса аналитика в ходе психоаналитического процесса представляет собой различные проявления первосцены с ее отцовско-материнскими репрезентациями, неизбежно разворачивающейся на всех трех уровнях – генитальном, прегенитальном, архаическом. Если мы

видим только один уровень развития процесса, это означает лишь то, что два другие разыгрываются во все нарастающей «темноте», и это может привести к непредсказуемым отыгрываниям и вторжениям в текущее развитие анализа (Россохин, 2021).

Смысл вышесказанного заключается в том, что нет никакого эротического переноса и контрпереноса вне первосцены с ее триангулярностью. Если на переднем плане сцены разыгрывается эротический отцовский перенос пациентки к аналитику-мужчине, то совсем недалеко за кулисами скрывается тот или иной материнский эротический или агрессивный перенос. Одновременно на соседних в той или иной степени затемненных психических сценах могут идти эротически и одновременно агрессивно окрашенные постановки прегенитального и архаического уровней интерпереноса с различными эдиповыми, преэдиповыми и архаическими отцовскими и материнскими объектами.

Опасения, связанные с эротическим переносом; сопротивление его появлению и развитию; невозможность его проработки; игнорирование его и/или отрицание, часто приводящие к бессознательному сговору между эротическим переносом и эротическим контрпереносом, – все это может быть следствием фокусирования психоаналитика лишь на одной хорошо освещенной сцене и игнорирования им многих других, менее освещенных сцен.

Из всего сказанного вытекает один простой, но трудный для выполнения технический прием, который может помочь аналитику в работе не только с эротическим переносом, но и с любым другим переносом. Если терапевт не чувствует и не видит в материале пациента элементов эротического переноса, то он должен спросить себя, не избегает ли он их восприятия у пациента и у самого себя. Аналитик может относительно внезапно обнаружить себя в условиях нарастающего эротического шторма, который, например, вызывает у него или пугающий его самого ответный контрперенос, или желание немедленно «поставить пациента на место» путем интерпретации этого переноса. И первое, и второе являются следствием сопротивления аналитика проживанию и пониманию происходящего на психоаналитической сцене. Оказавшись захваченным одной-единственной сценой, он может быть не в состоянии продолжать действительно психоаналитическую работу. Здесь крайне важна способность аналитика выйти из этой захваченности единственной сценой и ввести в психоаналитическое пространство новые сцены.

Сильный отцовский эротический перенос может ослабнуть, если в этот момент аналитик окажется способным быть в контакте не только со своим отцовским, но и с материнским контрпереносом. Это возможно, как я уже отмечал выше, в случае достаточно хорошего принятия им собственной психической бисексуальности и в определенной мере бесконфликтного сосуществования матери и отца в первосцене. Если этот результат не был достигнут в его личном анализе, то он бессознательно будет разрушать одновременное существование эротической пары, стремясь оставить на психоаналитической сцене лишь один объект, мать или отца.

Эротический или любовный перенос?

Что такое эротический перенос? Что мы вкладываем в это определение? Мы часто используем другое прилагательное в качестве синонима – любовный перенос. Два кажущихся на первый взгляд разными термина (эротический и любовный перенос) несут в себе один и тот же смысл. Нет никакой любви без сексуальности и сексуальности без любви. Тождественность эротического и любовного переноса следует из того простого факта, что в основе любого переноса лежит конфликт двух влечений – жизни и смерти. Влечение к жизни в свою очередь базируется на сексуальном влечении. Любовь, будучи более сложным и комплексным понятием, всегда питается сексуальным влечением. Без либидо нет любви. Это касается всех видов любви – между взрослыми людьми, отцовской и материнской, сиблинговой, дружеской, любви детей к родителям и др.

Инфантильная любовь – любовь к родительскому объекту, материнскому или отцовскому, – напрямую связана с сексуальным влечением, и, когда мы говорим о любовном переносе, мы всегда имеем в виду инфантильно-любовный, эротический перенос. Его проявления могут быть совершенно различными – от нежности, заботы, желания быть понятым, услышанным до желания овладеть объектом, поглотить его. В своей предельно эротизированной фазе любовь в переносе (создание связей) отдает доминирование на психической сцене влечению к смерти (разрыв связей), проявляющемуся посредством ненависти в переносе.

Зрелая любовь неизбежно включает в себя элементы инфантильной любви и ненависти, но они не доминируют, а скорее создают богатую эмоциональную палитру взрослым любовным отношениям, в которых влечение к жизни и влечение к смерти нашли свой динамично меняющийся, но не такой разрушительный, как в случае доминирования инфантильных составляющих, баланс между жизнью и смертью, любовью и ненавистью.

В этом смысле совершенно невозможно ни дать определение, ни даже рассуждать о любви вне ее связи с ненавистью. Зрелая любовь – это непрерывно меняющийся баланс любви и ненависти, в котором психические силы развязывания (влечение к смерти, агрессивный перенос) не дают психическим силам связывания (влечение к жизни, любовный перенос) двигаться к слиянию. Динамический, непрерывно меняющийся баланс между любовью (сближение) и ненавистью (разделение) при доминировании влечения к жизни и создает развивающееся пространство любви, непрерывно колеблющееся между слиянием и разделением и одновременно постепенно (осторожно) развивающееся в направлении слияния.

Всегда амбивалентный интерперенос

В соответствии со своей концепцией квантового психоанализа я буду говорить не об эротическом или агрессивном переносе, а о соответствующих состояниях интерпереноса (Россохин, 2010), так как переноса не существует без контрпереноса. Эротический интерперенос (любовь в интерпереносе) – это множество совершенно разнообразных чувств пациента и аналитика в отношении друг друга. Хочется выстроить их спектр в линию от легкой симпатии до страстной горячей любви, подобно градации теплоты воды между двумя крайностями – ледяной и кипящей, однако это был бы предельно упрощенный и неверный взгляд.

Во-первых, например, у пациента нет единственного, целостного образа аналитика. Не просто в разные моменты анализа, а всегда на психоаналитической сцене сосуществует бесконечное множество архаических, преэдиповых, эдиповых отцовских и материнских образов, спроецированных в переносе на аналитика. Кроме этого, каждый такой образ (объект, в том числе и частичный) амбивалентно эмоционально заряжен в соответствии с тем ли иным зафиксированным в бессознательном отношении к нему и отражает соответствующее конфликтное соотношение влечений к жизни и к смерти, любви и ненависти. Все это не просто разрывает линейность описываемой картины, а создает ее принципиальную нелинейность и многомерность.

Это, однако, не лишает нас возможности размышлять и описывать возможные коллизии эротического переноса, проецируя его многомерную нелинейную реальность на одно-, двух- или трехмерные измерения. Тогда мы можем говорить о таких его проявлениях как обо всем спектре доброжелательности (включая доброжелательную нейтральность), симпатии, нежности, инфантильной любви, любви в обыденном взрослом понимании этого слова и т. д. Классически понимаемая «чистая» нейтральность психоаналитика доступна только искусственному интеллекту, лишённому (пока) эмоций.

Часть из них базируется на определенном, нечрезмерном доминировании влечения к жизни, то есть они, как правило, заряжены более либидинально, чем мортидо. Но различие незначительное. Это «теплые», менее «горячие» части спектра интерпереноса. По мере увеличения эмоционального накала, например в любовном направлении (движение к слиянию) перехода к сильной страсти и вызывающему тревогу возбуждению и перевозбуждению, психическая энергия, связанная с влечением к смерти, начинает доминировать над либидо, питающим влечение к жизни. Эротический перенос начинает постепенно (не мгновенно!) переходить в состояния, описываемые как эротизированный перенос. Тем не менее вплоть до «точки невозврата» даже в пространстве так называемого эротизированного переноса аналитик еще может многое сделать и начать постепенный возврат невыносимого и обжигающего эротизированного переноса в его сначала переносимое состояние и затем в более теплую и живую эротическую фазу.

Что для этого нужно? Во-первых, осознание аналитиком собственного вклада в происходящее на анализе – собственного эротизированного контрпереноса, без которого подобный перенос у пациента просто не мог бы развиваться. Осознать бессознательный сговор и начать выход из него представляет собой важнейший начальный этап в проработке трудного эротического переноса, значительно уже перешедшего в почти невыносимую фазу. Постепенный выход из сговора означает возвращение способности аналитика чувствовать и размышлять аналитически. Этот второй этап позволит ему увидеть схваченность одной-единственной сценой, на которой он играл одну-единственную роль, например эдипового или преэдипового отца/матери.

На третьем этапе, который, конечно, происходит не последовательно за вторым, а скорее сопровождает его, аналитик начинает лучше всматриваться в материал пациента, чувствовать и осмысливать его с других, по возможности максимально разных перспектив. Это позволяет ему начать видеть в казавшейся ему ранее кромешной темноте сначала очертания, затем все более ясные фигуры и их действия на других, расположенных на различных уровнях и в отдалении от бывшей ранее основной психоаналитической сцены. Если в эротизированном переносе и контрпереносе он был, например, эдиповым отцом, то он начинает ощущать и видеть материнский преэдипов или эдипов перенос-контрперенос.

Его фиксация на одной сцене ослабевает, определенная, пусть даже совсем небольшая многомерность усиливается. Это сначала снимает «эротизированную» парализованность аналитика, позволяя ему принимать различные отцовско-материнские проекции пациента. Восстановленная внутренняя триангулярность помогает ему начать себя чувствовать в анализе уже не только как эдипов отец, но и как мать в эдиповой первосцене, и/или как менее возбуждающий преэдипов отец, и/или более контейнирующая преэдипова мать в преэдиповой первосцене.

На этом третьем этапе перед пациентом постепенно оказывается не один эдипов отец, а разные материнско-отцовские объекты, что снижает диадную невыносимость и напряжение, расширяет и обогащает центральную сцену, позволяет выйти из диадного капкана. Я думаю, что использовать интерпретации эротического переноса при переходе его в эротизированную фазу непродуктивно и приведет к негативному результату – усилению сопротивления пониманию интерпретаций и еще большему переносу. Диадные отношения должны сначала раскрыться до триадных и более, чтобы пациент, немного успокоившись, был способен начать переосмысление своих переживаний вместе с интерпретирующим аналитиком.

Только на этом четвертом этапе работы с запущенным эротическим переносом его интерпретации будут услышаны и восприняты пациентом. Сами эти интерпретации в начале четвертого этапа должны быть скорее интерпретациями в переносе, но в переносе не эротическом, а в переносе на аналитика другого, успокаивающего и защищающего от перевозбуждения объекта. В нашем примере – интерпретация изнутри преэдипового материнского переноса.

Интерпретация, услышанная из уст эдиповой матери, будет или отвергнута, как слова объекта, мешающего любовной связи с отцом, или, напротив, приведет к усилению вины и самонаказания. Интерпретация же, произнесенная презэдиповой неконфронтующей и заботливой матерью, позволяющей иметь чувства к отцу, но контейнирующей их и защищающей ребенка от перевозбуждения, будет не только услышана, но и может сыграть важнейшую роль в проживании пациентом своих запретных чувств и понимании их.

Кейс эротизированного цунами

В известном сериале «Пациенты» («In Treatment»), в частности, показана работа психотерапевта Пола Уэстона с пациенткой по имени Лора. Это, конечно, придуманная история – фильм, рассказывающий о никогда не происходившей психотерапии, – но он прекрасно демонстрирует один из возможных сценариев развития последней в случае существования бессознательного сговора и его психотравмирующих последствий для обоих участников этого сговора.

Сериал начинается с демонстрации сессии с молодой женщиной, в ходе которой Лора признается психотерапевту в любви. Из сессии мы узнаем, что это происходит спустя год после начала психотерапии лицом к лицу, один раз в неделю. Терапевт изумлен и обескуражен, он, кажется, совершенно не ожидал подобного развития терапии.

Это классический переход от, казалось бы, невидимого терапевтом ранее эротического переноса к эротизированному переносу, переход от постепенно усиливающегося скрытого возбуждения к сильнейшему шторму, который угрожает разрушить всю проделанную работу.

Мог ли психотерапевт не замечать усиливающихся волн во время их совместного с пациенткой плавания? Мог ли эротический перенос пациентки развиваться в течение года сам по себе, без соучастия эротического контрпереноса терапевта? Был ли последний таким же невидимым для психотерапевта, как и перенос пациентки? Наконец, главный вопрос: может ли психотерапевт, столкнувшись с прорывом запретных фантазийных чувств и разрушением терапии, не продолжать делать вид, что ничего не происходит (псевдонейтральность), не защищаться, не перекладывать вину за происходящее на пациента и его психопатологию, не стремиться всеми силами интерпретировать эротический перенос в попытке достучаться до наблюдающего Я пациента, а постепенно успокоить эмоциональный накал и возбуждение пациента, вернуть процесс в психотерапевтическое русло?

На этой показанной в фильме первой сессии, состоявшейся через год после начала психотерапии, Лора рассказывает Полу о своем разрыве с женихом Эндрю и последовавшей за этим сексуальной сценой с незнакомым мужчиной в туалете бара накануне сессии. В конце этой сессии Лора заявляет Полу, что любит и хочет его.

Лора: «Эндрю прав. Я ему изменяю».

Пол: «Вы о том, что было прошлой ночью?»

Лора: «Не только прошлой ночью. Я ему давно изменяю».

Пол: «Почему мы не обсуждали это прежде?»

Лора: «Мы обсуждали это с самого начала. Хотите сказать, что вы не замечали? Вы удивлены?»

Пол: «Нет, я не удивлен. Я просто не понимаю, о чем вы».

Лора: «Не на такую реакцию я рассчитывала, не на такую».

Пол: «А на какую реакцию вы рассчитывали?»

Лора: «У меня было два сценария. Первый – вы встаете, обнимаете меня и говорите: "Я люблю тебя, я тоже люблю тебя, Лора. Люблю тебя уже давно, я просто хотел, чтобы ты сказала это первой". И мы занимаемся любовью».

Пол: «А вторым сценарий?»

Лора: «Такой же, как первый, но без секса, мы просто сидим рядом.

(Пауза.)

Слушайте, мне даже говорить об этом стыдно. Вы сидите тут, как чертов Будда, как будто понятия не имеете, о чем речь. Просто униженительно».

Пол: «Давно у вас такие чувства?»

Лора: «Год, с первого сеанса. Я думала, это пройдет, думала, это просто увлечение, не более. Но становилось только хуже. Вы стали смыслом моей жизни».

Пол: «Лора, я ваш психотерапевт. Правила и границы наших отношений заданы профессиональной этикой. Я не вариант. Возможно, вы используете меня как предлог, чтобы поставить точку в отношениях с Эндрю».

Лора: «Знаете, почему я не трахнулась с тем парнем? Не из-за Эндрю. Не потому, что не хотела изменить, я хочу изменить ему, но с вами».

(Дальше Лора рассказывает о том, как она фантазировала в баре о своем психотерапевте и сексе с ним в туалете.)

Лора: «Я будто пришла сюда в потемках и ухожу в еще большую тьму. Ну, как мне быть?»

Пол: «Поговорим об этом через неделю».

Сразу замечу, что, по-видимому, подобная возникшая в психотерапии ситуация крайне редка в психоанализе. Психоаналитики благодаря личному анализу, как правило, способны осознавать появление эротического переноса и умеют работать с ним, не допуская его перехода в критически турбулентную эротизированную фазу.

В рассматриваемом примере терапевт оказался быстро соблазненным пациенткой на получение тайного, скрытого от самого себя, эротического удовлетворения. Бессознательный сговор между ними, возникший практически с первых сессий, мог оставаться за кулисами еще долгое время, если бы Лора не решилась смело вывести его на сцену. При ярком свете рампы они «эффективно» психотерапевтически сотрудничали, но в полутьме за кулисами разыгрывалась совсем другая драма, в которой

психотерапевт не был ни жертвой любовных притязаний пациентки, ни ее пассивным участником, а играл вполне активную роль. Важно ясно осознавать, что вся ответственность за последствия такой «психотерапии» лежит на психотерапевте, а не на пациентке, которая вместо помощи получила тщетную надежду на удовлетворение инфантильных запретных желаний, направленных на своего отца.

Немного проанализируем эту и три последующие за ней сессии на предмет того, что упустил психотерапевт и мог ли он что-то сделать даже в такой запущенной до 9-балльного шторма психотерапевтической ситуации.

У нас нет возможности проследить, как проявлялся эротический перенос-контрперенос с начала психотерапии, когда и как он мог бы быть распознан более опытным и проработанным психотерапевтом, но совершенно очевидно, что за год работы в материале сессий было множество более или менее заметных сигналов и проявлений, указывающих на его развитие. Никакой шторм не начинается мгновенно. Опытный капитан будет способен предугадать его приближение по некоторым признакам: изменение цвета неба; быстрое, разнонаправленное движение облаков; море становится беспокойным, волны идут не по ветру и постепенно усиливаются; появляется пена на гребне волны и др. Это понимание или, точнее, слушание и чувствование морской ситуации позволяют ему или продолжать плавание на корабле, или принять решение об уходе в бухту с целью переждать там шторм.

Аналогично опытный психоаналитик предчувствует приближение эротического переноса, продолжает анализ и дает ему возможность развиваться до того момента, пока этот перенос не будет нуждаться в проработке и интерпретировании. Слишком ранняя интерпретация эротического переноса, часто являющаяся следствием боязни терапевта собственного контрпереноса, прекратит регресс пациента, а вместе с ним и весь психоаналитический процесс, который рискует в этом случае превратиться в интеллектуально-аналитическую психотерапию.

Слишком поздняя проработка эротического переноса, являющаяся следствием сопротивления терапевта осознанию собственного контрпереноса, может привести или к бессознательному стовору, или к «цунами»-отыгрыванию вовне или в терапии, разрушающему весь процесс лечения и способному привести к чрезвычайно деструктивным последствиям для обоих участников, в первую очередь для пациента, конечно.

В этой статье я использую придуманный в фильме сценарий психотерапии, чтобы на его примере посмотреть, что можно сделать в ситуации «цунами», возможно ли его выдержать и начать делать что-то, чтобы перенос постепенно успокаивался и работа могла продолжиться.

В самом начале первой сессии, в конце которой она призналась терапевту в любви, Лора, рассказывая про ссору с Эндрю, говорит: «Я бросилась в истерику, как **трехлетняя**, лежала, рыдала, послала его к черту». И в другом месте этой же сессии: «Я собиралась пописать в одиночестве. Я с **трех лет** с этим сама справляюсь».

Это упоминание о трех годах не случайно. Оно отсылает нас к тому, что то, что прямо сейчас переживает пациентка, относится не к ее взрослой

любовной жизни, а к раннему периоду ее детства. Это, однако, никак не заинтересовало ее психотерапевта. Как истерика и рыдания в три года связаны с такими же переживаниями при разрыве с женихом? Лора использует третью фигуру (мужчина в баре, психотерапевт) для того, чтобы разорвать пугающие ее возрастающей близостью отношения с Эндрю, на которого она одновременно проецирует и материнский, и отцовский образы. На четвертой сессии мы узнаем о ее сильном чувстве любви к матери и страшной боли от ее потери. Ее отец, который должен был бы поддерживать дочь, потерявшую мать, сам впал в горе и проявлял к ней полное безразличие, в то время как она ждала от него исцеляющей любви. Она думала, что получит эту любовь от другого отцовского объекта, Дэвида, который, злоупотребляя ею, дал ей немного этой «любви» в обмен на сексуальные отношения.

На центральной сцене психотерапевт таким образом стал новым воплощением отцовского объекта, от которого она ожидала наконец получить внимание, заботу и любовь, которую не могла получить от своего отца. История с Дэвидом показала ей, что «отцовскую» любовь невозможно получить без платы за нее в виде секса, поэтому она и развила эротический перенос с самого начала психотерапии.

Фактически вместо помощи пациентке в регрессе в ранние детские годы и проживании соответствующих материнско-отцовско-детских конфликтов (три года!) терапевт бессознательно удовлетворился защитной ролью злоупотребляющего ею заместителя отца. Защитной не только для него, но именно для нее, так как эта роль защищает Лору от встречи с горем от потери матери и невозможности получить любовь от отца.

Истинно психоаналитический взгляд, тем не менее, должен привести нас и к другим психическим сценам, на которых маленькая девочка, потерявшая мать, не просто ждет отцовской любви, но, испытав не только боль, но и триумф от ухода матери, стремится заменить ее в своей жизни с отцом. Мы знаем, что она старалась заботиться о нем как мать (делала ему завтраки) и, видимо, пыталась, соблазняя его как маленькая девочка, фантазирующая о том, что она взрослая женщина, «вдохнуть в него жизнь», как это она делала затем со своим психотерапевтом.

Она ожидала от отца именно второй, а не первый вариант ответа на ее инфантильную заботу и соблазнение. Напомню, что в отцовском переносе на Пола она говорит о двух сценариях ответа терапевта на ее признание в любви. Первый – любовь и секс. Вторым – только любовь, без секса.

Если бы терапевт смог увидеть эту вторую, спрятанную за первой, перевозбужденной сцену, то у него появился бы шанс начать говорить с пациенткой именно об этой сцене и о том, что на ней происходит (неинцестуозная любовь от/к отцу и матери), и это постепенное переключение на ранние детские переживания могло бы успокоить эротизированное цунами на передней, ярко освещенной психотерапевтической сцене (первый сценарий – любовь за секс, за инцест).

Для того чтобы увидеть эту скрытую сцену, терапевт должен был бы слушать пациента не только своими собственными ушами, удовлетворяющими нужды его вытесненных сексуальных влечений, но в первую

очередь контртрансферентными отцовским и материнским ушами одновременно – быть способным принять на себя и отцовские, и материнские проекции, образы, быть для пациентки и матерью, и отцом в переносе одновременно, осознавая возникающие при этом конфликты и прорабатывая их вместе с пациенткой.

Видеть материал как материнским, так и отцовским глазом, по возможности одновременно; слушать его (и самого себя) как материнским, так и отцовским ухом – это возможность вести психоаналитический процесс одновременно на разных сценах, не теряя его многомерности и нелинейности. Это единственная гарантия от блокирования психоанализа на одной-единственной сцене или от попадания в бессознательный сговор.

Приведу еще один пример того, как можно услышать материал материнским ухом. На этой же первой сессии Лора, рассказывая, как после разрыва с Дэвидом с ней познакомился мужчина в баре, сказала: «Знаете, что сказал? Он сказал: **"Ты такая грустная"**. А я ему: "Правда?" А он: "Да, правда, это тебе идет"... Что скажете? Мне правда идет, когда я грустная?» Пол ответил: «Боюсь, что **грусть никому не идет**». Этим ответом он не просто проигнорировал грусть пациентки, он фактически сказал ей, что если она хочет ему нравиться, то она не должна быть грустной и рассказывать ему про свою грусть. В других моментах терапевт был внимателен к ее различным и не только положительным чувствам, но в этот момент он ответил изнутри своего контрпереноса, поощряя ее к защитным проявлениям приятного соблазнения. Если бы он услышал материнским ухом, что Лора говорит о том, что **она была грустная**, то он постарался бы лучше понять причины ее **грусти от потери** жениха, вместо того чтобы интерпретировать все происходящее как его использование Лорой для того, чтобы разорвать отношения с Эндрю.

На второй сессии Лора внезапно замолчала. И, когда Пол спросил ее, о чем она думает, она ответила, что ей пришла в голову страшная мысль о том, что с ним может что-то случиться. Через сессию мы узнаем, что ее мать умерла от рака, и, очевидно, что за год терапии Пол не мог не узнать об этом. Тем не менее это указание на скрытый материнский перенос, одновременно присутствующий с эротизированным отцовским переносом, было также проигнорировано терапевтом, что привело к драматическому отыгрыванию в самом конце сессии.

Лора: «Я знала, что вы будете все отрицать. Разве такое могло с вами случиться? Но оно случилось. Я это знаю, и вы это знаете».

Пол: «Что случилось, Лора?»

Лора: «Вы и я, Пол. Мы случились. И все то, о чем вы думаете, перед тем как засыпаете рядом со своей женой».

Пол: «Наше время закончилось, Лора. Мы продолжим через неделю».

И уже в дверях Лора поворачивается к терапевту и говорит: «Вы обязаны это сказать. Просто скажите. Вы хотите меня? Просто ответьте – да или нет». Пол отвечает: «Нет». Лора выходит из кабинета.

Казалось бы, что перенос достиг уровня цунами и психотерапию уже ничего не может спасти, но мы увидим, что вплоть до самого последнего разрушения у терапевта все еще была возможность вернуть процесс в терапевтическое русло.

На третьей сессии Лора атакует Пола, говоря ему, что он прячется за правилами, чтобы не говорить о случившемся, словно ничего и не было. Она обвиняет его, что если бы она не заговорила о том, чем закончилась предыдущая сессия, то он и не вспомнил бы об этом. В конце этой сессии она говорит: «Я поняла вас, Пол. Вы хотите выгнать меня из терапии. Я все поняла».

Пол: «Я не хочу выгонять вас. Но я считаю, что нам следует допустить возможность закончить эти сеансы».

Лора: «Как давно вы думаете об этом? Вы давно уже планируете избавиться от меня?»...

Пол: «Я только прошу вас подумать, помогает ли вам эта терапия».

Лора: «О! Теперь вы пытаетесь смягчить удар, спасибо, не беспокойтесь».

Пол: «Во-вторых, я думаю, что это вы давно отказались от меня. Вы не хотите, чтобы я относился к вам как психолог. Вы хотите, чтобы я вел себя как человек, влюбленный в вас. Я считаю, что это не оставляет нам шансов на успех в терапии. Давайте признаем, я давно уже не психолог для вас, Лора. Я тот, кто говорит вам "нет", я тот, кто вас унижает. Я целый год унижаю вас тем, что не отвечаю вам взаимностью. Я искренне считаю, что очень трудно продолжать работу с таким эмоциональным напряжением».

Лора: «Вы вдруг перестали быть хорошим психологом? Я что, первая пациентка, которая влюбилась в вас, Пол? Вы терапевт с 20-летним стажем. Вы должны знать, что делается в таких случаях. Господи, разберитесь же с этим!.. (Пауза.) ...А может быть, вы не можете меня консультировать, потому что тоже любите меня?»

Мы слышим крик о помощи, обращенный к психотерапевту и повисший в воздухе. Вместо помощи Пол ответил: «Я не могу, потому что вы слишком часто переходили границы. Вы нарушили их, сказав, что не хотите быть моей пациенткой».

На четвертом сеансе Лора подробно рассказывает Полу о том, как она занималась любовью с Алексом, другим пациентом Пола, и как она испытала фантастический оргазм. В ответ Пол, находящийся в сильном неосознаваемом им контрпереносе, раздраженно нападает на Лору: «На это можно посмотреть с разных сторон. Но мне очевидно одно: вы переспали с моим пациентом». Дальше между ними следует перепалка, в процессе которой Пол старается продолжать психотерапию: «Вы не случайно переспали с ним, и я не считаю совпадением то, что у вас начался роман сразу после того, как я предложил вам закончить терапию». Он совершенно точно проводит связь между отыгрыванием Лоры накануне признания терапевту в любви и сексом с Алексом и заканчивает свою интерпретацию

сильным выводом: «Вот как вы решили сказать мне о своих чувствах – через секс с другим». Это лишь вызывает рост сопротивления и агрессию у Лоры: «Пол, я ясно сказала, без намеков и уловок, что хочу вас. Мне не нужно спать с другим мужчиной, чтобы сообщить об этом».

Пол продолжает: «Что вас так расстроило в Алексее?»

Лора: «Его одиночество. Он грустный».

Пол понимает, что Лора проецирует на Алекса свои собственные чувства: «Вам было грустно?»

«Нет, – грустно отвечает Лора, – я испытывала желание».

Пол: «Вам грустно из-за него, но не из-за себя».

Лора: «К чему вы ведете?»

Пол: «Может быть, вам было грустно потому, что вы были не с тем, с кем хотели быть?»

Эта «блестящая» интерпретация Пола показывает силу его вовлеченности в эротизированный перенос. Она кажется точной, но она фактически переводит фантазийное, трансферентное, нереальное и инфантильное пространство переживаний Лоры в мир взрослых взаимоотношений мужчины и женщины, объективирует их, придает им статус реальных, а не трансферентных.

Лора немедленно реагирует: «То есть когда я спала с Алексом, на самом деле я спала с вами?»

Пол повышает ставки: «Это так?»

Лора контратакует: «Не льстите себе».

Пол: «Это не комплимент, Лора. Это больше похоже на вызов. Смотри, что ты потерял, Пол. Ты трус, идиот».

Эта кажущаяся интерпретационная смелость Пола представляет собой не более чем пик отыгрывания его собственного эротизированного контрпереноса. Они оба все больше говорят о происходящем как об объективной реальности. Даже если бы вместо этого перевозбужденного эротического взаимодействия психотерапевт стремился связать чувства Лоры с переносом на него ее отношения к отцу в детстве, это бы не вызвало ничего, кроме усиления агрессии пациента, уверенного в том, что психотерапевт ее любит и просто боится этих чувств.

И вновь, как и в предыдущей сессии, именно Лора, стремясь сохранить отношения с терапевтом (в переносе – с важными для нее материнским и отцовским объектами) и не довести ситуацию до разрыва и прекращения терапии, отступает от эротизированной пропасти. Она внезапно успокаивается, ее напряжение спадает, и она говорит тихим голосом: «Я устала... я так устала...» Лора словно превращается в маленькую беззащитную девочку. Она внимательно смотрит на Пола, словно ищет в нем кого-то другого, кто может ее защитить от ее перевозбуждения, успокоить ее, с кем она не чувствовала бы себя одинокой и кому она не должна была бы платить за это присутствие сексом.

Лора: «Когда Алекс ушел, я не могла заснуть. Мне вдруг ужасно захотелось чизкейка... Знаете, эти чудесные воздушные чизкейки, которые потрясающе пахнут. Моя мама пекла такие. Каждую пятницу, погуляв с друзьями, я приходила домой... этот запах, он опьянял... как будто ароматный след вел меня домой... как в мультфильмах. А потом мама заболела. Рак был только в начальной стадии. Когда началась химиотерапия, она перестала печь. Она очень уставала. У нее не было сил. Это был первый знак, что скоро случится что-то плохое. Когда она болела, я заметила, что брожу по коридорам дома, поднимаюсь и спускаюсь по лестнице и ищу запах чизкейка... Звучит банально, да? ...Я помню, как однажды женщина вышла из своей квартиры (Лора плачет, и Пол заботливо протягивает ей салфетки) и увидела меня в коридоре. Она не знала, кто я. Наверное, она недавно переехала. Она начала кричать на меня: «Уходи домой, ты что делаешь, чего стоишь?» (Плачет.)

Лора снова говорит о желании, но оно не относится ни, с ее точки зрения, к «легитимному» желанию мужчины-терапевта, ни к запретному желанию, направленному к отцу. В этот момент возможной потери терапевта она вспоминает о потере матери, о материнской заботе (чизкейк), которая всегда насыщала ее и давала ей ощущение полноты жизни. Пол, не зная, что делать с признанием пациентки, и бессознательно боясь своего влечения к ней, предлагает ей закончить терапию. Он выступает в роли той женщины из ее воспоминания, которая прогоняла маленькую Лору из ее дома.

Если бы психотерапевт не был так сильно погружен в свой эротизированный контрперенос, если бы он смог услышать пациентку не только своим отцовским, но и материнским ухом, если бы он не был полностью захвачен одной-единственной сценой, он мог бы достаточно легко увидеть перед собой не истеричную пациентку, ищущую в нем ту отцовскую любовь, которой ей так не хватало в детстве, когда она осталась с ним одна после смерти матери. Ее отец, полностью погружившийся в свое горе, проявлял безразличие к дочери, которой так требовалась его забота и невозбужденная любовь.

Другая отцовская фигура, знакомый семьи Дэвид, воспользовался этим невыносимым одиночеством девочки, закрепив у нее сценарий «Лолиты»: после смерти матери ты можешь получить любовь, только заплатив за это сексом. В этот момент сессии Лоре была так необходима потерянная мать, ее материнский перенос на Пола предельно ясно и открыто выражался в словах, что не так часто бывает. Однако терапевт не услышал этого призыва, который мог бы успокоить перевозбуждение и сохранить психотерапевтический процесс.

Пол: «Почему в ту ночь вы вспомнили именно это?»

Лора (сквозь слезы): «Не знаю... Я всю квартиру перерыла, искала их рецепт. Это все равно не помогло бы. У меня в холодильнике пусто... А потом позвонил Алекс, поблагодарил меня, сказал, что ему было со мной хорошо и что он хочет снова меня увидеть. Я подумала: "Ну надо же!" Он заедет за мной сюда».

Лора искала рецепт того, как иметь любовь без платы за нее в виде секса, но не могла его найти. Вновь появившийся Алекс успокоил ее. Он был готов «любить ее», если у них будет секс. Пол почти гневно восклицает: «Сюда?»

Почти сразу вслед за этим последовал очередной эмоциональный взрыв со стороны Лоры, которая кричит своему психотерапевту: «Вместо того чтобы откровенно сказать: "Послушай, Лора, у меня тоже есть чувства к тебе, и мне трудно с ними справиться". Вместо того чтобы обсудить это, чтобы мы могли продолжить терапию, чтобы...» Пол перебивает ее: «Чтобы что? Чтобы мы могли быть вместе? Вы это имеете в виду?» Лора выкрикивает: «Мы уже год вместе, Пол. Год! Между нами больше близости, чем между большинством мужей и жен. Разве нет?»

Мы ясно видим желание Лоры **продолжить терапию**, которое смешивается с инфантильным эротизированным переносом, требующим секса прямо здесь и сейчас. В очередной раз Пол, вместо того чтобы услышать ее желание продолжать терапию и постепенно на его основе аккуратно прорабатывать ее страх близких отношений с женихом и стремление их разрушить в ожидании потери, безразличия или предательства, вновь переводит фокус на их взаимоотношения, усиливая и без того невыносимое перевозбуждение пациентки.

Я постарался показать, что даже в самых, казалось бы, безнадежных психотерапевтических ситуациях всегда присутствует материал, который, если он будет услышан обоими ушами – материнским и отцовским – одновременно, может помочь психотерапевту/психоаналитику обнаружить другие, скрытые в полутьме психические сцены и преодолеть схваченность одной-единственной сценой, на которой бушует цунами. Для этого, однако, терапевт должен сначала выйти из своего собственного эротизированного переноса, о существовании которого он до этого момента оставался в неведении.

Для эротического интерпереноса, который перешел в эротизированную, горячую фазу отыгрывания в действии или в речи пациента и/или психоаналитика, характерна непреклонная убежденность одного из них или обоих сразу в том, что их любовные чувства ко второму участнику психоанализа абсолютно реальны, что эти чувства именно те, которые два взрослых человека могут испытывать друг к другу. Если такой интерперенос прошел определенную точку невозврата, то сделать уже ничего нельзя. Аналитик не сможет увидеть и услышать то, что могло бы ему помочь постепенно открыть другие затемненные сцены, немного успокаивая ситуацию и возвращая ее в психоаналитическое русло. В этом случае он не сможет помочь ни пациенту, ни себе и повторная травматизация неизбежна. Лучшее, что терапевт может сделать для пациента в такой ситуации, – честно признаться ему/ей, что он оказался недостаточно профессионально компетентным, чтобы защитить его от повторения травмы, и посоветовать ему начать психоанализ с другим аналитиком. Сам он также должен предпринять новый личный анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Россохин А. В.* Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010.
2. *Россохин А. В.* Интерпретации в психоанализе: там, где было Я и Оно, должно стать Иное // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. № 1(1). С. 5–51.
3. *Россохин А. В.* Эдипова и/или архаическая первосцена. «Человек-Волк» – новое прочтение (часть 2) // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. № 2(2). С. 22–40.
4. *Россохин А. В.* Коллизии современного психоанализа: от конфронтации подходов к их динамическому взаимодействию (эволюция теории аналитической техники) // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2022. № 3(2). С. 18–81.
5. *Сандлер Дж., Дэр К., Холдер А.* Пациент и психоаналитик. Основы психоаналитического процесса. М.: Смысл, 1997.
6. *Фрейд З.* Заметки о любви в переносе // Эротический и эротизированный перенос / Под ред. М. В. Ромашкевича. М.: Канон, 2015.

What we do with and without erotic transference?

A. V. Rossokhin

Rossokhin Andrey V., Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).*

In the proposed article, the author argues that ambivalent intertransference exists from the very beginning of the psychoanalytic process and represents a dynamically changing balance between erotic and aggressive components. Erotic transference and countertransference are inseparably linked with the primal scenes of the patient and the analyst respectively. The analyst's ability to maintain and work through erotic transference without its transition into "hot" phases; to get out of them, if they arise, preserving the psychoanalytic process – all this directly depends on the stability of his internal triangularity, namely, on a good enough acceptance of his own primal scene. This will allow him to accept all kinds of paternal and maternal projections of the patient and to be for him in transference and countertransference different images of mother and father at the same time. The analyst's ability of simultaneous unconscious empathic identification with the latter directly depends on the, to a certain extent, conflict-free inner space of the primal scene that has developed in his own analysis - the erotic coexistence of the paternal and maternal, masculine and feminine. The theoretical positions are illustrated in detail by the analysis of the psychotherapeutic case.

Keywords: psychoanalysis, quantum psychoanalysis, transference, countertransference, erotic transference, primal scene, intertransference, interpretation.

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Загадка сублимации (Часть 2)

М. А. Чершинцева

Чершинцева Мария Александровна – кандидат наук (культурология), магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт, клинический психолог, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации (МПА), заместитель главного редактора Журнала клинического и прикладного психоанализа, старший преподаватель магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» (НИУ ВШЭ), приглашенный преподаватель Института психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Во второй части статьи сублимация рассматривается в рамках первофантазма о «возвращении в утробу», в нирвану (на стороне жизни или смерти). Также речь идет об объекте сублимации, зависящем от уровня психического функционирования субъекта (невротический, нарциссический, психотический). Рассуждая о механизме сублимации, можно разделить феномены вдохновения и компульсии и, кроме того, отделить сублимацию от реактивного образования, проработки и «сублимаций», необходимых культуре. В сублимации можно обнаружить и аутоэротический уровень (мастурбаторное повторение), и нарциссический (фетишизирующий, проецирующий и идеализирующий), и уровень высшей символической деятельности, организованный по принципам «цветущей и благородной» игры (Хэйзинга). Мышление при работе сублимации показывает объектализирующую и символизирующую свою функцию. Только ли либидо является двигателем истинной сублимации, раскрытой на всех своих уровнях – от аутоэротического до игрового и символического? Можем ли мы дать однозначный ответ о том, что такое сублимация, и объяснить ее природу?

Ключевые слова: сублимация, влечение к жизни, влечение к смерти, нирвана, символический объект, вдохновение, компульсия, реактивное образование, проработка, символическое мышление.

II. Загадка сублимации в ее отношении к символическому (Продолжение)

Две нирваны

Фантазм о самопорождении связан (даже взаимосвязан, наподобие обращения смыслов один в другой, как на ленте Мебиуса) с первофантазмом о возвращении в «потерянный рай», в утробу. Ведь возможность возвращения как будто предполагает возможность родиться заново. Когда мы говорим о сублимации, мы можем представить себе прекрасную символическую утробу (мифологическое яйцо, алхимическую реторту, фантазийный мир художника и т. д.), возвращение в которую равно перманентному (отчасти контролируемому) регрессу, отступлению (смещению влечения по цели), погружению Я в питающую в символическом отношении среду, где должно произойти «чудо». Фантазия об этом «возвращении» равна обещанию блаженства (посмертного – для древнего египтянина, прижизненного – для художника, но находящегося где-то за гранью обыденности – для обоих), предварительный доступ к которому открыт через работу сублимации. Собственно, в обещании и состоит, как можно догадаться, сила этого первофантазма, – обещание дает надежду и формирует психическую опору. Когда другие опоры недостаточно крепки, эта («принцип нирваны») может оказаться единственной прочной.

Однако первофантазм о «возвращении» традиционно соотносится с действием влечения к смерти. Может ли смерть быть опорой жизни? Очевидная здесь парадоксальность имеет интересные филогенетические основы. В своей лекции о ритуалах перехода в Древнем Египте В. Солкин отмечает: «Смерть породила Древний Египет, а вообще-то породила и самого человека. Потому что человек, в отличие от животных, знающий о конечности своей земной жизни, пытается эту жизнь запечатлеть. Именно смерть породила первые заупокойные маски и через них – скульптурный портрет. Именно смерть породила воспоминания о предках, а через них – воспоминание об имени и желание деяний, <...> чтобы то, что было сотворено близкими, передать в годы грядущие. Именно смерть совершенно по-другому задала человеку многие этические и значимые вопросы, на которые он пытался отвечать на протяжении всех трех тысячелетий существования египетской письменной культуры» (Солкин, 2017).

Там же, в Египте, мы находим образ «нирваны» как «утробы матери», питающей не смерть, но жизнь в какой-то иной (сублимированной?) ее форме: «Египет архаический <...> рождал первые иероглифические знаки и расписывал горшки образами богини-матери, для того чтобы положить их в гробницу дорогого усопшего человека в надежде на то, что там, в мире ином, <...> мать небесная в своей великой предвечной утробе переродила бы умершего и дала бы ему вечное существование» (Солкин, 2017).

Смерть и жизнь оказываются соединены здесь неразрывно, и кажется, что бессмысленным было бы пытаться разделить их, это все равно что отсечь одну сторону медали от другой. Но так же верно, что здесь

образуется ряд: от фантазии о живой материнской утробе к утробе-ларцу (ларец Кипсела, убежище, в котором мать сохранила младенца¹), затем к утробе-саркофагу (хранителю посмертных телесных превращений) и к утробе-могиле (к гробу,местилищу останков). Это витиеватая символическая линия на «шкале влечений», ведущая нас через смерть в жизнь, но и через жизнь – в смерть. Глядя на возникающую запутанность, мы, ничего не знающие о смерти, способны, во всяком случае, сказать, что не можем рассуждать о ней однозначно.

Фантазия о «возвращении» – является ли она первым кругом компульсии? Солнце египтян компульсивно (оно «умирает», «съедается», «проглатывается» богиней-матерью каждый вечер и «рождается» из ее утробы каждое утро), однако бесконечным кругом смерти/рождения оно снова и снова утверждает жизнь. Кажется, где-то там, в глубине ночи, происходит решающий поворот от смерти к жизни², утверждение последней в усилении, в борьбе, определяющей влечение к жизни как таковое. Преодоление хаоса усилием жизни – без него компульсия означала бы (и означает в ее психоаналитическом понимании) постепенный распад, разложение, погружение в смерть как в ничто, растворение в смерти.

Именно в этом смысле возвращения к состоянию распада Фрейд говорит о навязчивом повторении: «Каким же образом связаны между собой влечения и навязчивое повторение? Здесь мы приходим к мысли, что мы набрали на следы самого характера этих влечений, возможно, даже всей органической жизни, до сих пор бывших для нас неясными или, во всяком случае, недостаточно подчеркнутыми. Влечение с этой точки зрения можно было бы определить как наличное в живом организме стремление к восстановлению какого-либо прежнего состояния, которое под влиянием внешних препятствий живое существо принуждено было оставить, в некотором роде органическая эластичность или, если угодно, выражение косности в органической жизни» (Фрейд, 1992). И здесь очевидно смешиваются два противоположных стремления: к «восстановлению прежнего состояния» («материнская утроба») и к «косности» (окаменелости как знаку, стигме распада, числа после нуля и запятой, «в периоде»). Одна «нирвана» (утроба богини) обещает возрождение жизни (победу жизни над смертью), другая «нирвана» (утроба-могила) – усыпляющая, наркотизирующая, анестезирующая, уводящая в смерть.

Разделяя их, сложно полностью согласиться с Фрейдом, когда он говорит, что «наслаждение прекрасным обладает особым, слегка наркотизирующим характером ощущений» (Фрейд, 2013). Мы видим здесь как минимум два возможных пути наслаждения: вдохновения/умножения

¹ См. подробнее об этом в Части 1 статьи.

² Помимо еженощного воскрешения Осириса в шестом часу ночи вспомним здесь и миф о победе Солнца над змеем Апопом – извечным врагом бога солнца Ра и одновременно его родным братом, олицетворяющим мрак и зло, изначальную силу, хаос. Мертвое тело побежденного Апопа вновь и вновь после каждого сражения «сшивает» и восстанавливает та же богиня-мать. И победитель, и побежденный из смерти переходят в жизнь.

либидо либо анестезии/угасания и окостенения «прекрасной формы» либидо. Важно также, что именно мы понимаем под «прекрасным». Можно предположить, что у «прекрасного» есть два полюса, противоположных друг другу: «наркотизация» и «вдохновение». Оба – об удовольствии, но расположены они по двум сторонам влечений. Двигаясь от одного полюса к другому, «прекрасное», «прелести» могут, во-первых, воплотиться в желанном объекте, во-вторых, трансформироваться (сублимироваться) во «вдохновение телами» (по Платону) или, в-третьих, деградировать в порнографическую/мастурбационную компульсию («окостенеть»). То есть, двигаясь вслед за либидо, мы оказываемся либо на любовном ложе, либо в «лаборатории» (творческой, научной, этической), либо в «склепе» с запечатленными объектами (которые можно хранить в неизменном виде и «подсматривать» за ними).

Что же Фрейд имеет в виду под «наркотизацией»? Если речь и об анестезии, и об удовольствии в одном «наркотизирующем» акте, то можно ли тогда сказать, что любовный сексуальный акт – «наркотизирующий»? Да, и еще более чем творческий, анестезирующий и приносящий удовольствие по-другому. Кроме того, мы знаем, что сексуальный акт приводит нас не только к сексуальной цели (к желанному объекту), но и к тому, что следует за овладением/соединением с объектом – к оргазму, а он ведет нас напрямик в «нирвану» (экстатическая остановка психической деятельности, мгновенное прекращение возбуждения), для которой сексуальный путь – один из наиболее распространенных и понятных нам путей. Можно ли сказать, что стремление к оргазму равно стремлению к сексуальной цели или оргазм стоит за этой целью и является по сути целью какой-то другой (анестезирующей, наркотизирующей)? И в сексе, и в творчестве анестезия и удовольствие почти неразделимы. Значит ли это, что направление либидо predetermined и стремится оно не только к объектной, но и к «несексуальной» цели по ту сторону объектной любви и... жизни?

Мы не можем быть точно уверены в том, что знаем, что представляет собой нирвана. Очевидно, как с любым символическим и фантазийным конструктом, здесь открывается большое пространство для субъективных ассоциаций и представлений. То есть нирваны не две – она и одна, и ее бесконечно много, по числу индивидуальных фантазий о ней. Называя эти индивидуальные представления «океаническим чувством», Фрейд прежде всего говорит о движении вспять (инерция влечений, фантазм «о возвращении...») и о застывании (которое вовсе не означает блаженства). Не только личная нирвана («рай») отвечает этому описанию, но и личный «ад».

Рассуждая о сублимации, А. Грин отмечает ее связь со скорбью и меланхолией: «...появляется вопрос об отношениях между сублимацией и скорбью через призму процесса репарации <...> Мы уже упоминали о тесных связях между депрессивной позицией и сублимацией, которые были установлены Мелани Кляйн. В случае меланхолии Я идентифицируется с потерянным объектом и занимает его место не столько по собственному выбору, сколько по принуждению. <...> В случае сублимации,

как и в случае меланхолии, тот факт, что Я само может трансформировать себя, до такой степени желая «сделаться объектом», побуждает нас принять во внимание, что процесс, через который объект может всегда заменить другой объект, выходит за пределы объектов, названных таковыми» (Грин, 2020, с. 392, с. 397). Здесь Грин приравнивает объект меланхолии к объекту сублимации. Важно представлять себе, что эта первая, «меланхолическая» часть, несомненно, имеет свое место и в творческом процессе созидания/сохранения/репарации потерянного или просто ускользающего объекта («ускользающая красота» – понятный любому художнику термин), однако, в отличие от меланхолического объекта, который прописывается на постоянное место жительства в Я и тем самым деформирует психическую реальность обещанием своего бессмертия, объект символический тяготеет к новой форме, к бытию в виде артефакта – то есть ищет новое пространство во внешней реальности, стремится освободить Я, разрешить Я от бремени. Будучи на первом этапе сохраненным внутри, символический объект «воплощается вновь» в виде образа на полотне, в литературном или нотном тексте, в виде научной или философской идеи и т. д., ведь подобно тому, как живописец вырисовывает изображение, интуитивные размышления формулируются в слова и фразы, которые говорятся кому-то либо записываются. Меланхолический объект не ищет пути вовне и «нового рождения», он тлеет в памяти, огражденный защитными пустотами вокруг.

При этом меланхолия «нирванична», так как отрицает смерть, делая из смерти вечную жизнь «реинкарнированного» в Я объекта. Здесь те же «океанические» пространства (первичный нарциссизм оставляет память о том, что Я безгранично) и та же притягательность вечности без боли и без чувств. Когда в ходе сублимации возникает идентификация с ускользающим объектом (когда субъект захвачен идеей или образом, который он далее стремится запечатлеть, он весь – эта идея или этот образ), она уже позволяет сохранить объект внутри, нарциссизирует либидо и на время изолирует Я от объектных отношений (проще говоря, требует сосредоточения на творческом процессе и изоляции от внешних раздражителей). Такая изоляция может быть (и иногда бывает) тотальной. Однако сублимация предполагает не только процесс, но и результат. И здесь на сцену вновь выходит нарциссизм, стоящий, как это ни странно, на службе объектных отношений. Меланхолическое слияние исключает сепарацию с укорененным в Я объектом, объект скрывается, в отличие от сублимационной идентификации, поддающейся нарциссическому требованию вынесения символического объекта вовне, чтобы представить его (со всей его умноженной творческой работой ценностью) на всеобщее обозрение. Созданным нужно с кем-то поделиться. Именно тут может произойти обратная конвертация нарциссического либидо в объектное, так как именно нарциссический эксгибиционистский порыв служит не только прямой своей цели (выставить свою прекрасную наготу напоказ), но и

нацелен на восстановление связей с другими (о чем мы обычно забываем, говоря о детском эксгибиционизме), на получение ответной реакции³. Сублимация восстанавливает триангулярность на последнем своем этапе (художник – символический объект – зритель).

Конечно, сублимация не исключает и меланхолической замкнутости, и компульсивных попыток сепарироваться от объекта. Таковы примеры повторяющийся драмы безуспешной сепарации Эдварда Мунка (серия автоповторов его работы «Крик»), Арнольда Бёклина (автоповторы «Острова мертвых»). Такова же произошедшая у Леонардо да Винчи фиксация на образе потерянной матери. Но очевидно, что «виновата» здесь не сублимация, а меланхолия, оказывающаяся сильнее ее.

И сублимация, и меланхолия формируют убежище, которое обустроено «со вкусом». Работа меланхолии часто «эстетизируется» (что видно в клинических ее проявлениях). Меланхолия похожа на прекрасное надгробие, только без указания имени и дат жизни, на надгробие как искусство. Стремящиеся к окостенению фантазии меланхолика выстраиваются в великолепный «костел смерти», в глубине которого скрыта крипта (мавзолей Я/объекта). Это – пограничная зона между пустотой распада, танатосом, и какой-то другой нирваной, «своим местом» египтян, «настоящим домом». Нам нужно разделять творческое и меланхолическое убежище, поскольку, образно говоря, важно знать, с какой стороны запирается дверь и кто владеет ключом. Иначе мы рискуем приравнять «дом» к «тюрьме». Меланхолик заперт, тогда как художник свободен.

Меланхолия как фантазия о бессмертии в смерти предстает в этом смысле наследницей «пограничного пространства» древних: сон у египтян, к примеру, был возможностью заглянуть в потусторонний мир. «Как и смерть, сон был мостом в иной мир, в глубины предвечного океана Нуна, где обитали не только боги и умершие, но и спящие» (Солкин, 2006, с. 207). Спящий человек похож на мертвого, но он жив. Меланхолический субъект/объект – как будто спящий, не мертвый. Меланхолия неразрывно связана со смертью, но и спорит с ней. Как не вспомнить здесь о двух родных братьях Танатосе и Гипносе? Последнему принадлежит особая пещера, куда в равной степени не добраться ни дневному свету жизни, ни пробуждению к смерти. Ее атмосфера, описанная Овидием, меланхолична⁴. Гипнос – ни жив ни мертв, он спит.

³ Можно представить, что «нарциссичные личности», «художники с непогрешимым вкусом», которых описывает Грин (Грин, 2020, с. 378–379), страдают не от того, что художники, а от того, что нарциссы.

⁴ В «Метаморфозах» Овидия описана пещера Гипноса, куда не добирается дневной свет, где берет свой исток родник забвения: «Близ Киммерийской земли, в отдаленье немалом, пещера / Есть, углубленье в горе, – неподвижного Сна там покой. / Не достигает туда, ни всходя, ни взойдя, ни спускаясь, / Солнце от века лучом: облака и туманы в смешенье / Там испаряет земля, там смутные сумерки вечно. / Песней своей никогда там птица дозорная с гребнем / Не вызывает Зарю; тишину голоса не смущают / Там ни собак, ни гусей, умом собак превзошедших. / Там ни скотина, ни зверь, ни под ветренным веяньем ветви / Звука не могут издать, людских там не слышится

Меланхолические фантазии о смерти как сне имеют богатую корневую систему в культуре. И можно предположить, что как только смерть перестала быть для нас «возвращением» (как это было в древних культурах) и стала «уничтожением», именно меланхолия (как парадоксальная связь с объектом, игнорирующая законы реальности) затенила посмертие, показывая следы распада. В иудеохристианской мифологической традиции человек – тот, кто первым «ушел в смерть» (метафора изгнания из рая), потому что в философском смысле «мировая скорбь»⁵ – это меланхолическая тоска по самим себе в период детства/девства человечества, соединенная с фантазмом о (невозможном) возвращении в потерянный рай. Одним из «незаконных» путей такого возвращения и становится работа сублимации⁶.

В большей степени сублимацией движет не тоска, а надежда на «возвращение домой», что и провоцирует перманентный спор с реальностью, отрицающей эту возможность. Творческое пространство – своего рода «посольство нирваны-жизни» в реальности (в отличие от меланхолии – «посольства нирваны-смерти» в жизни). Надежда всегда на стороне эроса, и именно таким образом фантазм «о возвращении...» как восстановлении потерянной связи вдруг оказывается на службе влечения к жизни. Возвращение в утробу: мы грезим о нем ради исчезновения или ради возможности «родиться вновь», но по-другому? Сублимация дает представление о том, как можно стремиться к восстановлению самой первой, «внутриутробной» связи. Да, всегда – неудача, но остается шанс попробовать еще раз – в другом тексте, на новом холсте.

Существующая на сегодняшний день модель Вселенной подсказывает, что начиная с Большого взрыва всем движет центробежная сила. Этот бег замедляется, и по одной из вероятностей теории Вселенная однажды начнет «сжиматься» обратно. Но пока этого не произошло (и человеческого

споров. / Полный покой там царит. Лишь внизу из скалы вытекает / Влаги летейской родник; спадает он с рокотом тихим, / И приглашают ко сну журчащие в камешках струи. / Возле дверей у пещеры цветут в изобилии маки; / Травы растут без числа, в молоке у которых собирает / Дрему росистая ночь и кропит потемневшие земли. / Двери, которая скрип издавала б, на петлях вращаясь, / В доме во всем не найти; и сторожа нет у порога. / Посередине кровать на эбеновых ножках с пуховым / Ложем, – неясственен цвет у него и покров его темен. / Там почивает сам бог, распростертый в томлении тела. / И, окружив божество, подражая обличиям разным, / Все сновиденья лежат, и столько их, сколько колосьев / На поле, листьев в лесу или песка, нанесенного морем» (Овидий Назон, 1983, XI, 592–615).

⁵ Нем. «Weltschmerz» – термин Жана Поля, введенный им в романе «Селина, или Бессмертие души» (1810). Яркое воплощение идеи мировой скорби в философском смысле принадлежит перу Артура Шопенгауэра.

⁶ При всей «эстетизации» меланхолии очевидно, что пока не найдутся силы эроса связать влечение к смерти на объекте, который должен быть увиден, опознан (а далее, возможно, субъект сможет сублимировать накопленный эстетический и символический ресурс), прощанию с объектом (при сублимации – обходным путем и кругами воссоздания замещающих его переходных символических объектов) сложно состояться.

вида может уже и не быть к этому моменту), мы обречены тосковать по центростремительному движению, возвращающему к началу начал, к исходной сингулярности, – и продолжать сублимировать.

Объект живой/мертвый

Как мы можем связать рассуждения о символическом объекте с собственно объектами в психоаналитическом смысле? Говоря о творческом потенциале сексуальности, Грин пишет: «Вначале сексуальность была рассмотрена психоанализом как источник удовольствия. Впоследствии измерение удовольствия оказалось недостаточным, мы рискнули заговорить о любви (трансформация сексуальных влечений во влечения к жизни и к любви). Теперь нужно дополнить таблицу, добавляя туда *творческое* измерение. <...> Я говорю о присущей психической сексуальности способности создавать структуры и объекты, которые займут свое место, обретут свой статус, свою функцию внутри психической экономики» (Грин, 2020, с. 395–396). Присущая психической сексуальности «способность создавать объекты» дает нам прямое объяснение механизма творческой сублимации (который, конечно, еще нуждается в расшифровке). Ясно, что объект рождается и существует только в психике – будучи перманентно вынесенным во внешнюю реальность (перенесенным на), он сохраняет свой источник в фантазматической деятельности субъекта. Наподобие луча проектора, объективация может быть направлена и на окружающий мир, и других людей, и в переходное пространство (по Винникотту) или в пространство символическое. Более того, последовательность охваченных проектором зон здесь, как можно представить, обратная: символическое/фантазматическое, переходное, внешняя реальность.

Сублимация – не только нахождение, но и «вынашивание» и «рождение» объекта – объекта символического. Возможно ли, что от уровня психического функционирования субъекта зависит качество создаваемого им символически объекта? Тогда мы можем представить себе невротическое «вынашивание и живорождение» объекта как результат сублимации, объект как нарциссическое продолжение/отражение и объект как фетиш, опредмеченный и в каком-то смысле мертвый.

Не говоря напрямую о «репродуктивности» (как советует Андре Грин), все же ясно, что «вынашивание» и «живорождение» символического объекта актуально как метафора функционирования невротического регистра психики. То есть того уровня психического развития, когда генитальность уже нашла себе законное место и стала одной из институций («учреждений» в психике), обуславливающих психическую деятельность в целом. Символическая «беременность» (как и ее эквивалент в реальности) говорит о жизни и живом объекте в самых разных сферах его существования. Отклонение же от реальной беременности к символической может происходить из сложностей эдипальной конфигурации и «разрешения» конфликта «по-другому» – в символическом триумфе над ним. Творчество невротического уровня растет из опыта латентного периода (первые социально приемлемые сублимации), где символическим объектом может

стать «ребенок» от отца (запрещенный эдипальный и разрешенный символический, сублимационный) или от матери (идентификация с матерью, пересиливающая зависть к живородящему женскому через сублимационную творческую деятельность). Мы можем рассмотреть тут прямые и инвертированные формы сублимационного триумфа внутри эдипального конфликта, где «ребенок» будет равен символическому объекту (объекту творчества, воплощенному в художественных артефактах). 1. Прямой женский эдипальный ракурс – заполученный наконец «ребенок» от отца. 2. Инвертированный женский эдипальный ракурс – идентификация с отцом (его потенцией) ради соединения с матерью, которое подтверждается «ребенком» от нее / с ней. 3. Прямой мужской эдипальный ракурс – соединение с матерью и общий с ней символический «ребенок». 4. Инвертированный мужской эдипальный ракурс – идентификация с матерью и «вынашивание» символического «ребенка» от отца.

Здесь нам приходится пойти чуть дальше классической идеи о получении пениса от отца в виде ребенка и обозначить еще один «трофей» эдипального конфликта (единства, борьбы и любви между полами) – женскую живородящую способность как высшую творческую и высшую «сублимационную». Можно легко представить себе, что родительская пара существует в психике не столько на уровне генитальных идентификаций в выборе объекта, сколько на символическом, более сложном и многоликом. Если мы вынесем первосцену на ту «шахматную доску», где происходит творческая сублимация, то увидим, как отец пенетрирует мать так же, как художник проникает в материю, испытывая не любовное, но творческое томление. Не только его идея («семя»), но и природа этой материи («тело») будет влиять на конечный творческий результат («ребенок»). Сублимационный «эдипальный ребенок» тоже «рождается в паре», наследуя черты обоих «родителей».

Если же мы говорим только о «заполучении пениса», то этот «трофей» отсылает нас скорее к нарциссическому уровню сублимации, где он превращается в фаллос. Нарциссический символический объект равен не «ребенку», но только фаллосу со всеми его требованиями: вечная эрегированность, окостенелость, эксгибиционистичность и требование поклонения. Мы можем вспомнить здесь, пунктиром, монументальные формы советского ампира, зиккураты Месопотамии (Вавилонскую башню) и «Олимпию» Лени Рифеншталь. Нарциссический символический объект – объект-культ (неважно – в малом или большом масштабе, только в восприятии художника или и в восприятии зрителей). Он создан не ради «продолжения жизни», но для увековечивания нарциссического триумфа. Мы знаем, что фаллос может быть не только «золотым», его «прототип» и «первый слепок» – фекальный фаллос анально-садистической стадии психосексуального развития. Даже покрытый золотом, он сохраняет черты инфантильного садизма – без учета разницы полов и поколений, культивируя анальную власть через кишечник и сфинктер (вместилище и орудие этой власти). Нарциссический символический объект обладает также функцией отражения – рукотворного отражения автора, грандиозного настолько, насколько грандиозно его/ее Эго. Однако очевидно,

что без отражения нельзя узнать себя, свое Я, без фекального фаллоса в психике не может сформироваться представление о «вместилище» и «рождении другого из моего тела» – то есть невозможно сразу оказаться на невротическом уровне сублимации, не пройдя и не впитав опыт предыдущих стадий.

От нарциссизма и его патологических форм мы можем легко перейти к психотическому конструированию символического объекта. Под маской сублимации здесь может скрываться проективный процесс, в ходе которого символический объект окажется равен символическому предмету (фетишу), наподобие «куклы вуду», «сублимация» в техническом смысле будет равна проекции как эвакуации, а в генетическом смысле найдет свои корни в ритуале и компульсии. Здесь важно вспомнить о контейнировании и о работе сновидения, а также о том, что психоз – это не «что», это «как». Бессознательное психотика может быть ровно таким же по своим содержаниям, как невротика, но содержания эти вынесены вовне, лишены цензуры и преследуют, возвращаясь как бы снаружи. Вот почему нужен объект, к которому можно было бы «пригвоздить» роящиеся (и вероятнее всего, пугающие) фантазии, говоря проще – герметичный переходный контейнер. Магия вудуизма строится на принципе подобия: кукла равна человеку, с которым теперь, воздействуя на куклу, можно делать все что угодно. Весь человек будто погружается в этот фетиш-контейнер и заточается там. Для психотика, эвакуирующего фрагменты своей психики в символический объект-предмет, это может значить следующее: «Не только я это вижу, теперь и вы это видите, теперь и вас оно преследует». Можно легко догадаться, что по тем же путям движется и продуктивная симптоматика (галлюцинации, к примеру), но используя творчество не как защиту, а скорее как уловку, тут разыгрывается хрестоматийное «врач тот, кто первым успел надеть халат», то есть «художник». Классический случай Даниэля Пауля Шребера показывает этот момент мгновенного «переодевания», когда на месте душевнобольного возникает создатель космологической теории «нервов Бога». Контейнер в данном случае – не живая психика матери, а «саркофаг», под тяжелой плитой которого хранятся «останки» психической деятельности. Мы можем сравнить последнее с тем, о чем говорят все, занимающиеся так или иначе творчеством: «Я вложил сюда часть души», и увидеть, что «дать семя» для новой жизни никак не равно «выбросить мусор». Конечно, тут можно закономерно задаться вопросом: что значит «мусор»? С точки зрения психической экономики – все, что не было «переварено» и усвоено, все лишнее, все то, что не подверглось ни первичной, ни вторичной психической обработке. Тогда символическое пространство становится внешней сценой для «сновидения снаружи», где обработка должна быть проведена кем-то другим. Может быть, поэтому «театр жестокости» Антонена Арто так и не был воплощен точно по его замыслу, ведь скомбинировать целую психику снаружи, как некий «протез», намного сложнее, чем найти разово контейнер-фетиш – художественный «вуду-артефакт» (и находить его дальше снова и снова по мере накопления неперевариваемого содержания). Опять же, вовлечение и погружение зрителя в творческую

лабораторию художника – естественный и необходимый элемент художественного и сценического делания, но «пригласить» в свое сновидение и «заставить делать» это сновидение – разные вещи.

Мы начали с творческой способности психической сексуальности. Что же можно сказать об объекте как цели, в том числе – сексуальной, если мы рассуждаем об объектах символических? Сложно найти здесь точное процентное соотношение между объектным и нарциссическим либидо: закономерно должно преобладать нарциссическое, аутоэротическое Я-либидо, правда, в этом случае символический объект должен сливаться с Я (что происходит не всегда). Объект как сексуальная цель прежде всего представлен как объект-Другой, в который инвестируется объектное либидо, но также очевидно, что объект как сексуальная цель может быть и фантазматическим, мастурбационным (что происходит здесь с либидо?), а также объектом аутоэротическим (собственное тело, овладение Я – нарциссическое либидо). Мы видим три уровня: от Другого к фантазму и к себе, – в движении через которые либидо постепенно нарциссизируется. Можно сказать, что между объектом-Другим и объектом-Я либидо находится в квантовом состоянии неопределенности (нам не известна наверняка его «валентность») и оно является как объектным, так и нарциссическим (и «частицей», и «волной»). И если сублимация – это «вырезанный кадр» и «пропущенный ход», то насколько же удобным представляется ее старт из этой позиции фантазматической неопределенности.

О биении и перманентной конвертации либидо Фрейд писал: «... психоаналитическое наблюдение подметило, как регулярно либидо отходит от объекта и направляется на Я (интроверсия); и, изучая развитие либидо ребенка в ранних фазах этого либидо, психоанализ пришел к заключению, что Я является истинным первоначальным резервуаром либидо и только от него исходит на объект. Я было причислено к сексуальным объектам и при том было объявлено самым важным из них. Если либидо таким образом пребывало в Я, то либидо называлось нарциссическим» (Фрейд, 1992, с. 181). Опираясь на это заключение, мы можем сказать, что все либидо – нарциссическое, пока объект не потребует для себя его часть (сделав объектным). То есть, образно говоря, все сбережения – наши, пока мы не инвестировали их куда-то, и, когда дело прогорело, вернуть их бывает сложно, остается только горевать. Если либидо легко конвертируется в нарциссическое и обратно, то, может быть, проблема не в нарциссизме, а в его качестве? То есть присутствует что-то, что заставляет либидо удерживать Я-валентность, не допуская объектных транзакций. Мы не готовы вкладывать инвестиции, когда не уверены, что их хватит для самих себя. С точки зрения психической экономики это значит, что Я-либидо не приумножается, а только истощается, и делиться им с кем-то еще – рискованно. Здесь мы ступаем на зыбкую почву теоретизации, однако гипотетически можно предположить, что «круговорот» Я-либидо в психике, способный держать баланс, не вызывая ни «наводнения», ни «засухи», закладывается в период первичного нарциссизма, когда мать инвестирует младенца, и в момент нарушения этого становящегося равновесия – поддерживает дополнительным вкладом либидо при нехватке либо ограничением при

его переизбытке (мать уходит). Материнское контейнирование не имеет целью заполнить детскую психику до краев «молоком»-либидо, напротив – оно нацелено на формирование самодостаточности и сбалансированности индивидуальной психики младенца. В отсутствие матери ребенок учится галлюцинировать воссоздавать ее как психический объект. И при удаче в этой фантазматической работе либидо прибывает (без дополнительных вложений матери), при неудаче – сокращается. Если мы остаемся на позиции, что либидо – одно для всех случаев (то есть деньги – это деньги, в какой бы они ни были представлены валюте), то главными становятся два фактора: умение грамотно инвестировать либидо и развитая фантазматическая способность приумножать либидо в отсутствие объекта. Доброкачественный первичный нарциссизм открывает путь творчества (создание внутренних объектов), и в мифологическом своем эквиваленте он выглядит как самооплодотворение психики: таков египетский миф о боге Амоне, оплодотворившем самого себя в акте мастурбации и давшем таким образом начало всем поколениям богов (Шоу, 2021).

Моментом кастрации «фаллоса» первичного нарциссизма (фантазматического «фаллоса», творческого, фаллоса бога Амона) является вступление в силу принципа реальности. И здесь Фрейд делает важное замечание: «Принцип наслаждения... остается методом работы сексуальных первичных позывов, которые труднее "воспитуемы", и мы повторно встречаемся с фактом, что, может быть, под влиянием последних, а, может быть, и в самом Я принцип наслаждения побеждает принцип реальности» (Фрейд, 1992, с. 142). Главное, что может и должен себе позволить художник (как и душевнобольной, но «по-другому»), – игнорировать принцип реальности в момент творческого акта, подтверждая, что в самом Я реальность всегда побеждена силой субъективности (таков любой мифологический герой – от Геракла до Христа).

Предположив, что либидо – одно, но в разных конвертациях, можно представить, что их больше двух (объектное и нарциссическое). К этому нас подталкивают фантазматическая функция создания внутриспсихических объектов и символическое пространство для них – оно питается либидо, отличным от объектного и нарциссического – сублимированным. Как только объект создан, он отделен от Я (в отличие от пришедшего извне меланхолического объекта, бросившего непроглядную тень на Я). То есть в каком-то смысле вышедший из Я в символическое пространство объект – диссоциирован, он уже не принадлежит Я в полной мере. В какой же конвертации либидо он может быть напитан, какой валентности либидо участвует в этих отношениях с внутренним объектом? Если, к примеру, Супер-Эго, по мнению Фрейда, является более древним результатом сублимации⁷, то требует ли оно вложения сублимированного

⁷ В главе IV «Я и Оно» читаем: «"Сверх-Я" возникло из идентификации с образом отца. Каждая такая идентификация носит характер десексуализации или даже сублимации» (Фрейд, 1991(a)).

либидо, как и все остальные фантазматически созданные и удержанные в психике объекты? Рискнем предположить, что сублимированное либидо должно легче поддаваться обратной конвертации в объектное и нарциссическое либидо, потому что, если в психике есть ресурс для сублимации, то есть и «излишек» для вложений в объекты и в Я. Это объяснило бы и эгоцентризм, и «любвеобильность» многих творцов – в том случае, если их сублимация остается на стороне жизни и дает большую прибавку либидо. Если же сублимация участвует в более мрачных психических конфликтах (или, единственная, удерживает от распада), то мы скорее будем наблюдать массивную инфляцию и «дефолт» либидо (переизбыток и обесценивание), не покрывающего основных потребностей Я и объектных отношений.

Открытым остается вопрос о влечениях, задействованных в сублимации, и о том, как их распознать, то есть понять, жив ли объект сублимации или скорее мертв. Поскольку сублимация имеет и нарциссические, и объектные аспекты, критерий жизнеспособности объекта вовсе не обязательно есть только у художника. На самом деле мы, как зрители, имеем собственный внутренний критерий, помогающий распознать большую или меньшую наполненность объекта\артефакта жизнью – он активен, когда в процессе восприятия мы помещаем образ этого объекта в свое внутриспсихическое, символическое пространство. Критерий прекрасного сложно определить только эстетически, не имея психоаналитического представления о психической жизни. Речь здесь не просто о «симпатии» или индивидуальном вкусе, но о том, насколько этот интроецированный объект символически значим в индивидуальной психике. Конечно, это также зависит и от уровня развития индивидуальной психики. То есть истинную сублимацию можно распознать «по ее плодам».

Если объект в сублимационном акте выношен и рожден, он может быть впоследствии интроецирован. Если объект – нарциссическое представление, с ним можно нарциссически идентифицироваться («это так сложно сконструировано, но могу это понять»). Если объект фетишизирован, его можно лишь инкорпорировать («проглотить» и пережить «несварение»; или «выплюнуть»).

Здесь можно перефразировать вопрос Андре Грина так: *езде ли* в этом процессе «принимает участие сублимация»? (Грин, 2020, с. 394). Отвлекаясь от теоретизации, можно заметить, что каждый из этих объектов в «чистом» виде вряд ли встретится. Поскольку скорее эти характеристики будут соседствовать. Вопрос в том, имеет ли при этом место именно сублимация и каков ее процент. Или преобладает нарциссизация, или фетишизация? Если сублимация присутствует, если она стоит на службе эроса, она способна связать самое «неперевариваемое» сырье в творческом акте. Если «сублимация» присутствует лишь на первом уровне нарциссического разворота (и действует в противоположном эросу лагере), то вряд ли она способна на связывание, а скорее – наиболее «тяжелое», «грубое» сырье будет нарциссизировано и эксгибиционировано (выставлено напоказ). Если объект является в большей степени контейнером для эвакуации, то «переварить» все содержимое будет предложено нам самим

(успешность последнего уже всецело будет зависеть от наших психических сил, символического ресурса и, конечно, желания).

Вопрос также в том, насколько наша психика подготовлена к восприятию продуктов сублимации, склонны ли мы соединяться символически, нарциссически или фетишизировать. (Этот критерий кое-что объясняет и в вопросе «личного вкуса».)

Сублимация восстанавливает связь с объектом – но с воображаемым Другим. Такого рода коммуникация – открытая коммуникация – напоминает письмо без указания адресата, отправленное с потенциалом быть кем-то прочитанным. Каждый раз, когда письмо «читается», символическая связь восстанавливается. Такова была древнеегипетская традиция священного начертания имен умерших на гробницах – чтобы кто-то другой, незнакомец, мог прочесть имя и тем самым продлить существование покойного в вечности. На том же строится и «культурная память», поддерживающая и поддерживаемая связью поколений. Именно так действует символ – репрезентированный кем-то одним и нуждающийся в ком-то другом, кто увидит его, подумает о нем и таким образом подставит вторую половину «разломанной надвое таблички» – собственную психику, субъективный ассоциативный ответ. Символ потенциален, пока он не воссоздается при встрече с психикой другого.

Механизм сублимации (о вдохновении и компульсии)

О сублимации обычно рассуждают в двух направлениях: защитный механизм и/или судьба влечения. На этой развилке есть и третий путь, который обычно игнорируется – философский и мифологический взгляд на сублимацию, то есть взгляд культуры. Можно было бы сказать, что для психоанализа он не столь важен, однако Фрейд не обходил ни теорию культуры, ни историю мифологии, показывая, насколько большие «символические формы» (Кассирер, 2011) соотносены и влияют на малые (индивидуальную психику). Потому, говоря о механизме сублимации, мы можем рассмотреть ее как защиту, как судьбу влечения и просто – как судьбу. Неразрывно связанная с эросом и эротическим в платоновском его понимании (Лосев, 1916), сублимация имеет свое уникальное аффективное проявление – мы называем его вдохновением.

Что такое вдохновение, какова в нем доля нарциссизма, как скоро к тому, что вдохновило, захочется вернуться вновь, т. е. можно ли быть зависимым от вдохновения? Для любого, по-настоящему вдохновленного однажды, очевидно, насколько это состояние не равно ни нарциссическому удовлетворению (даже триумфу, который всегда имеет и слишком высокую цену, и легкий привкус фальсификации), ни стимулированной так или иначе искусственной ажитации (куда относятся разные формы внушения, самовнушения или аддиктивный путь), результаты которой рассеиваются, как свойственно миражам, с неприятным осадком в образовавшейся душевной пустоте. В отличие от возможных суррогатов, вдохновение равно самому дыханию жизни, которое вдруг максимально интенсивно ощущается. Можно подумать, что, когда Бог вдохнул в Адама

жизнь – «вдунул в лице его дыхание жизни и стал человек душою живою» (Быт. 2:7), он поделился с ним вдохновением.

Очень близко друг другу (но по разным сторонам) находятся вдохновение и влюбленность. Влюбленность часто вдохновляет к творческой работе («окрыляет»), а с другой стороны – вдохновение порой заставляет испытывать страстную тягу к воображаемому объекту творчества. Критерий вдохновения, несмотря на его субъективность и иллюзорность, хотелось бы отметить как самый важный и определяющий в работе сублимации, что позволяет отличать ее и от близких по функции защит, и от иных судеб влечений. Проблема здесь та же, что и с влюбленностью: мы в равной степени затрудняемся объяснить ее, как и с трудом можем спутать с чем-то другим (достоверность ощущений при отсутствии полного рационального их объяснения). А если путаница и возникает, то у вдохновения и влюбленности она схожая: объект или собственное отражение, любовь или зависимость? Схожа и сопутствующая обеим идеализация. Сублимировать – значит «влюбиться» в еще неведомый объект творчества и стремиться к нему – не компульсивно забыться, не нарциссически продолжиться, а испытать особенное томление, вдохновение и растерянность перед инаковостью этого объекта – встретиться с истинной сублимацией во всей сложности процесса превращения либидо.

Проблема психоаналитического осмысления сублимации заложена в трудах самого Фрейда, поскольку он говорит, условно, о двух разных сублимациях: общедоступной (необходимой в процессе «окультуривания» психики) и почти недоступной (чудесной, двигающей человечество вперед), называя все это одним словом «сублимация». Можно догадаться, что, хоть сублимация и одна, в разных своих пределах она выглядит по-разному: «один маленький шаг для человека» – сублимация инфантильной сексуальности субъекта и его частичных влечений в социально приемлемые формы; «гигантский скачок для человечества» – сублимация как культуральный процесс, движимый особенно выдающимися творческими личностями, создающими образцы высокого искусства и мысли. Именно рассуждая о последних, чьи сублимированные парциальные влечения вдруг приобретают вид невероятной одаренности, Фрейд и задается вопросом об источнике происхождения их таланта и сублимационной силы («ординарная» сублимация таких вопросов у Фрейда не вызывает).

В «Очерках по психологии сексуальности» мы читаем: «Те же пути, однако, по которым сексуальные нарушения переходят на другие телесные функции, должны и при здоровье сослужить и другую важную службу. По ним должно было происходить привлечение сексуальных сил влечений к другим не сексуальным целям, т. е. сублимирование сексуальности» (Фрейд, 2020). Здесь Фрейд наблюдает за движением парциальных влечений, воплощающихся либо в перверсии, либо в конверсии, либо они десексуализируются (либидо меняет валентность) и вдруг выходят на поверхность психики в виде «окультуренных» форм. Однако сам момент (невидимый момент) сублимационной трансформации в ее обычном, доступном виде остается для Фрейда лишь гипотетически проясненным: «Факт двукратного начала сексуального развития у человека, т. е. перерыв этого

развития благодаря латентному периоду, казался нам достойным особого внимания. В нем, по-видимому, заключается условие способности человека к развитию высшей культуры, но также и его склонности к неврозу. У родственных человеку животных, насколько мы знаем, нельзя доказать ничего аналогичного. Источник происхождения этой человеческой особенности следовало бы искать в древнейшей истории человеческого рода» (Фрейд, 2020). Апелляция к древности как к некой точке «происхождения всего» («символической сингулярности»), которая, опять же гипотетически, должна совпадать с временами первых росписей пещер, возрастом ок. 40 тыс. лет) не дает однозначного объяснения, а лишь отодвигает вопрос во времени назад. Если сублимация – и инструмент, и результат «окультуривания», то вопрос о ее происхождении напоминает спор о том, «что было раньше – яйцо или курица?». Ведь сама культура является и причиной сублимации, и ее результатом.

В «Недовольстве культурой» Фрейд находит другой выход из этого затруднения, говоря о сублимации, доступной «немногим избранным» (Фрейд, 2013). То есть, как и сама эволюция, культурное развитие происходит скачками, естественно производимыми упомянутыми «избранными». Тогда первым из них мог быть тот неизвестный гений-предок, который однажды спонтанно пришел в пещеру зарисовать (не понимая, почему и зачем) возникающие там образы и фантазии. Ни яйцо, ни курица не были первыми – первым был их эволюционный предок. Развивая эту мысль, можно предположить, что достижения культурного скачка постепенно усваиваются остальными и разрастаются в некие культурные и социальные формы (которые дальше просто передаются из поколения в поколение). Пока не произойдет следующий скачок. Так мы видим сублимацию «преемственную», сублимацию «революционную» и сублимацию как таковую, как общее культуральное явление. Фрейд говорит и о сублимации вообще, и о «сублимациях» в частности. В его текстах они очевидно отличаются друг от друга как «выдающаяся черта культурного развития» (Фрейд, 2013), доступная единицам, и «завоеванные в ходе развития сублимации [Sublimierungen]»⁸ (Freud, 1911), не просто доступные подавляющему большинству, а необходимые всем для нормального становления психики внутри культуры.

Здесь закономерно возникает гипотеза о том, что упомянутые «сублимации» («преемственные») являются защитными и очень схожи с работой реактивного образования (в отличие от «революционной» сублимации, перерастающей защиту и превращающейся в судьбу влечения).

⁸ «Personen, welche nicht völlig vom Stadium des Narzißmus losgekommen sind, also dort eine Fixierung besitzen, die als Krankheitsdisposition wirken kann, sind der Gefahr ausgesetzt, daß eine Hochflut von Libido, die keinen andern Ablauf findet, ihre sozialen Triebe der Sexualisierung unterzieht und somit ihre in der Entwicklung gewonnenen Sublimierungen rückgängig macht» (Freud, 1911). Есть разные переводы «Одного случая паранойи...» и этого фрагмента, в частности, на русский, в одном из них сублимация все же дана во множественном числе («сублимации»), а не просто переведена как «процесс сублимации».

К примеру, у Кернберга в «Отношениях любви...» мы видим: «Нежность выражает любовь к другому и является сублимационным результатом формирования реакции как защиты от агрессии» (Кернберг, 2000, с. 28). Формулировка «сублимационный результат формирования реакции как защиты» – максимально сгущенный вариант этого смешения сублимации и реактивного образования. Смешивал ли их сам Фрейд? Он не дал окончательного ответа на этот вопрос, отмечая: «...сексуальная деятельность ребенка развивается не наравне с другими его функциями, а регрессирует после короткого периода расцвета, от 2 до 5 лет, во время так называемого латентного периода. Продукция сексуального возбуждения в это время не прекращается, а продолжается и дает запас энергии, которая большей частью употребляется на другие не сексуальные цели, а именно, с одной стороны, на присоединение сексуальных компонентов к социальным чувствам, с другой стороны (при помощи вытеснения и реактивного образования), на создание позднейшего сексуального ограничения (курсив мой. – М. Ч.)» (Фрейд, 2020). Здесь «социальные чувства», т. е. «сублимации», отличимы от реактивного образования. В сноске он продолжает размышлять, и выясняется, что сублимация сексуальных влечений все же может идти по пути реактивных образований: «В случае, о котором здесь идет речь [формирование морали], сублимирование сексуальных сил влечения идет по пути реактивных образований. В общем, однако, необходимо различать понятие о сублимировании и реактивном образовании, как о двух совершенно различных процессах (курсив мой. – М. Ч.). Сублимирование возможно и посредством других, более простых механизмов» (Фрейд, 1991(б), с. 46). О каких «более простых», чем реактивное образование, механизмах идет речь? Значит ли это, что сублимация не дает такой нагрузки психике, как формирование реакции, удерживающей вытесненное от возвращения? Сублимация не вытесняет, а отводит уже «летучее» либидо к другой цели, не фиксируя напряжение, а как бы «разрешая» конфликт (разрешая символически). Или здесь есть намек на то, что сублимация возможна не только в виде поздних эдиповых «сублимаций», а может быть связана с более ранними процессами проекции и идеализации (т. е. может опираться в большей степени не на депрессивную, по Кляйн, а на параноидно-шизоидную позицию)? Тогда сублимация и «сублимации» могут иметь еще и разные исторические источники происхождения в психике.

Сублимацию нужно также отличать от компульсии и от проработки/переработки (например, в рамках арт-терапии). По аналогии с сублимацией компульсия дает облегчение психике – но временное и нестабильное, поскольку в финале всегда сталкивается с пустотой результата (в отличие от сублимации, созидающей новый объект). Пустота – знак Танатоса (отсутствующее пламя в его опущенном факеле), тогда как новый символический объект – плод Эроса. Сублимация компульсивна в той же степени, что и сексуальность, требующая регулярной разрядки, что и сама психика, перманентно находящаяся под напряжением пульсирующего бессознательного, что и организм, функционирующий чередующимися циклами, что и вся природа, зависящая от оборотов Земли вокруг Солнца.

Компульсия – сбой нормальной цикличности, застревание в «петле» бессмысленного повтора. Потому есть принципиальная разница между найденным способом отведения либидо (сублимацией) и возвращающимся непереработанным травматическим содержанием. Конечно, сублимация может быть омрачена этим повторением и быть раз за разом не удающейся попыткой переработать травму (при этом вероятно, что и другие способы, помимо сублимации, не сработали). Тогда мы будем видеть компульсивное повторение, которое сублимация не способна прервать символическим разрешением внутреннего конфликта.

Иногда сублимацией называют работу в разнообразных проективных методиках, способствующих психической переработке бессознательных содержаний. В психоаналитической работе с детьми в игровой комнате или в техниках арт-терапии превалирует идея перенесения бессознательных импульсов в некое переходное пространство в обход сознания, избегая при этом их конверсии в симптом. То, что перенесено на игрушки и разыграно с ними или изображено в виде спонтанного образа на листе бумаги, может быть подвергнуто проработке. Проработка, как отмечают Лапланш и Понталис, «это, конечно, повторение, но измененное истолкованием и потому способное помочь субъекту освободиться от повторений» (Лапланш, Понталис, 2017, с. 499). Несомненно, сублимация может участвовать в этом процессе, поскольку где есть игра, там есть и место для вдохновения и творчества. Однако очевидно, что сублимация не может использоваться утилитарно (как мы не можем контролировать и использовать вытеснение или полюбить по приказу). Результаты сублимации могут быть полезны для психической переработки, которая будет лишь побочным продуктом работы сублимации.

Истинная сублимация позволяет создать целое, превышающее сумму его частей (маленькое чудо творчества). При успешном ее функционировании она дает в результате «прибавочную стоимость» созданного символического объекта, дополнительную энергию, прибавку либидо. Истинная сублимация в своей психической эволюции способна постепенно улучшать символический объект (эволюция творчества), расти, усложняться, как развивается и усложняется психика. Сублимация питает влечение к жизни. Хотя может соседствовать и с иными параллельными процессами в психике, которые могут подавлять ее, имитируя по принципу сходства сублимационную деятельность (эвакуация к примеру). Поддерживать истинный сублимационный процесс – значит вновь и вновь утверждать жизнь, а не безвольно подчиняться дезорганизирующему и аддиктивному (кабализирующему) влечению к смерти.

Сублимация многослойна. В ней присутствует и аутоэротический уровень (могущий свести зачинающийся сублимационный процесс к мастурбаторному повторению), и нарциссический (фетишизирующий, проецирующий и идеализирующий), и уровень высшей символической деятельности, организованный по принципам «цветущей и благородной» игры,

как описал ее Хёйзинга⁹. Не всегда сублимация поднимается во весь рост, обрываясь иногда на предварительных стадиях. Однако без этих стадий сублимацию представить сложно, поскольку она базируется на них. Истинной сублимацию можно назвать только при работе во всем ее диапазоне, включая третий, игровой и символический уровень.

Если рассмотреть сублимацию в ее связи с мышлением, то будет удобна метафора лабиринта, который исследуется мысленно. Мышление «утилитарное» заставит нас исследовать весь лабиринт изнутри, прежде чем мы найдем выход. Оно логично и последовательно. Нарушенное (патологическое) мышление будет использовать свой потенциал для построения новых тупиков (парадоксов) в лабиринте. Оно алогично и не ищет выхода вовсе. Мышление символическое, необходимое для сублимации, заставит фантазматически подняться над лабиринтом и включить его весь в свою психику, вобрать саму идею лабиринта (именно здесь наш лабиринт символизируется и объектализируется) и таким образом спонтанно найти выход, найдя/создав лабиринт как целое. Конечно, для такой психической операции нужен большой психический ресурс. Берется ли он только из сублимации либидо или у него может быть и иной дополнительный источник?

Вероятно, для сублимации, способной совершить культурный скачок, нужна не только энергия «пламени» либидо, но и энергия «расщепленного атома». Атомный реактор в энергетике требует особых механизмов, конструкций для своей работы и специальных защитных мер (против утечки радиации). В психике таким «реактором» может быть психотическое ядро, требующее не в меньшей степени и особенных механизмов, и хорошо работающих защит¹⁰. При слаженной работе атомная энергия

⁹ «Понятие игры как таковой – более высокого порядка, нежели понятие серьезного. Ибо серьезность стремится исключить игру, игра же с легкостью включает в себя серьезность» (Хёйзинга, 1997, с. 33). Игра – это «действие, протекающее... вне сферы материальной пользы и необходимости. Настроение игры есть отрешенность и воодушевление – священное или праздничное, смотря по тому, является ли игра сакральным действием или забавой. Само действие сопровождается чувствами подъема и напряжения и несет с собой радость и разрядку» (Хёйзинга, 1992, с. 152). «Кажется, что право и война, хозяйство, техника и познание теряют контакт с игрой... Оплотом цветущей и благородной игры остается тогда поэзия» (Хёйзинга, 1992, с. 155).

¹⁰ Конечно, такое предположение требует подробной аргументации и разъяснения: во-первых, что такое «психотическое ядро», из чего оно состоит и чем отличается от как такового бессознательного («психотичного» по определению, почему мы и не имеем к нему прямого доступа), во-вторых, как оно влияет на общую психическую экономику и в каких именно дополнительных конструкциях внутри психического аппарата нуждается (если нуждается) и, в-третьих, должны ли мы уравнивать в этом случае гениальность и безумие или их все же можно разделить по каким-то достоверным критериям. Откладывая такое исследование, предварительно можно отметить, что на многие из этих вопросов (не исследуя при этом подробно собственно художественное творчество) уже ответил Андре Грин – своей концепцией «личного безумия». Возможно, пройдя между последней и концепцией Реального Лакана, мы могли бы открыть новые перспективы изучения этой сложной и противоречивой темы.

приносит свет в каждый дом, при аварии – смертельное заражение. Когда Фрейд говорит о «способности человека к развитию высшей культуры, но также и его склонности к неврозу» (Фрейд, 2020), можно догадаться, что не всем удастся пойти по пути невроза, некоторым, в силу субъективной истории происхождения и развития, индивидуальных травм, придется носить в глубине своей души «атомный реактор», выстраивая вокруг него сложные психические конструкции и освещая при этом путь культурной эволюции. Именно поэтому сублимация – судьба.

Так же как мы до сих пор смутно понимаем, что такое свет («загадочные» фотоны), так и творческая сублимация привычна, но малопонятна нам. Она создает свое особое пространство где-то там, где до этого господствовали примитивная идеализация и всемогущий контроль (Ференци), где может разрастись неореальность (как убежище или как бредовая конструкция), в конце концов – в переходном пространстве (Винникотт), которое не позволяет реальности войти и сломать хрупкие воздушные замки фантазии. Против реальности там восстает принцип удовольствия. Реальность, несомненно, вносит свои коррективы, но и мы вносим большой субъективный вклад в то, что называем реальностью. Это двусторонний, стабильный в своей конфликтности процесс. Можно ли предположить, что художник просто-напросто делает большой вклад?

Может быть, не зря Фрейд оставил вопрос о сублимации открытым, дал направление для размышлений и свободу в интерпретациях этого психического феномена? Возможно, сублимация и не должна быть до конца объяснена, а напротив – ее природа такова, что соприкоснуться с ней невозможно, не держа равновесия принципа неопределенности. Не просто так мифологическая история о сублимации (о творчестве) рассказывает о нарушенном запрете, о краже. Прометей принес людям огонь с Олимпа и научил ремеслам, за что был жестоко наказан богами – распят на скале, куда каждый день прилетал орел, выклевывал ему печень, но к следующему дню она отрастала вновь, готовая для новой пытки (Грейвс, 1992). Разгадать сублимацию – подсмотреть за «богами», за родителями в спальне в момент своего зачатия¹¹. Невозможность сделать это открывает широкую перспективу фантазии и желание «переделать» реальность, «пере-творить» ее. Суть такого процесса – в самом процессе, не в результате (достигнуть которого – значит уничтожить и источник, и цель сублимации). Кроме того, мы ведь не боги, а всего лишь «горшки обжигаем» ...

¹¹ Вспомним здесь Гастона Башляра, который в своей поэтической работе «Психоанализ огня» отметил: «Комплекс Прометая – это эдипов комплекс умственной жизни» (Башляр, 1993).

*Бывают крылья у художников,
Портных и железнодорожников,
Но лишь художники открыли,
Как прорастают эти крылья.*

*А прорастают они так,
Из ничего, из ниоткуда.
Нет объяснения у чуда,
И я на это не мастак.*

Геннадий Шпаликов

(Продолжение следует.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баиляр Г.* Психоанализ огня. М.: Прогресс. 1993. 174 с. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-culture/320625-gaston-bashlyar-psihoanaliz-ognya.html#book>
2. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / Пер. с англ. К. П. Лукьяненко. Под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1992. 620 с. URL: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/graves-mify-ancient-greece/index.htm>
3. *Грин А.* Работа негатива. Психоаналитическая работа, фокусированная на концепте негатива. Киев: Издательство Ростислава Бурлаки, 2020. 488 с.
4. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. II: Мифологическое мышление / Пер. с нем. С. А. Ромашко. М.: Академический проект, 2011. 279 с.
5. *Кернберг О. Ф.* Отношения любви: норма и патология / Пер. с англ. М. Н. Георгиевой. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 256 с.
6. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу / Пер. с фр. и науч. ред. Н. С. Автономовой. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 751 с.
7. *Лосев А. Ф.* Эрос у Платона, 1916 г. В кн.: А. Ф. Лосев. Бытие – имя – космос / Сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 958 с. С. 31–60. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Эрос_у_Платона_\(Лосев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Эрос_у_Платона_(Лосев))
8. *Овидий Назон П.* Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. Перевод с латинского С. В. Шервинского. М.: Художественная литература, 1983. URL: http://lib.ru/POEEAST/OWIDIJ/ovidii2_2.txt
9. *Солкин В.* Смерть и бессмертие. Ритуалы перехода в Древнем Египте. / Лекция Виктора Солкина. Библиотека-культурный центр имени М. А. Волошина, 2017 г. [Стенограмма]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CAbGyd-ywI8>
10. *Солкин В.* Столпы небес. Сокровенный Египет. М.: Вече, 2006 г. 464 с.
11. *Фрейд З.* Недовольство культурой. Фолио, 2013. 224 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Freid/ned_kult.php
12. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. М.: Азбука. 2020. 224 с. URL: <https://psychic.ru/books/book46.htm>

13. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / Пер. с нем. Сост., послесл. и коммент. А. А. Гугнина. М.: Прогресс, Литера, 1992. 569 с. URL: https://librebook.me/beyond_the_pleasure_principle/vol1/1
14. Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Книга 1 / Пер.: Л. Голлербах. Тбилиси: Мерани, 1991(а). С. 351–392. URL: <https://freudproject.ru/?p=1115>
15. Фрейд З. «Я и Оно». Труды разных лет. Книга 2 / Пер.: Л. Голлербах. Тбилиси: Мерани, Веста, 1991(б).
16. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М.: Прогресс – Академия, 1992. 458 с.
17. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс – Традиция, 1997. 416 с.
18. Шоу Г. Египетские мифы. От пирамид и фараонов до Анубиса и «Книги мертвых» / Пер. с англ. М. Сухотиной, науч. ред. В. Солкин. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021 г. 240 с.
19. Freud S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides), 1911. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/freud/paranoia/chap001.html>

Secret of Sublimation (Part 2)

M. A. Chershintseva

Chershintseva Maria A., PhD of cultural studies, master of psychology (HSE), psychoanalytic-oriented psychotherapist, clinical psychologist, associate member of Moscow Psychoanalytic Association, deputy editor-in-chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis, Senior Lecturer of the master's program Psychoanalysis and Psychoanalytic Psychotherapy (HSE), visiting lecturer of the Institute of Psychology and Psychoanalysis on Chistye Prudy.

In the second part of the article sublimation is considered within the primal phantasies "returning to the womb", to Nirvana (on the side of life or death). We are also talking about the object of sublimation, depending on the level of mental functioning of the subject (neurotic, narcissistic, psychotic). Talking about the mechanism of sublimation, we can separate the phenomena of inspiration from compulsion and separate sublimation from reaction-formation, working-through and "sublimations" (necessary for culture). In sublimation you can find the autoerotic level (masturbatory compulsion), the narcissistic level (fetishizing, projecting and idealizing) and the level of the highest symbolic activity, organized according to the principles of the "blooming and noble" game (Huizinga). Thinking through sublimation shows an objectification and symbolizing functions. Is libido alone the engine of true sublimation, revealed at all its levels – from autoerotic to playful and symbolic? Can we give an unambiguous answer about what sublimation is and explain its nature?

Keywords: sublimation, drive of life, drive of death, Nirvana, symbolic object, inspiration, compulsion, reaction-formation, working-through, symbolic thinking.

Первофантазмы и фантазмы. Их роль и значение в психоаналитическом процессе

Л. Н. Калинина

Калинина Лада Николаевна – психоаналитически ориентированный психотерапевт, преподаватель Школы практического психоанализа Н. В. Майн, ассоциированный член Московской психоаналитической ассоциации.

На примере клинических случаев автор предлагает описание феноменов первофантазмов и фантазмов в психоаналитическом процессе, показывает, как это отражается в динамике работы, соотносится со структурой и уровнем психического функционирования, а также патологией психоаналитического процесса. Особое внимание в психоаналитической работе уделяется тем бессознательным процессам, которые для эффективности и анализабельности могут быть использованы аналитиком с точки зрения универсальности первофантазмов и уникальности и вариативности фантазмов как содержаний матрицы. Обнаружение личного фантазма, его символизация позволяют при помощи инсайтов и проработки повысить уровень психического функционирования и привести к трансформации анализанта.

Ключевые слова: первофантазм, фантазм, психическая структура, психическое функционирование, фантазматическая жизнь, патология психоаналитического процесса, первосцена, соблазнение, кастрация, возвращение в материнское лоно, каннибалистическая трапеза.

Пространство психического, наполненное первофантазмами и фантазмами, – эта огромная территория неизведанного, до конца не изученного, – представляет пристальный интерес для психоанализа. Прошедшая в 2021 году Третья клинико-теоретическая конференция МПА не случайно была посвящена именно этой необъятной теме и носила название «Первофантазмы и бессознательные фантазии». Вдохновленная затронутыми глубинами, я захотела еще раз обратить внимание на очень важные акценты фантазматической жизни, с которыми мы сталкиваемся в психоаналитическом процессе.

Если вы о чем-то не знаете, это не значит, что этого не существует. Даже людям, далеким от психоанализа, приходилось сталкиваться с таким феноменом: «Если нам что-то кажется, то это не кажется». Или когда что-то невзначай указывало на повторяющиеся и похожие страдания у совершенно разных людей. Множество рассуждений на тему «карма», «судьба», «злой рок», «сказочное везение» поражают воображение. Многих людей, ищущих смысл собственного бытия, захватывали разнообразные концепции и идеи: «трансерфинг реальности», «магическая точка сборки Карлоса Кастанеды», «Кора в Тибете», «медитация в йоге», «Путь воина», «эволюция человеческого сознания».

Психоанализ стал той сферой, в которой удалось обнаружить научные подтверждения тем интуитивным догадкам, которые настойчиво требовали ответа. Для того чтобы связать смутные ощущения и необъяснимые тревоги и страхи, человеку нужно заглянуть в «колодец бессознательного» или посетить «пещеру мудрости» – кабинет психоаналитика. Обнаружить, что все это уже происходило когда-то и с кем-то. Что это? Божий замысел? Родовой сценарий? Предначертанность? Множество вопросов, связанных с нашим личным происхождением, семейными паттернами, характером, архетипами, разрывают пытливые умы и держат в экзистенциальном стрессе психику.

Понятие «первофантазм» не является научным термином в строгом смысле, однако парадоксальным образом представляет собой феномен, без которого невозможно заниматься «препарированием» бессознательного. То есть получается, что использование первофантазмов и фантазмов как индивидуальных наполнителей – содержаний – представляет собой суть психоаналитической работы. По тому, как происходят изменения содержания фантазмов, заполняющих матрицы универсальных первофантазмов, можно делать выводы о динамике аналитической работы и трансформации пациентов.

Когда очередной клиент задает центральный вопрос: «Это что, со мной что-то не так?» – мы тут же понимаем, что нам предстоит пройти долгий путь к себе. И на этом самом пути клиент встретится со всевозможными вариантами своего прошлого, признается в страшных тайнах, стыдных мыслях и скрытых тревогах. В какой-то момент обнаружится, что в определенной точке существует нечто знакомое, повторяющееся у многих. Это нечто – **первофантазм**, разыгранный во внутренней реальности клиента.

Первофантазм/профантазм – это архаичный фантазм глубоких слоев психики. «Фантазм, немецкое слово: Phantasie. Это термин, означающий воображение, но не столько "способность воображения" (Einbildungskraft философов), сколько воображаемый мир и его содержания, "воображение" или "фантазмы", за которые так охотно прячутся невротики и поэты. В рассказанных субъектом или самим психоаналитиком сценах присутствует оттенок фантазмагии, который ни с чем не спутаешь», – сообщают нам Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис в своей работе «Первофантазм. Фантазм первоначал. Первоначало фантазма» (Лапланш, Понталис, 1985).

Следуя рассуждениям вышеуказанных авторов, обратим внимание на то, что суть психоанализа – это работа с бессознательным клиента, поэтому для нас важно, что происходит во внутреннем мире субъекта и какие силы толкают его на поступки, движимые его желаниями и влечениями к удовлетворению. Для клиента в этот момент «эквивалент реальности» не имеет смысла, напротив – реальность мысли идентична внешней реальности. И из того, что часто эта картина фантазма повторяется в различных вариациях, но сохраняя основные акценты, персонажи и сюжет, можно сделать вывод, что существует некий «природный фонд», который организовало человечество, чтобы сохранить непрерывность существования своего рода/вида.

Зигмунд Фрейд указывает: «Есть три разновидности явлений (или реальностей, в более широком смысле): реальность материальная, реальность связующих мыслей, или психологического, и реальность бессознательного желания и его "самого подлинного выражения" (фантазм)».

Для лучшего понимания феноменологии первофантазма нам необходимо опираться на особенности бессознательного и предсознательного в психике человека. Рассматривая этот вопрос в контексте филогенетического развития, мы вслед за Фрейдом признаем, что была когда-то в доисторические времена в жизни человечества универсальная, общая для всех реальность и это объясняет, почему первофантазмы встречаются у всех людей или почти у всех людей.

«Их существование Фрейд объясняет филогенетическим наследованием, буквально филогенетическим достоянием, имением, владением. И в 23-й лекции по введению в психоанализ он пишет, что вполне возможно, что все фантазии в некий первоначальный период существования человеческой семьи были реальностью. И фантазирующий ребенок просто восполнил доисторической правдой пробелы в индивидуальной правде» (А. И. Коротецкая, из доклада «Кастрация. От фантазма к комплексу»).

Там же А. И. Коротецкая отмечает, что первофантазм появляется в психической реальности потому, что «он уже где-то присутствовал, поскольку был унаследован. Однако механизм наследования этой исторической истины, если она передается филогенетически, остается неизвестным и по сей день».

«Первофантазмы структурируют, организуют жизнь влечений. Универсальный фантазм очень древний. Он заключается в том, что ребенок сам был создателем своих объектов и мира, в котором он живет». И этот фантазм творческого всемогущества, от которого мы отказываемся

постепенно в пользу первосцены и Эдипа под давлением фактов, оставляет в нас ностальгию, след. «Видло Шер говорит, что это остается в виде смутного ощущения, что наш мир – это то же самое, что наше Я» (Н. В. Майн, из доклада «Первофантазмы психической вселенной»).

Суть и смысл основных первофантазмов – это то, как в бессознательном структурируются все основы будущего субъекта, от самого первоначала, появления индивида (первосцена), проявления его сексуальности (соблазнение) и принятия разницы полов и поколений (кастрация). Именно в этих трех случаях, по указанию Ж. Лапланша, «имеет место совпадение сюжета, структуры и, несомненно, функции: в указании, которое представляет перцептивное поле, в создаваемом сценарии, меняющемся поиске начал, на сцену фантазма выходит нечто, дающее "первоначало" субъекту как таковому».

Лакан в своем рассуждении о том, что же такое бессознательный фантазм, приходит к выводу, что это нечто латентное, скрытое – «нечто такое, что, насколько мы можем на данный момент об организации структуры бессознательного судить, вполне допустимо мыслить как означающую цепочку. То, что в бессознательном имеются пребывающие нетронутыми означающие цепочки, которые оттуда, из бессознательного, структурируют организм, воздействуя на него» (Лакан, 2002).

Через призму первофантазмов мы можем рассматривать различные феномены психоаналитического процесса. Например, первофантазмы и патологию психоаналитического процесса. Попробуем обратить наше внимание на сложности в работе с пациентом. В частности, на то, что является тупиком в работе, негативной терапевтической реакцией и обрабатываемой перспективой.

Концепцию обрабатываемой перспективы предложил У. Бион. Бион же пишет, что мы приходим в мир с прекоцепциями, то есть с врожденной способностью понимать смысл сексуальной жизни. Прекоцепция родительского коитуса как исходной теории собственного существования, отраженная в первофантазме первосцены, – центральный конфликт, в котором интенсивность аффекта достигает наибольшей концентрации и требует разрядки. Следовательно, по мере приближения к первосцене как конечной инстанции в проработке основных конфликтов, выраженных в остальных первофантазмах (соблазнение, кастрация, возвращение в материнское лоно и каннибалистическая трапеза), нарастающий уровень тревоги, связанный с тем, что именно в этой точке произойдет столкновение с собственным несуществованием, заставляет порой развернуться в противоположную сторону и бежать без оглядки, лишь бы избежать этого непереносимого чувства – чувства небытия и полного игнорирования любимыми объектами.

С точки зрения первофантазмов и их вариативности мы можем выявить отклонения от нормального психического функционирования. Так, например, особенностью первертного функционирования/мышления будет отрицание первосцены, ее стирание. Путем бесконечных символических перемещений, переворачиваний и обрезаний ассоциативных связей вместо этого сексуальное желание обставляется новыми персонажами,

новыми знаками и новыми целями. Аннулирование отца, который потерпел неудачу в осуществлении своей отцовской функции, и подмена его роли, на которую могут претендовать как Бог-отец, так и идеализированный фаллос, и преувеличенная роль всемогущей архаичной матери, с которой необходимо идентифицироваться, но при этом обезопасить себя от поглощения зубастой вагиной, – заставляют перверта вновь и вновь компульсивно проигрывать свою перверсивную сексуальность. То, чего не хватает во внутреннем мире, помещается во внешний объект и организуется во внешней ситуации, так как существует дефицит в Эго-структуре перверта из-за неудачи символизации. Эта неудача имеет отношение к значению первосцены и роли пениса отца.

Фантазматическая жизнь – это попытка связать возбуждение внутри психического аппарата в форме сценариев. Принято выделять пять основных первофантазмов, тогда как количество фантазмов, или вариаций первофантазмов, их содержаний, богато и разнообразно. Кроме того, они могут быть как универсальными, так и индивидуальными. Фантазм – иррациональное влечение, детерминированное архетипом, сценарий удовлетворения, в который архетип вписан как способ и средство.

От чего будет зависеть содержание фантазма на индивидуальном уровне? Конечно же, от структуры и функционирования психики. Как отмечает Ракамье, невроз делает фиксированные фантазмы, а психоз – убийственные. В зависимости от того психотический это уровень, пограничный или невротический, будет меняться содержание первофантазма. Так, например, главный первофантазм – первосцена, которая является объединяющим для всех остальных первофантазмов, будет выглядеть настолько разительно у психотиков и невротиков, что могут даже возникнуть сомнения, идет ли речь об одном и том же первофантазме или совсем о разных феноменах внутриспсихической жизни.

Для наглядности рассмотрим, как это может выглядеть. Для психотической структуры или психотической части личности (ПЧЛ) первосцена – сама по себе угроза, так как обнаруживает много злости, зависти и ненависти к родительским фигурам, которые предпочли друг друга, а не меня! За это я хочу их уничтожить или как минимум не допустить этого коитуса как апофеоза любви. Но тогда будет уничтожена сама возможность меня зачать; значит, я либо не появлюсь никогда, то есть уничтожаю себя, либо у меня есть запасной вариант. Запасной вариант – самопорождение. Как может проиграть первосцену психотическая личность? Я (ПЛ или ПЧЛ) обращаюсь/превращаюсь в фаллическую мать или втягиваю в «зубастую вагину», «черную дыру» отца, в которого я тоже превратился. Затем произрастаю, прогрызая изнутри, разрываю тело и появляюсь.

Необходимо отметить, что фантазмы как проявление бессознательно-го в форме сценария также могут проявляться по-разному, в зависимости от фиксации на определенной стадии психосексуального развития. Так, фантазмы садомазохистского характера мы отнесем к анальной стадии. Весьма ярким примером такого фантазма является «ребенка бьют». Как сообщает в своей статье «Этика и эстетика извращения» Жанин Шассге-Смиржель, фантазм «"ребенка бьют" явно тяготеет к садизму

первоначального фантазма. Тот, кто осуществляет порку, обычно представляет отцовский субститут. Однако, если фантазм принимает садистскую форму, получаемое удовольствие, по сути, носит мазохистический характер: дети, которых бьют, представляют собой субститут собственной личности. Вина, как и подавленный чувственный элемент, находит свое удовлетворение. За неопределенными участниками действия скрываются отец и дочь, слившиеся в любовном акте, замаскированном в тягостное наказание». Весьма любопытно, что именно через этот фантазм можно обнаружить разницу в прохождении Эдипа у девочек и мальчиков. Фрейд, который ожидал обнаружить абсолютную симметрию, заменив в этом фантазме для мальчиков отца на мать, понял, что это совсем не так. Если у женщин фантазм «я побита отцом» всегда бессознательный, то у мужчин фантазм «я побит матерью» может стать «я любим отцом». «Речь идет о фантазме полового типа, который в связи с регрессией на садистическо-анальную стадию превращается в фантазм порки отцом, а затем трансформируется в сознательный фантазм "я побит матерью"» (Chasseguet-Smirgel, 2006).

Не менее важным в психоаналитической работе становится вариант первосцены в фантазме, наполненном гомосексуальностью или бисексуальностью. Как отмечает Ж. М. Леви в своей работе «Тени и свет бисексуальности», Фрейд в поисках связи бисексуальности с теорией влечений обращается к мифу Аристофана, который черпает влечение из потребности восстановить предыдущее состояние. В мифе тела изначально были другими. Индивиды были неразделенные и трех полов: мужчины-мужчины, мужчины-женщины, женщины-женщины. Бог разделил их в наказание за высокомерие и волю к всемогуществу. Из этого разделения и возникло желание объединиться. Этот миф об изначальной бисексуальности дает представление о примитивной сцене: он изображает двух людей, объединенных, а затем разъединенных и желающих снова объединиться.

«Таким образом, посредством игры единения и разъединения миф Аристофана, как и фантазм о примитивной сцене, предлагает фигурацию (*фигурация – это процесс, с помощью которого мысли сновидения превращаются в визуальные образы. Фрейд использует немецкий термин *Darstellung* – зрительный образ, от глагола *darstellen*: изобразить; отобразить; выразить, не путать с *vorstellen*, представлять, и *Vorstellung*, представление. – Прим. пер.*) влечения в драматизации, которая продолжается через эдипов процесс, посредством его различных идентификаций и различного выбора объектов» (Леви, 2021).

В психоаналитической терапии с пациентами наглядно можно обнаружить, как проявляют себя первофантазмы, каким индивидуальным содержанием они наполнены и как происходит их трансформация в процессе, связанном с динамикой изменений, которые происходят благодаря символизации, связываниям и проработке. Теперь мне бы хотелось предложить на рассмотрение клинические случаи, в которых наглядно проявляется феномен первофантазмов и фантазмов, то, как это звучит в материале и раскрывается в динамике психоаналитического процесса.

Клинические случаи. Первофантазм «соблазнение». Фантазмы господина истерика

Мой клиент – популярный блогер, красиво и витиевато рассуждающий в инстаграме на всевозможные психологические темы. Внешний облик – как публика прописала, красавчик мачо с мускулами, накачанными при помощи стероидов, которые убили сперматозоиды и печень. Но он не сдается!

На одной из первых встреч Эдуард пытается описать свои ожидания от близких отношений, которые на данный момент оставляют желать лучшего: «И в отношениях у меня есть такой собирательный образ, какая должна быть женщина. И сам, когда думаю, на кого бы я хотел быть похожим, конкретно какого-то кумира нет, а есть тоже некий собирательный образ, у кого-то нравится тело, внешний облик, у кого-то стиль поведения, уверенность».

На момент обращения клиент находился в отношениях с женщиной старше него на семь лет, как он сам отметил, его привлекают женщины старше, и сам он связывает это с тем, что переживал в сиблинговых отношениях со старшей сестрой, окрашенных инцестуозностью и завистью. На первой встрече Эдуард сказал, что ему удобнее выходить на сессию из машины, потому что «дома жена и ребенок». Впоследствии выяснилось, что это совсем не жена, а ребенок – вовсе не его ребенок, а дочь его партнерши от второго брака, девочка-подросток 15 лет. Замечу, что Эдуарду на тот момент было 27 и неизбежное сексуальное возбуждение по отношению к этой девочке также были предметом жалоб.

О сексуальном опыте. Первая сильная влюбленность в 12 лет. Эпизод «Первая скрипка». Она так же, как и все последующие женщины, была старше его лет на семь-восемь. В описании того, каковы были эти отношения, в словах клиента звучит много восхищения и преклонения. Она была талантлива, эрудированна и поражала его воображение тем богатым внутренним миром, который демонстрировала ему, соблазняя не только телом. В сексуальных отношениях ей хотелось от него большего, но ее свободные и раскрепощенные идеи, касающиеся самого акта и разыгрывания, были для него чересчур. Это, конечно же, не имеет никакого отношения к пуританству или страху не оправдать ожидания, речь совсем о другом. Он не мог *так* поступить с *ней*. На вопрос терапевта: «Вы боялись ее повредить?» – отвечает утвердительно.

Итак, мы находимся в страхе повредить/испортить ценный и любимый объект. После чего ассоциативно появляются воспоминания о двух эпизодах. Один из них произошел, когда ему было лет восемь. Его сестра взяла его с собой на природу, куда они направлялись со своим парнем. Они гуляли по лесу, набрали на опушку. Его оставили на опушке и сказали ждать, а сами удалились. Он послушно ожидал их на опушке, но время тянулось бесконечно, и ему стало тревожно, вдруг они заблудились или забыли про него. Тогда он долго звал, а потом отправился на поиски. Он наткнулся на сцену коитуса между сестрой и ее парнем. В том момент он испытал смешанные чувства: страх за сестру, что ей делают больно, а он

не может защитить ее, и стыд и вину за то, что оказался свидетелем чего-то запретного.

Позже, уже в подростковом возрасте (14–15 лет), он так же невольно стал заложником ситуации. Он отдыхал на диване после тренировки. Родители, которые откуда-то вернулись, видимо, не заметили его и отправились в спальню, где шумно занялись сексом. Со слов клиента, он не знал, как ему поступить, постучать им в дверь и попросить «потихше» или затаиться на диване и ничего не предпринимать.

Основная жалоба и конфликт в отношениях с женщинами: нет такой, как мама, которая бы понимала без слов и приносила наслаждение, заботу, нежность.

Отношения с родителями с самого раннего возраста наполнены страстями эдипальной темы, со всеми перипетиями инцестуозности, сексуального возбуждения, с которым невозможно справиться, и страхом наказания за него. На основании материала возникали гипотезы, в которых во всех красках проявлялись фантазмы клиента, которые заполняли формы универсальных первофантазмов.

Основной фантазм включает в себя меньший по интенсивности и значению аффекта. Это походило на «треугольник в треугольнике». Когда в материале наконец-то появилось самое горячее зерно, заряженное аффектом, а именно «в детстве я спал в постели с матерью, где и испытал первую эрекцию», я дала очевидную интерпретацию: «Вы заняли место отца?» Как примерный невротик, он ее принял. Это было эпицентром конфликта, а это означало, что нам неизбежно предстояло «вальсировать в треугольнике любви и ненависти», в попытках занять свое достойное место, приняв кастрацию, согласившись на роль сына, и не только это. Предстояло признать принцип реальности, где каждый из нас имеет право на удовольствие, не являясь единственным реципиентом этого удовольствия, даже если вы предпринимаете для этого непосильные инвестиции, чтобы завоевать титул «Мистер Совершенство».

В том треугольнике, который меньше, это выглядело как «ожидание белого танца». В его фантазме все женщины должны вожделеть заполучить его – единственного идеального мужчину, обладателя идеального генетического материала. Это прозвучало как «многие женщины хотят от меня родить», заполучить два в одном – «ум и красоту». При этом парадокс ситуации в желании выглядеть круче всех: Эдуард занимается бодибилдингом, не гнушаясь всех тяжких, в том числе приема стероидов, о которых я упомянула в начале. Сам он и признался, что это стало причиной того, что его сперматозоиды нежизнеспособны.

В данном случае мы имеем дело с классикой жанра – первофантазмом «соблазнение», которое длилось намного дольше и интенсивнее допустимого. Мать, положила его в свою постель в целях получения двойной выгоды: (1) желая отомстить мужу; (2) это было сделано в форме послания «мне не нужен твой пенис-изменник, у меня есть свой "золотой фаллос"».

Он был обречен стать «золотым фаллосом», нарциссическим продолжением матери. То есть обречен инвестировать свое либидо по нарциссической линии.

Если я буду самым-самым, то буду желанным, востребованным – мне будут поклоняться и исполнять любое мое желание, так, что мне даже не придется об этом сообщать. На одной из сессий Эдуард с восторгом рассказывает, как взрослая женщина-коллега смазывала его руки кремом, хотя он даже ее об этом не просил.

При этом оборотной стороной стал первофантазм «кастрация», в том варианте Эдипа, в котором он оказался заложником ситуации. То есть у матери не было цензуры любовницы, ибо любовницей отца была другая женщина. Следовательно, ему досталась роль утешителя матери, защитника и любимого объекта. По сути, он становится мужем своей матери, и вполне очевидно, что вынужден пребывать в постоянном страхе угрозы кастрации. Что и проявлялось в отношениях к нему со стороны отца: «Батя всегда был очень жесткий». Но отношение отца неоднозначно, ибо, как единственный сын, он также становится и нарциссическим продолжением отца.

Отец вводит его в мужской лагерь, но достаточно странным, искаженным, первертным способом. Об этом говорит яркий эпизод из эдипова возраста (три-пять лет), когда он сидел на заднем сиденье машины, в которой у отца проходило свидание с любовницей. Припоминая свои ощущения, Эдуард делится: «Я понимал, что происходит что-то нехорошее. Что я предаю маму». Конфликт, непереносимый для детской психики, привел в действие защитный механизм расщепления и проективную идентификацию.

Порой именно эта разъединенная по противоположным сторонам амбивалентность, как в отношении матери, отраженная в конфликте желания «стать единственным мужчиной для нее» и «защититься от страсти, призывая к нежности»; так и в отношении отца, где конфликт сталкивает «любовь и билет в мужской лагерь» и «страх наказания, кастрации», провоцирует регрессивное стремление возвратиться в материнское лоно, где в полной безопасности можно получать все необходимое для удовольствия.

Однако в подростковом возрасте происходит неожиданное дезинвестирование, когда всегда присутствующая мать вдруг «взяла отпуск» и стала бабушкой. Картины, когда он дома один («Один дома»): еда не приготовлена, в доме не убрано, кошка нагадила – становятся преследующим кошмаром. Непереносимость новой реальности, в которой он больше не единственный мужчина для любовных инвестиций матери, заставляет его уйти из дома родителей. Произошла сепарация, но остались обида на мать и желание вернуться в потерянный рай, на фоне страха наказания/кастрации от отца.

В результате всех этих фантазмов, навязчиво повторяющихся на уровне бессознательного и проигрывающихся во внутренней и внешней реальности, в пространстве большего треугольника, там, где властвует Эдип, никак не удастся приблизиться к первосцене таким образом, чтобы, с одной

стороны, не быть невольным наблюдателем «насилия», а с другой – разместить собственное возбуждение вне поля инцестуозности, отказавшись от роли единственного мужчины.

Это звучит в его ожиданиях от отношений между полами, как индивидуально для него должна выглядеть первосцена. Возвращаясь к его описанию: «И в отношениях у меня есть такой собирательный образ, какая должна быть женщина. И сам, когда думаю, на кого бы я хотел быть похожим, то конкретно какого-то кумира нет, а тоже есть некий собирательный образ, у кого-то нравится тело, внешний облик, у кого-то стиль поведения, уверенность». Мы можем вновь убедиться, что «собирательный образ женщины» – это идеальная мать, а собственный образ единственного мужчины пока находится в состоянии разобранных частей/пазлов (тело, ум, стиль), которые трудно соединить из-за невозможности идентификации с неидеальным отцом.

Единственное, что остается на данном этапе навязчивого повторения, из-за которого вновь и вновь разыгрывается сцена нарциссического триумфа, – это соблазнять.

Первофантазм «кастрация». Dolce vita – «плата за сладкую жизнь»

Клиентке 53 года, она замужем за итальянцем. В отношениях с ним чуть более трех лет. Живут в Риме. Муж – доктор. Она – реабилитолог, работает с телом. Сама в отличной физической форме. Выглядит гораздо моложе своего возраста. Красавица, длинные волосы, блондинка, огромные голубые глаза, идеальная фигура.

Моя новая клиентка Елена Прекрасная жалуется на «кашу в голове». До того как выйти замуж за итальянца, она 26 лет была вне отношений с мужчинами. Одна растила дочку и имела свою безотказную стратегию выживания и борьбы. Как она говорит о себе сама, «ничего не страшилась, со всем справлялась, с любыми обстоятельствами».

При обращении в детство, откуда, как мы – психоаналитики – знаем, «ноги растут», выяснилось, что Лена очень любила сладенькое, которое было под запретом. На сладкое не было денег. Хорошо помнит, как копила монетки и потом покупала кулек конфет и съедала их почти сразу. От сладкого страдали зубы. Поскольку родители не заботились о здоровье детей так, как требовалось, то о запланированном походе к зубному не было и речи. Кариес благополучно расположился в теле клиентки и окончательно испортил все зубы.

Именно зубы, а точнее, их испорченность, дискомфорт и даже боль, которая стала непереносимой, были отправной точкой и мотивацией для того, чтобы «осознанно» выйти замуж. Решила выйти замуж за человека, с которым была в отношениях два года, ездила туда-обратно из Украины в Италию. Со слов Елены: «Сначала два года были в отношениях, но предложения не делал. Тогда я уехала обратно на Украину и сказала,

что не смогу ездить туда-сюда, проблематично по документам, визе и неопределенность. Тогда через какое-то время он признался, что не может без меня, согласился жениться и взять на себя расходы "по зубам"».

Когда Елена рассказывала об этом ключевом моменте, о том, как она буквально вынудила мужчину жениться или, скажем мягче, поставила его перед выбором, на невербальном уровне чувствовалось, что для нее это стыдный и неприемлемый стиль, противоречащий ее установке «стратегии выживания» одинокой и независимой женщины. Чтобы сгладить неловкость, она произносит такую фразу: «Сделал выгодное финансовое предложение».

«Выгодное финансовое предложение?» – переспрашиваю я. Ответ: «Нет. Это потом. Сначала он признался, что не может без меня, что я ему нужна».

В рассказе об актуальных переживаниях, которые служат основным поводом разногласий в отношениях с мужем, лейтмотивом звучит тема «непереносимости вынужденной зависимости» и, как следствие, как суть внутреннего конфликта – «платы за сладкую жизнь». Потому что, по внутренним ощущениям, в этом новом мире, чужом мире, она пока не получила признания, ее не ценят так, как она того заслуживает, в том узком семейном кругу, куда она включена.

Страх. «Если я уйду от него и сама буду зарабатывать на свои зубы, то получается, что все, что я смогу заработать за месяц, я буду относить дантисту. Что это за жизнь такая?! Лучше умереть. А может, жить как есть с этими старыми зубами, пока хоть как-то держаться, а потом, как придет момент, умереть с ними либо самой уйти из жизни». Отмечает, что суицидальные мысли были и раньше и связано это именно с зубами. После вопроса аналитика: «То есть можно считать, что зубы являются центральной проблемой, историей, вокруг которой закручены все беспокойства?» – клиентка делает паузу, затем отвечает: «Наверное, да. Да».

На сцене разворачивается основной внутренний конфликт. Выбор: либо непомерная плата – отказ от основной тактики и стратегии выживания и принятие новой роли – стать такой, какой ее воспринимают окружающие. По словам клиентки, «весьма неприятно быть воспринятой другими по тому внешнему облику голубоглазой красотки, которой наверняка все легко доставалось». При этом она получает поддержку и новые зубы и сладкую жизнь. Получается частичная кастрация. Либо она остается верной своей идентификации – сильная женщина, боец и победитель. Но тогда придется справляться со всем самой, и тогда ей не хватит ресурсов, ни физических, ни экономических, и начнутся страдания из-за больных зубов. Страдания настолько сильные, что тогда уж лучше смерть. Полная кастрация.

Фантазм моей клиентки Елены Прекрасной выглядел таким: «Если эта жизнь не по зубам, то, значит, ты – не жилец!»

Первофантазм «возвращение в материнское лоно». «Я рождена из морской пены»

Милота – клиентка пограничной структуры. Одной из линий в проработке внутреннего конфликта объектных отношений стал непереносимый конфликт с матерью, которая воспринимается как вторгающаяся, кастрирующая соперница в борьбе за обладание отцом и/или пенисом отца. В процессе терапии удалось восстановить расщепленный образ матери, когда в противоположность агрессивной и опасной, угрожающей вдруг появилась другая мать: видение из детства, когда мать на речке, в лучах солнца, была необыкновенно красивой. «Лик Мадонны» – так назвала этот эпизод с видением сама клиентка. Но до этого был долгий путь проработки ее жуткого фантазма «смерть во чреве матери».

Невыносимый травматизм этой пациентки продуцирует на сцене психоаналитических сессий сцены фантазмов, от психотического уровня до пограничного/первертного. Самым первым фантазмом, который она принесла, стал рассказанный сон: «Я, как русалка, выхожу из раковины, из пучины волн. Ощущение, что я родилась заново и больше не принадлежу матери как ее продолжение. Я – свободна. Меня должен отловить в этом морском пространстве мой муж. Он должен закинуть сети».

В это время в своей актуальной жизни клиентка переживает агрессивное вторжение ее матери, которая насильно пытается установить ванну в квартире клиентки. На вопрос терапевта: «Про что для вас эта ванна? Почему она вас так пугает и вызывает столько сопротивления?» – она отвечает: «Это ванна, полная крови». Далее, путем ассоциаций, мы приходим к первофантазму «возвращение в материнское лоно», где небезопасно, потому что мать может аборттировать, уничтожить там плод, внутри этого лона.

Именно поэтому в поисках безопасного «материнского лона» фантазматическая жизнь Милоты предлагает различные варианты, одним из которых является красивый, но скорее психотический вариант самопорождения из морской пены.

Первофантазм «канибалистическая трапеза». Вероника решает не умирать

Вероника – талантливая художница, 50 лет. Когда Вероника обратилась за психотерапевтической помощью, она была на грани. Состояние затяжной депрессии на фоне пандемии, бессонница, невозможность контролировать свое эмоциональное состояние – «постоянно плачу, слезы сами текут», возникали мысли о самоубийстве. Хотела идти к психиатру, был опыт лет 15 назад приема препаратов, но таких сильных, что не хотелось бы повторять.

Из материала клиентки. Мать – жесткая, доминирующая, фаллическая и кастрирующая отца, она ребенок военного времени, рожденная в 1934 году в еврейской семье. Отец матери – крупный партийный работник сталинского периода, как следствие, есть ситуация семейных тайн.

Мать сбежала от родителей в юности на Дальний Восток. Отец – военный инженер, мягкий. Не защищал и не вступался за нее, так как не хотел эмоционально ввязываться в конфликт с женой. Сам отец – травмированный ребенок военного времени. У Вероники также есть сестра, старше на 12 лет.

Яркий травматичный эпизод из детства – «хлебные крошки». Ассоциируется с мотивами сказок «Мальчик с пальчик» и «Крошечка Хаврошечка». Случай из детства. Ей было лет 10–11, когда она с группой «художки» отправилась в поездку в Московский зоопарк. Автобус – электричка – метро. Сопровождающие училки бросили детей одних в зоопарке и назначили время и место сбора для отъезда. Вероника была испугана, дезориентирована, не знала, сколько времени. Когда подошла к месту сбора, то никого не обнаружила и подумала, что перепутала время и все уехали без нее. В кармане обнаружила обратный билет на электричку и пяточок на метро. И самостоятельно вернулась домой! Сориентировалась по метро, нашла нужную платформу на вокзале. После чего вину свалили на нее, сказали, что она сбежала. Никто не встал на ее сторону: ни жесткая мать-педагог, ни отец, который никогда не вставал на ее сторону, чтобы не конфликтовать с женой.

Лейтмотивом на протяжении почти двух лет психотерапии звучит «страх толпы незнакомцев». «Не люблю бюрократические заведения: посольства, ЖЭКи, муниципальные конторы и общественные сборища». Детские неприятные воспоминания об очередях, в которых проводила много времени с родителями. Не умеет просить помощи. И в принципе не умеет просить. Ком в горле.

При описании своих переживаний, то есть аффекта, связанного с необходимостью коммуницировать с группой незнакомых или малознакомых или даже вполне себе знакомых людей, Вероника жалуется на бессознательную тревогу и даже страх быть поглощенной и/или вовлеченной вопреки собственному желанию в общее удовольствие, которое ей неприятно и почти противоречит собственным желаниям.

Необходимо отметить очень важный момент – отсутствие детей. Несмотря на счастливый и долгий брак и полное взаимопонимание с мужем, детей все же нет. Веронике трудно объяснить этот факт, ибо это не было ни осознанным выбором, ни физической невозможностью. Есть один бессознательный страх, в котором смешаны многие составляющие, одной из которых является «собственное исчезновение» или принесение себя в жертву во имя новой жизни.

Сочетание этих двух бессознательных страхов – страха толпы и страха принести себя в жертву во имя новой жизни – отправляет нас в фантазм «сотворения нового мира путем разрыва субъекта на части». То есть содержание этого фантазма укладывается идентичным образом в первофантазм «каннибалистическая трапеза». Отсылки в этот фантазм мы находим в древних мистериях и мифологии. Как отмечает Мирча Элиаде в своей книге «Мифы, сновидения, мистерии», «...миф о сотворении посредством насильственной смерти превосходит мифологию Матери-Земли».

На одной из сессий Вероника эмоционально делится своим отвращением к корпоративам, на которых творится «Содом и Гоморра». По ее словам, «на этих корпоративах все теряют адекватность и совершают вещи, из-за которых потом дней пять никто ни с кем не разговаривает и подозрительно ожидает, нет ли компромата». У меня возникают картины «оргии», но я не успеваю дать эту интерпретацию, как Вероника продолжает: «Наверное, и сейчас есть племена тумба-юмба, которые устраивают ритуальные действия сексуального характера. Так живет этот почти первобытный социум, семейное племя, где все перемешалось».

– Инцестуозно, – интерпретирую я, и Вероника соглашается.

Картины древних мистерий с жертвоприношениями витают в пространстве нашей химеры. В контрпереносе я испытываю тот страх, что переживает клиентка. Это очень хорошо выражается в фантазме, о котором говорит М. Элиаде: «Его фундаментальная мысль заключается в том, что Жизнь может произойти только от другой жизни, которая приносится в жертву жизни. Насильственная смерть созидательна в том смысле, что приносимая в жертву жизнь проявляется в более выдающейся форме и на другом уровне существования. Живое "целое" разрывается на фрагменты и рассеивается мириадами одушевленных форм. Другими словами, здесь мы снова встречаем хорошо известную космогоническую структуру изначальной "целостности", разбитой на фрагменты актом Сотворения».

Каннибалистическая трапеза во всем своем размахе!

Первофантазм «первосцена». «Анжелика – маркиза демонов»

Первосцена, соблазнение, кастрация, возвращение в материнское лоно, каннибалистическая трапеза – все пять основных первофантазмов присутствовали в процессе психоаналитического лечения Анжелики.

Клиентка, с рождения лишенная отца – с ее слов, «мать нагуляла», фантазирует, кем бы он мог быть. Говорит: «То ли руководитель хора, то ли директор лесоповала». Однако, устав мечтать об идеальном отце, Анжелика желает остаться с матерью вдвоем: «Моей любви хватит на нас двоих». Мужчины появлялись в жизни матери, но «все мамины мужчины были плохими людьми». Так и росла Анжелика в злости на мужчин. Агрессия проецировалась на них, и, как следствие, существовала непроходящая тревога атаки, отчего «спина накачана, как броня».

«Мне муж так и сказал: "Ты сама – конь с яйцами"». И продолжает: «Если мужчина тебя хочет, это шикарно, и ты должна быть счастлива. Но вот только этого коня обуздать надо, а это не так просто. Характер у меня генеральский». Получаем такую картину первофантазма «соблазнение»: «Обуздать». Бессознательное стремление идентифицироваться с матерью – «яркой, своенравной, пошедшей наперекор семье» – помещает Анжелику в первосцену, где женщина – амазонка, некий женский вариант кентавра, слившаяся с телом лошади, которую надо суметь обуздать.

Однако в одной из сессий Анжелика делится своими приятными переживаниями, когда на романтическом свидании с новым любимым

мужчиной она в его надежных руках почувствовала себя маленькой девочкой. «А от нового мужчины качели в мозгах. Он меня купил тем, что "укачал на руках" прямо на людях, взял на руки и стал укачивать. И когда играет с губами как с маленьким ребенком. Он укачивал меня на руках, на фоне покачивающейся гондолы, у причала Большого канала Венеции». В моем воображении возникает картина «Околоплодные воды, в которых безмятежно покачивается Анжелика». Первофантазм возвращения в материнское лоно бессознательно стремится репарировать травму – угрозу быть нерожденной.

Первофантазм кастрации. Одновременно с этим, в процессе терапии, мы обнаруживаем ностальгию по вытесненному образу отца. Обида и даже гнев на пустое место на месте мужского. На пустое невозможно опереться, и присвоить его невозможно. Фантазии о папе. Очень не хватало и хотелось отца, побыть любимой дочкой, но все мамы мужчины были плохими людьми. Очень я люблю своих младших братьев. Старший Дима – идеал отца, как он со своими детьми разговаривает. Я ему даже сказала: «Хотела бы я, чтобы ты был моим отцом».

«Мать часто кричала, обвиняя меня, и повторяла, как она хотела избавиться от меня, а я так цеплялась за жизнь. "Я эту сучку хотела скинуть. А она цеплялась". Все время звала меня "пиздюля, пиздося". А имя, как парадокс, дали мне Анжелика. Первый у меня был аборт. Потому что в то время моя мать была беременна последним братом. Ну я и подумала, что это позор. Две пузатые на ножках. Два таракана пузатых. Я тараканов терпеть не могла. Давила их». О чем этот страх позора? В фантазматической деятельности, как в калейдоскопе, крутятся различные картины первосцены. Определенными и наличествующими там всегда присутствуют только два объекта / две фигуры: мать и она; но отсутствие «достойных мужчин», способных оплодотворить, заставляет воображение продуцировать картинку различного уровня. Психотический вариант заполняет пустое пространство кучей неприятных тварей – тараканов, которые выживают и плодятся в любых условиях, на зависть остальному животному миру. Какие еще демоны появятся в пространстве первосцены, будет зависеть от тех символизаций и связываний, что нам предстоит сделать в психоаналитическом процессе.

Отсутствие отца как закона и опоры, а также защиты против угрозы «абортирования» или полной кастрации со стороны матери вынуждают Анжелику оставаться подвешенной на ветвях своего родового дерева, со слов самой клиентки, сильного именно по женской линии.

Подводя итоги всему рассмотренному клиническому материалу, хочу отметить, что поскольку первофантазм «первосцена» является главным и объединяющим все остальные первофантазмы под своим приматом, отправляя на уровне бессознательного в эдипальный конфликт или ядро психики на генитальном уровне, то очень важно отметить, что влияние бессознательного представления о первичной сцене на объектные отношения индивида предполагает уровень функционирования и структуру психики.

Заключение

Еще раз сделаем акцент на важности понимания и применения феномена первофантазмов и фантазмов в психоаналитическом процессе и на том, как напрямую связаны символические превращения в содержании индивидуального фантазма, устранения искажения и перевод его в более здоровую форму с той трансформацией, что происходит с анализантом на его пути к зрелости и более высокому психическому функционированию.

Универсальным будет тот путь, который проходит каждый на протяжении всей нашей жизни. Как Одиссей на пути возвращения к своей Итаке, мы неизбежно будем сталкиваться с соблазнением, опасаться и оберегаться кастрации, порой страстно желая возвратиться в материнское лоно и разделить доставшуюся «добычу» в каннибалистической трапезе с единомышленниками, в надежде обрести качества героя, чтобы в конечном итоге прийти к своему законному месту в первосцене и занять предписанный разницей полов и поколений, эдипальный статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бион У. Р.* Теория мышления // Идеи У. Р. Биона в современной психоаналитической практике. Сборник научных трудов. Материалы Международной психоаналитической конференции. 13–14 декабря 2008 года / Под ред. А. В. Литвинова, А. Н. Харитоновой. М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2008. 420 с.
2. *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Первофантазм. Фантазм первоначал. Первоначало фантазма / Пер. Н. И. Чельшевой. Под ред. А. В. Россохина. URL: <https://drive.google.com/file/d/1flha1rIs2ILNirtEiOaZaAlAo45N1a20/view>. (Оригинальный источник: Laplanche J., Pontalis J.-B. *Fantasme originaire, fantasm des origins, origin du fantasm.* Paris, Hachette, 1985).
3. *Лакан Ж.* Диалектика желания и требования в клинической картине и лечении невротиков // Ж. Лакан. Семинары. Кн. 5. Образование бессознательного. М.: Гнозис/Логос, 2002.
4. *Леви Ж. М.* Тени и свет бисексуальности // Материалы 79-го конгресса «Психическая бисексуальность, сексуальность и гендеры» от 30 мая по 2 июня 2019 года / Пер. М. В. Каджеджи. Под ред. Заева Л. В.
5. *Калина Н. Ф.* Фантазм в психоаналитической психотерапии // Журнал Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского». 2015. Т. 19. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantazm-v-psihoanaliticheskoj-psihoterapii>
6. *Коротецкая А. И.* Кастрация. От фантазма к комплексу // Материалы конференции МПА «Первофантазмы и бессознательные фантазии» от 23–24 октября 2021 года. [Стенограмма]
7. *Майн Н. В.* Первофантазмы психической вселенной // Материалы конференции МПА «Первофантазмы и бессознательные фантазии» от 23–24 октября 2021 года. [Стенограмма]
8. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М.: Академический проект, 2019.

9. Фрейд З. Толкование сновидений. М., 2022.
10. *Janine Chasseguet-Smirgel* Ethique et esthétique de la perversion. Paris: Champ Vallon Editions. 2006.

Primal phantasies and phantasms. Their role and significance in the psychoanalytic process

L. N. Kalinina

Kalinina Lada N., psychoanalytically oriented psychotherapist, a teacher at the N. V. Main School of Practical Psychoanalysis, an associate member of the Moscow Psychoanalytic Association.

Using the example of clinical cases, the author offers a description of the phenomena of first phantasms and phantasms in the psychoanalytic process, as it is reflected in the dynamics of work, correlates with the structure and level of mental functioning, as well as the pathology of the psychoanalytic process. Special attention in psychoanalytic work is paid to those unconscious processes that can be used by an analyst for effectiveness and analysability from the point of view of the universality of the first phantasms and the uniqueness and variability of phantasms as matrix contents. The discovery of personal phantasm and its symbolization allow, with the help of insights and elaboration, to increase the level of mental functioning and lead to the transformation of the analysant.

Keywords: primal phantasy, phantasm, mental structure, mental functioning, phantasmatic life, pathology of the psychoanalytic process, Primal scene, Seduction, Castration, Return to the mother's womb, Cannibalistic meal.

Психическая бисексуальность: отцовский перенос

Э. В. Тузмухаметов

Тузмухаметов Эльдар Вячеславович – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Концепция психической бисексуальности постулирует наличие и мужских, и женских идентификаций во всех индивидах, вне зависимости от их пола и ориентации. Это ставит психическую бисексуальность в центр не только психоаналитического, но и социокультурного пространства. Фокусируясь на теме психической бисексуальности в отцовском переносе в гетеросексуальных аналитических парах, я рассматриваю ее не только как один из инструментов эффективной аналитической работы, но и как перспективную концепцию для интроекции идей равноправия полов, феминизма и новой маскулинности в личную, психическую и социальную жизнь каждого индивида.

Ключевые слова: психосексуальность, психическая бисексуальность, бисексуальность, мужское, женское, отказ от женского, пассивация, отец, перенос, контрперенос, отцовский перенос, новая маскулинность.

В опубликованной в 1975 году статье «Прекрасные различия» Кристиан Давид писал о проблеме избыточного разделения или, напротив, смешения мужского и женского. По его словам, «дробление сексуального выбора и контрастирующее упрощение врожденных склонностей и характеристик каждого из полов» может увеличивать либидинальное напряжение. Оно благоприятно сказывается на воспроизводстве вида, но ставит под угрозу «живое общение между людьми и подлинные обмены между мужчинами и женщинами» – «кладется конец поиску потенциального сходства и близости, а также возможности для согласия и единства». С другой стороны, если «бисексуализация простимулирует раскрытие мужской

и женских вселенных» и усилит общность между мужчинами и женщинами, общество станет более живым и полным, но либидинальное напряжение при этом ослабнет: «бисексуализация будет способствовать разгрузке влечения... и вскоре то, что, казалось, могло только расширить или создать коммуникацию, разрушит ее, и счастливая интроекция иной сексуальности превратится в нарциссическую андрогинную фантазию».

Предостерегая в равной степени и от чрезмерного разделения, и от смешения мужского и женского, Давид помещает сформулированную еще Фрейдом концепцию психической бисексуальности в центр проблематики социально-культурного развития общества. Спустя почти половину столетия обе полярности – и разделения, и смешения – действительно получили значительное развитие. На семинаре в Высшей школе экономики осенью 2021 года Жаклин Шаффер обратила внимание, что феминистское движение все чаще отдаляется от женского и начинает функционировать в фаллической логике – идея о равенстве доводится до абсурда, теряет пластичность и в итоге только усиливает разделение. Мужское и женское начала оказываются не взаимодополняющими, а все также противоборствующими и взаимоисключающими, как и на закате викторианской эпохи.

Как противоположность тотальному разделению Мария Айзенштайн и Харви Рич указывают на опасность «моды на нейтральный гендер». 1 ноября 2013 года Германия, пишут они, стала первой страной Европы, где родителям разрешено регистрировать в графе «пол ребенка» нейтральный гендер: «Это социальное явление опасно, так как под предлогом стремления к достижению большего равенства атакуются сами основы психосексуальной идентичности, что создает риск нарушения формирования психической бисексуальности... Это явление основано на реальном непонимании, поскольку вместо того, чтобы способствовать интеграции различий, оно стремится стереть их».

Наконец, если выйти за пределы гетеросексуальных отношений, на которых фокусируется эта статья, мы обнаружим сформулированные Де Лаурентисом и Джудит Батлер в начале 1990-х идеи множественных сексуальных идентичностей и выбора, а также гендера как представлений, которые легли в основу квир-теории. Грегорио Кохон также обнаруживает в них попытки отказа от принятия естественных для человеческой субъективности разделения и взаимодополняемости – но в пользу не тотальной нейтральности, а бесконечной вариативности, столь же ригидной по своей сути: «Мы перешли от концепции бисексуальности... к политически корректной форме социального конструкционизма».

Социокультурные движения находят отражение и в аналитической практике. Идеи об асексуальном нейтральном гендере, сформулированные Андре Грином, или истерической бисексуальности как защите от выбора (Шаффер), или фаллической прегенитальной сексуальности в виде «замершего женского» (Чаплин), а также многие другие формы являются распространенными среди наших пациентов. Аналогично, как показывает аналитическая практика, не находит решения и не ослабляется сформулированная Фрейдом в 1937 году проблематика «отказа от женского»

(или «мужского протеста») как основного барьера на пути психоаналитического лечения, выраженного у мужчин в страхе перед пассивной позицией, а у женщин – в виде зависти к пенису: «Ни в какой момент аналитической работы не страдают больше от гнетущей тяжести повторяющихся усилий, от подозрений, что "наставляешь рыбу", чем когда хотят убедить женщину отказаться от нереализуемого желания иметь пенис или когда хотят убедить мужчину, что пассивная позиция по отношению к мужчине не всегда обозначает кастрацию и что она необходима во многих жизненных ситуациях» (Фрейд, 1937).

В то время как идеи «женского женского» и «женского мужского» получили значимое исследование благодаря развитию равноправия и феминистского движения, «мужское мужское» и «мужское женское» оказываются в положении отстающих – концепция новой маскулинности только формируется, но уже обнаруживает в себе признаки стереотипизации и ригидности. Данная статья, исследуя практические аспекты работы психической бисексуальности в отцовском переносе в гетеросексуальных аналитических парах, является также попыткой проложить мостик между основными концепциями психоаналитической теории и задачей переосмысления маскулинности и мужской роли в современном мире.

1. Двойное подстрекательство аналитического процесса

Фрейд утверждал в контексте бисексуальности всех человеческих существ, что каждый сексуальный акт следует рассматривать как процесс, в котором участвуют четыре человека. Мария Айзенштайн очень точно экстраполировала это утверждение на аналитический процесс, указав, что *«каждая встреча (аналитика с пациентом) – это тоже процесс с участием четырех человек»*, имея в виду биологический пол аналитика и пациента, а также их идентификации, связанные с противоположным полом. Роль, которую психическая бисексуальность играет в терапии, можно разделить на две значительные части: первая является универсальной и лежит в плоскости базовых задач и структуры психоаналитического процесса, вторая более специфична и касается особенностей психоаналитической техники и работы аналитика.

Первую составляющую практически одинаково формулируют Кристиан Давид и Тьерри Бокановски. Они говорят о «двойном подстрекательстве» (Давид, 1975), или «двойном столкновении» (Бокановски, 1997), которое совершает аналитик, одновременно тестируя психосексуальные характеристики и стимулируя психическую бисексуальность пациента, чтобы обеспечить его регрессию к психосексуальной неопределенности и создать условия для перераспределения его идентификаций и влечений. Вторая проистекает из первого: «двойное подстрекательство» осуществляется через ситуации переноса и контрпереноса, в которых, вне зависимости от их отцовского или материнского характера, равно как и пола аналитика, оказывается задействована его собственная бисексуальность и работают одновременно либо последовательно и «мужские», и «женские» компоненты психики.

Рейчел Чаплин указывает, что «психическая бисексуальность является желаемой целью и достижением аналитического сеанса» (Чаплин, 2018, с. 329). Она говорит о необходимости приобретения бисексуальности, несмотря на ее врожденный характер, и разделяет этот процесс на этапы: сначала переход от «слияния с идентичным объектом к первичной гомосексуальности», а затем «через отказ от фаллической бисексуальности к генитальной бисексуальности, в которой половые различия принимаются и интериоризируются». В случае, если на каком-либо этапе возникли препятствия или конфликты, влияющие на качество жизни, их преодоление и устранение становятся задачей терапии.

Проблемы психической бисексуальности чаще всего оказываются связаны со сложностями в отношениях с родительскими объектами: недостаточным инвестированием с их стороны, проблемами идентификации с одним или обоими родителями, трудностями сепарации и разрыва симбиотической связи с первичным объектом. Последствия этих трудностей могут быть приведены к расщеплению бисексуальности, выраженному в отсутствии либо нарушении связи и взаимодополняемости между мужским и женским; нейтральной либо фаллической бисексуальности, предполагающей полное стирание границ между мужским и женским и абсолютное доминирование первичного нарциссизма; доминирующей прегенитальной бисексуальности, ведущей к ощущению стирания границ Я. Бисексуальность,отреагирующая и фантазматическая, может также выступать в качестве защиты перед сексуальным выбором и дифференциацией. Радикальные формы «отказа от женского» или «мужского протеста», препятствующие необходимому для гармонии принятию пассивности, также являются проявлениями плохо организованной либо нарушенной психической бисексуальности.

2. Бисексуальная основа аналитической ситуации

Отцовский перенос разворачивается в рамках аналитического процесса, который изначально обладает целым рядом «мужских» свойств: это и жесткий кадр, и «изначально асимметричные отношения», которые ставят пациента «в положение подчинения» (Курню-Жанен, 2018). Сам анализ, как подчеркивает Гантрип Гарри, ссылаясь в свою очередь на труды Хоума и Винникотта, также «является мужской функцией – интеллектуальной деятельностью интерпретации». Однако, по его словам, все это основано на первичной «женской функции» интуитивного постижения и идентификации, или необходимой «инвестиции чувствительности», о которой пишет Натали Зилха (Зилха, 2018, с. 231).

Амбивалентный характер аналитической ситуации заставляет аналитика постоянно перемещаться между эмпатичной и воспринимающей женской позицией и структурирующей, проводящей границы мужской – это остается верным даже в условиях устойчивого отцовского переноса и применимо к любым этапам работы. Рейчел Чаплин говорит, что «соединение аналитика и пациента в сексуальном действии аналитического сеанса активирует процесс бисексуализации аналитика в той же степени,

как и процесс бисексуализации пациента, побуждая аналитика внутрипсихически колебаться между эмпирической пассивностью и репрезентативной активностью» (Перельберг, 2018).

Поль Дени называет аналитическую ситуацию парадоксальной, требующей от аналитика «сочетать в себе и хладнокровие хирурга, и понимающую симпатию» (Дени, 2010, с. 13). Он развивает идею о биполярной позиции аналитика, существующего и ведущего себя одновременно в качестве объекта (персоны, которая позволяет привлечь к себе либидинальную инвестицию) и антиобъекта (персоны, «отказывающейся быть инвестированной другим субъектом и способной предоставлять ему прямые удовлетворения»), называя это «двойственностью аналитика, присутствующего и ускользающего одновременно», и говорит о том, что и сам «аналитический кадр организован благодаря этой биполярности» (Дени, 2010, с. 40).

Подобно тому как интегрированная психическая бисексуальность, признавая разделение мужского и женского, обеспечивает их связанность и взаимодополняемость в психосексуальной констелляции, «двойственность» аналитика, согласно Дени, противостоит расщеплению, «*помогает как одной, так и другой составляющей в их взаимном функционировании*» и «*ставит своей целью установление обоих полюсов противоречия и способствует их осмыслению*» (Дени, 2010, с. 40).

Такая амбивалентность травматична для пациента, но именно она заставляет его искать путь реорганизации: «Для аналитической ситуации свойственна постоянная дестабилизация усилий пациента, направленных к фиксации отношений в стабильной форме, которая привела бы пациента к знакомой ситуации» (Дени, 2010, с. 42). В конечном итоге отцовская функция аналитика как «антиобъекта вводит де-факто триангуляцию, являющуюся ориентиром как для аналитика, так и для пациента, в виде третьего лица в голове аналитика. Таким образом эдипальная организация психоаналитического лечения оказывается вписанной в аналитический кадр» (Дени, 2010, с. 42).

3. Отец дня и отец ночи

Неизбежная бисексуальность отцовского переноса обусловлена не только указанной спецификой психоаналитического процесса, но и отцовской ролью в развитии психосексуальности, которая воспроизводится в процессе терапии. В частности, отец, так же как и мать, осуществляет функцию контейнирования, но опосредованно, через холдинг пары матери и младенца; он также принимает на себя часть высвобождающейся либидинальной энергии ребенка после его сепарации от матери; наконец, разрешение эдипального конфликта вовсе не ставит отца в однозначную позицию «разлучника» и «соблазнителя». В этом ключе Розин Перельберг противопоставляет «отца дня», доброго и дополняющего мать, «отцу ночи» – сексуальному любовнику, который мать отбирает (Перельберг, 2015).

Дэвид Шарфф указывает, что роль отца не сводится к роли «важного, но второстепенного заботящегося лица»: «Во-первых, он обеспечивает надежность первоначального процесса привязанности. Поддерживая и заменяя мать, он выполняет "контейнирующую" функцию для нее и для младенца, защищает их от внешнего мира. Тогда мать, чувствуя себя в безопасности, обращает все свое внимание на младенца, и "первичная материнская озабоченность" реализуется беспрепятственно. Во-вторых, с самого начала отец представляет собой ту силу, которая вытаскивает младенца из симбиоза с матерью. Находясь одновременно внутри и вне этих отношений и предоставляя поддержку, он поощряет младенца выходить из его аутистической раковины симбиотического единения во внешнюю реальность».

Д. Биркстед-Брин также обращает внимание, что материнские холдинг и контейнирование сами по себе содержат в себе мужской компонент в виде способности матери смотреть на себя и младенца со стороны: «...контейнирование уже сочетает материнскую функцию "бытия вместе" и отцовскую функцию наблюдения и связывания. Чтобы контейнировать младенца, мать должна воспринимать проекции эмпатически (женская, материнская функция), но также и смотреть на них со стороны (мужская, отцовская функция)» (Биркстед-Брин, 2010). В противном случае материнское контейнирование может трансформироваться в болезненную симбиотическую связь и вести к конфликтам, связанным с сепарацией.

Идеи о двойной роли мужчины в воспитании ребенка, которая не сводится к одной лишь сепарации и триангуляции, находят непосредственное отражение в психоаналитической работе: «Мужчины могут осуществлять материнскую функцию, и я один из них. Я забочусь о своих пациентах как женщина... Я обнаружил, что могу быть достаточно тверд с (клиентами-мужчинами), но при этом контейнировать их и проявлять заботу. Они хорошо на это реагировали – возможно, находя понимание в хорошем холдинге. Осмелюсь сказать, они, вероятно, испытали бисексуальное инвестирование», – рассказывает Харви Рич (Рич, 2018).

Шарфф продолжает, переходя к более очевидной эдипальной и триангулирующей функции отца: «Отец сперва создает возможность для матери и младенца существовать в виде поглощенной друг другом пары, а затем способствует их обращению к внешнему миру... Он с ранних лет мягко ведет своего рода подрывную деятельность, одновременно защищая пару мать – дитя и поощряя выход младенца за пределы материнской привязанности, во внешний мир».

«Мягко ведет» и «поощряет» – эта модальность наилучшим образом отражает отцовскую бисексуальность, разительно отличающуюся от традиционной маскулинности с ее «запретами» и «границами». Розин Перельберг пишет: «Центральным вопросом эдипова комплекса становится – быть или не быть фаллосом, то есть быть или не быть объектом материнского желания. Следовательно, роль отца также становится символической: она отражает невозможность быть объектом материнского желания» (Перельберг, 1985). Этот переход к эдипальной фазе не означает полную трансформацию отцовской роли, а лишь ее расширение.

Необходимо также помнить, что ребенок также распространяет на отца высвобождающиеся после сепарации с матерью либидинальную энергию и влечение, а прохождение эдипального конфликта в любой форме, позитивной или негативной, не исключает полностью влечений к объектам обоих полов.

Катрин Шабер указывает, что «мужское начало и отец не обязательно являются носителями постоянного источника власти, силы и господства»: «Женское начало и мать также не обязательно проявляют пассивность и подчинение, это далеко не так! Скорее динамика фантазий охватывает противоположные пары: "активность – пассивность", "мужское – женское", "садизм – мазохизм", "любовь – ненависть" – и приписывает их отцу или матери как первичным объектам любви, след которой остается в обычных представлениях о мужском и женских началах» (Шабер, 2018, с. 139).

Моник Курню-Жанен также говорит о том, что Фрейд поместил идею отказа от женского в фаллическую мужскую теорию сексуальности и не хотел ее пересматривать. Но, «настаивая в конце своей работы на множественности бисексуальных идентификаций у обоих полов», он, по ее словам, «дал ключи к представлению другой теории», согласно которой «фаллическое начало больше не является монополией мужчин, равно как и женское начало не принадлежит женщинам» (Курню-Жанен, 2018, с. 159).

Р. Перельберг указывает в работе «Психическая бисексуальность» на то, что «интерпретация фрейдовского "Жуткое" (1919) проводит различие между отцом дня (добрый отец, дополняющий мать, выполняющий материнскую функцию) и отцом ночи (сексуальный отец, отвратительный, дьявольский, который отбирает мать, являясь ее любовником)» (Перельберг, 2015). «Когда женское не может функционировать достаточно стабильным и организованным образом, тогда логика фаллический – кастрированный и активный – пассивный быстро берет верх, вовлекая в глубокий регресс» (Зилха, 2018, с. 231). Таким образом, если в процессе аналитической работы мы стремимся к связыванию, реконструкции и реинтеграции психосексуальных противоположностей, то отцовский перенос, к которому следует стремиться в процессе аналитической работы, – это определенно отец дня, но не ночи. Отцовский перенос, разворачивающийся в исключительно мужском регистре, будет вести скорее к поляризации и противопоставлению, нежели к связанности и взаимодополняемости влечений и идентификаций.

4. Множественные идентификации

Сама психосексуальность, вне зависимости от пола, конечной идентичности и объектного выбора человека, включает в себя уникальную совокупность идентификаций с родительскими объектами обоих полов. В женщине, таким образом, обнаруживаются мужские идентификации, а в мужчине всегда присутствуют женские компоненты, но также у обоих полов обнаруживают себя женские элементы отца и мужские элементы

матери. Отцовский перенос, таким образом, содержит не только мужские и женские элементы отца, но и его гомо- и бисексуальные идентификации – а собственная психическая бисексуальность аналитика становится ключом для их восприятия и анализа.

Кристиан Давид называет процесс интеграции маскулинных и феминных аспектов «*бисексуализацией*», указывая, что он не завершается вместе с разрешением эдипального конфликта, и утверждая, что «на протяжении жизни либидо обычно колеблется между мужским и женским объектом». Аналитический процесс, по его словам, предполагает процесс релятивизации половых различий, возобновления бисексуальности для установления полной бисексуальной функции. Эта «полная бисексуальная функция» является целью анализа и предполагает гармоничную интеграцию различных идентификаций и объектных влечений, конструирование либо восстановление гармоничной связи и взаимодополняемости «мужских» и «женских» элементов.

Выше уже были описаны примеры работы бисексуальности аналитика, выраженные в его способности колебаться между женской пассивной восприимчивостью и мужской репрезентативной активностью, принимать на себя материнскую функцию контейнирования и одновременно поощрять триангуляцию, но не вводить ее насильственно.

На еще одно значение психической бисексуальности для эффективной работы аналитика указывает Тьерри Бокановски: «...аналитик наделен некоторой свободой в отношении собственной предсознательной фантазматической жизни, сотканной из одной из детских сексуальных теорий, что может быть им использовано с определенной степенью внутренней свободы. Это позволяет аналитику свободно идентифицироваться с другим, в том числе и с другим полом, с отличной от его собственной психосексуальностью. Эта способность указывает на то, что собственная бисексуальность психоаналитика была проработана и психически интегрирована и поэтому способна "полноценно" работать» (Бокановски, 1997).

Эта свобода выполняет двойную функцию. С одной стороны, она позволяет смотреть на материал и переживания пациента его глазами, не смотря на половые и психосексуальные различия – благодаря этому, например, аналитик-мужчина оказывается способен воспринять чувства и сексуальные влечения гетеросексуальной девушки-клиента или гомосексуальные влечения клиента-мужчины. С другой стороны, если мы говорим о ситуации отцовского переноса, свобода идентификаций аналитика позволяет ему увидеть и корректно интерпретировать гомосексуальные и бисексуальные аспекты отношений клиента с отцовскими фигурами.

Натали Зилха приводит пример Д. Винникотта, описанный им в работе «Расщепление на мужские и женские элементы» (Винникотт, 1966): «Случай Винникотта показывает, как бисексуальность, которую невозможно создать интрапсихически, раскрывается и драматизируется на этапе переноса и контрпереноса. Здесь Винникотт разделяет с нами свою восприимчивость к фундаментальному различию или инаковости, которой он может проникнуться, позволяя увлечь себя, и которой он дает свободу выражения посредством своих интерпретаций» (Зилха, 2018, с. 249).

Аналогичным образом Розин Перельберг обращается к случаю Харви Рича и его пациента Байрона: «Анализ Байрона показывает, как бисексуальное слушание психоаналитика-мужчины может помочь пациенту развить бисексуальность, которая была подорвана его семейной историей». «В ходе своего анализа Байрон смог исследовать с аналитиком-мужчиной свою гомосексуальную пассивную позицию по отношению к отцу. Аналитик был способен принять и проработать гомосексуальный перенос. Это способствовало укреплению преобладающей гетеросексуальной позиции Байрона» (Перельберг, 2018, с. 89).

С точки зрения метода, пишет Кристиан Давид, аналитик предлагает для ассоциативного процесса «свободу»: «равномерно распределенным вниманием, индифферентностью, некоторой приостановкой влечений и максимальной бисексуальной доступностью». Ссылаясь на работы Катрин Пара, он пишет, что «аналитики испытывают <...> аффективные переживания, которые они никогда не смогли бы получить в любой другой ситуации из-за своего пола» (Давид, 1975, с. 117). Именно эту способность Бокановски называет способностью «свободно идентифицироваться с другим, в том числе и с другим полом, с отличной от его собственной психосексуальностью» – способностью, без которой не было бы возможности истинного понимания и чувствования со стороны аналитика пациентов противоположного пола или иной ориентации (Бокановски, 1997).

Он говорит о бисексуальном психическом равновесии, которое «необходимо аналитику, чтобы следовать в аналитической ситуации за изменяющимися позициями, предлагаемыми ему переносом анализанта», и приводит в пример опыт Фрейда в работе с Дорой, признавшего, что «ошибкой было не осознавать и не иметь возможности вовремя проинтерпретировать гомосексуальный перенос Доры, который и тормозил лечение».

Эти рассуждения свидетельствуют о том, что и в процессе терапии отцовский перенос не обязательно связывается с идеями власти, силы, агрессии, границ и так далее. Напротив, в зависимости от каждого случая он содержит в себе – как и в случае с уникальной идентификацией и объектным выбором – особый и нередко противоречивый набор характеристик и чувств, адресованных пациентом своему личному образу отца. Аналогичным образом, те шаблонно «женские» чувства, которые аналитик может чувствовать в контрпереносе, совсем необязательно говорят нам о его «материнской» природе.

Наконец, в отцовском переносе находит яркое отражение идея о пассивации – преодолении «отказа от женского» через психическую бисексуальность и трансформацию оппозиции «пассивное/активное» в восприимчивость. Эта «позиция восприимчивости по отношению к материнской заботе», активная пассивность, разворачивается в процессе анализа в виде «уверенной пассивации, когда анализант отдает себя заботе аналитика» и готовности аналитика, в свою очередь, быть источником заботы, но не власти. Четвертая фрейдовская оппозиция «бисексуальность / отказ от женского» дает прямое указание на необходимость работы женского и бисексуальности в терапии и особенно – в ситуации отцовского переноса.

Розин Перельберг указывает на пассивацию как важнейшее требование к аналитическому процессу, вне зависимости от пола участников и типа переноса: «Психоаналитическое решение невозможно без этой уверенной пассивации, когда анализант отдает себя заботе аналитика» (Перельберг, 2018, с. 56). Рейчел Чаплин говорит, что способность к пассивному восприятию становится возможной «только тогда, когда в уме представлена активность пусть даже в состоянии покоя». Она развивает идею интеграции и совместной работы противоположностей психической бисексуальности: «Женское в этом смысле зависит от тихого присутствия "мужского". Таким образом, можно было бы прочесть неподвижный "мужской протест", с которым Фрейд сталкивается у своих пациентов, на самом деле как решительное удержание возможности необходимой психической бисексуальности. И для пациентов, и для аналитика глубокую пассивность можно терпеть или даже желать, если остается потенциально доступным "едва различимый след" другой идентификации с активностью» (Чаплин, 2018, с. 309).

5. В заключение

Джойс Макдугал на страницах «Тысячеликого эроса» указывает, что «интеграция бисексуальных желаний» и «конфликты вокруг бисексуальных стремлений» становятся «источником обогащения психики», в то время как «отсутствие их интеграции часто порождает симптомы и затруднения» (Макдугал, 1995). Рассуждая о путях интеграции гомосексуальных желаний, которые, по ее словам, применимы в равной степени и к мужчинам, и к женщинам, она формулирует список практических жизненных задач, для решения которых необходима интегрированная, ненарушенная психическая бисексуальность: стабилизация образа собственного я, усиление эротического удовольствия, усиление материнских чувств, творческое использование гомосексуальной идентификации, обогащение дружбы с людьми своего пола.

Биркстед-Брин сравнивает психическую бисексуальность с «психическим обладанием внутренним пенисом» – они необходимы «как мужчинам, так и женщинам, для хорошего умственного функционирования» (Биркстед-Брин, 2005). Перельберг дополняет, что процесс бисексуализации соответствует у обоих полов возможности приобретения «умственной способности фантазировать, понимать и делиться сексуальным и психосексуальным опытом кого-то другого пола» (Перельберг, 2018, с. 82). Натали Зилха отмечает также связь психической бисексуальности с «возможностью играть» (Зилха, 2018).

Если все эти замечательные качества являются следствием работы «полной бисексуальной функции», а психоаналитическая работа – инструментом ее коррекции, восстановления или приобретения, отцовский перенос как аналитическая ситуация не может и не должен рассматриваться с позиций традиционной маскулинности. Ограничивая отцовскую роль функциями сепарации, триангуляции, конкуренции, подчинения,

установления границ и запретов, мы удерживаем мужское в логике «фаллическое/кастрированное» и стимулируем «отказ от женского».

Бисексуальность отцовского переноса показывает способность мужского функционировать в значительно более широком диапазоне, включающем пассивность, восприимчивость, заботу и открытость. Несмотря на форму переноса, в аналитический процесс всегда оказываются включены компоненты обоих полов. На стороне пациента – в форме женских аспектов отцовских объектов и мужских – материнских, а также гомо- и бисексуальных аспектов обоих. На стороне аналитика – в форме активной работы его собственной бисексуальности, в виде соединения восприимчивости с интерпретативной функцией, умением почувствовать и распознать все сложные и зачастую конфликтные сочетания идентификаций и влечений, проявляемые одновременно в материале, переносе и контрпереносе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айзенштайн М., Рич Х.* О бисексуальности. Родиться с двумя глазами. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
2. *Биркстед-Брин Д.* Фаллос, пенис и психическое пространство. Психоаналитические концепции сексуальности. М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2010.
3. *Бокановски Т.* Бисексуальность в процессе аналитического лечения: к вопросу о «женственности» мужчин. М.: Когито-Центр, 2007.
4. *Гантрип Г.* Шизоидные явления, объектные отношения и самость. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2010.
5. *Грин А.* Нейтральный гендер. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
6. *Давид К.* Прекрасные различия. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
7. *Дени П.* Контрперенос в кадре и отклонениях. М.: ИОИ, 2020.
8. *Зилха Н.* Камни преткновения для женского, камни преткновения для психической бисексуальности. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
9. *Курню-Жанен М.* Происхождение психоанализа между бисексуальностью и переносом. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
10. *Макдугал Д.* Тысячеликий Эрос. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1999.
11. *Перельберг Р. Ж.* Психоаналитическое понимание бисексуальности. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
12. *Чаплин Р.* Как быть обоими, не являясь обоими, как быть обоими, являясь обоими: артикуляция психической бисексуальности в рамках аналитического сеанса. К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
13. *Шабер К.* Скажи мне, с кем тебе лучше? К.: Издательство Ростислава Бурлаки, 2021.
14. *Шарфф Д. Э.* Сексуальные отношения. Секс и семья с точки зрения теории объектных отношений. М.: Когито-Центр, 2019.

15. *Шаффер Ж.* Истерия: кризис либидо в связи с дифференциацией полов. М.: Когито-Центр, 2007.
16. *Шаффер Ж.* Психоанализ женского. М.: Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2022. Том III. № 1.

Psychic bisexuality: paternal transference

E. V. Tuzmukhametov

Tuzmukhametov Eldar V., Master of psychology, psychotherapist (Higher School of Economics), psychoanalytical counsellor.

The concept of psychic bisexuality declares the presence of both masculine and feminine identifications in individuals, regardless their gender and sexual identity. This puts psychic bisexuality in the center of psychoanalytical process and socio-cultural context. The following article researches the role of psychic bisexuality in paternal transference in heterosexual analytical pairs and applies the psychic bisexuality as a tool to address actual problems of equality, feminism, and new masculinity.

Keywords: psychosexuality, psychic bisexuality, bisexuality, masculine, feminine, rejection of the feminine, passivation, father, transference, countertransference, paternal transference, new masculinity.

Любовь и перенос: от Фрейда к Лакану

Н. И. Казакова

Казакова Надежда Игоревна – психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Данная статья посвящена рассмотрению любви и частного его проявления в виде переноса, возникающего в числе эффектов психоаналитического лечения, который был открыт З. Фрейдом и в дальнейшем дополнен в теоретическом и практическом корпусе семинаров Ж. Лакана.

Понятия любви, влюбленности и переноса тесно переплетены с регистрами символического и воображаемого, различение которых имеет клиническую ценность и которые находят свое отражение в лакановском прочтении двух случаев З. Фрейда: юной гомосексуальной пациентки и Доры.

Если учиться на ошибках основателя психоанализа З. Фрейда, открывается перспектива выхода из терапевтической плоскости отражения воображаемых конструкций в аналитическую позицию по отношению к субъекту бессознательного.

Ключевые слова: субъект, Фрейд, любовь, перенос, влюбленность, агальма, Лакан, воображаемое, символическое, юная гомосексуальная пациентка, Дора.

Проблема осмысления феноменов любви и переноса в психоаналитической практике стоит с 1895 года, когда Фрейд вводит термин «перенос» в своих «Очерках об истерии», констатируя, что существует сопротивление лечению. В качестве главной помехи Фрейд как раз выделяет не «внутреннее» препятствие (Mahjoub, 2018), которое характеризует сопротивление, а «внешнее», определяемое как то, что возникает в том случае, когда отношения между врачом и его пациентом становятся проблематичными.

Для Фрейда ясно, что аналитическое лечение не создает перенос, оно лишь обнаруживает его существование, равно как и существование других скрытых психических феноменов, ведь в психоаналитическом лечении, в отличие от других видов терапии, «все тенденции, даже враждебные, должны быть пробуждены». Таким образом, «перенос, чья судьба, казалось бы, в том, чтобы стать для психоанализа огромной преградой, оказывается его самым влиятельным помощником» при условии, что перенос будет обнаружен и проинтерпретирован. Как можно увидеть, трактовка переноса в качестве позитивного или негативного фактора, и даже в качестве ненависти или любви, никуда не продвигает аналитическое лечение.

Спустя 20 лет, в работе «Заметки о любви в переносе» (1915), Фрейд объединил понятия переноса и понимание любви в реальной жизни, говоря, что всякое любовное переживание предстает новым изданием прежнего инфантильного опыта и является повторением невозможности повторения. Лакан вторит Фрейду, говоря, что искусственная любовь в кабинете и любовь непроизвольная, обусловленная случайностью, в психологической плоскости равноценны. Однако их различие строится на способах обхождения с этим любовным переживанием. В аналитической ситуации каналы для выражения заботы и взаимности от пациента к аналитику радикально сужаются. Любовь в переносе, таким образом, становится благодатной почвой для любви, которая предъявляет меньше требований к объектным отношениям, чем любовь в реальной жизни. Любовь пациента к аналитику описывается как искусственный феномен, вызванный сконструированной ситуацией и имеющий автоматический характер, однако это не указывает на то, что такая любовь более иллюзорна. Комментируя текст Фрейда «Заметки о любви в переносе» (1915), Лакан говорит: «Это не что иное, как способ фрейдовской постановки вопроса о любви настоящей и иллюзорной», и что «перенос как раз и интересен для нас, в частности, тем, что позволяет глубже, чем когда-либо, поставить вопрос о том, что же представляет собой подлинная любовь» (Лакан, 2004, с. 133). Лоренцо Кьеза в тексте «*Le ressort de l'amour: Лакан и Платон*» подмечает, что различие истинной и ложной любви так или иначе скрыто присутствует на протяжении всего творчества Лакана (Chiesa, 2006). В первых семинарах Лакан занимается различением воображаемого и символического регистров в сопряжении с любовным переживанием и чувственным опытом. Когда речь идет о воображаемой любви, здесь уместнее использовать термин влюбленность (*verliebtheit*), так как ее начало происходит из нарциссизма, или стадии зеркала, – держа в основе инстанцию идеального Я, которое проецируется на объекты внешнего мира (маленьких других), с целью восстановления своей нарциссической целостности. Йекельс и Берглер в своей статье «Любовь и перенос» говорят о такого рода инвестиции объектов как о «чуде», вводя понятие «фикция автаркии», которая соответствует периоду абсолютного всемогущества младенца, в течение которого он воспринимает грудь матери как часть его собственного тела. Так, субъект, находящийся под давлением компульсивного повторения травмы отнятия

от груди, прибегает к нарциссической инвестиции объектов, чтобы в конце концов вернуться в исходное положение монады (слияния), воплотив в реальной жизни фантазию о единстве (*Jekelsetal*, 1934). В любви есть идеал слияния: сделать двух одним. Фрейд высказывает эту мысль в 1914 году в тексте «К введению в нарциссизм»: мы делаем себя объектом своей любви с помощью другого, наделяя его теми качествами, которыми хотели бы обладать, делая его частью себя (Фрейд, 2006). Это любовь к единению. Такая форма любви подробно описана Платоном в «Пире», в мифе, изложенном Аристофаном, – о «половинках», ставшем особенно актуальным в современных реалиях, имея в основе идею об идеальной любви, воплощающей мираж полноты и отрицания различий, в условиях которого отношениям присущ характер «ненавлюбленности», где преобладающее чувство ненависти неразрывно соединено с влюбленностью.

Отсюда берет начало идея любви, которая родом из воображаемого порядка. В попытках провести различие между любовью истинной и иллюзорной отчетливо видно, что любовь не существует вне воображаемого регистра и нарциссизма, так как в ней всегда наличествуют тени и образы желания, принадлежащие инфантильному опыту субъекта, распознаваемые в другом, которые эротизировали его когда-то и в которых он был заинтересован. Аналитическая процедура также не обходится без воображаемой компоненты, которая может включать как любовную идеализацию, так и тенденции соперничества и уничтожения другого.

Подлинная любовь в описании Лакана находит свое отражение в мифе о рождении Эроса, который адресует к неизбывному в любви измерению нехватки. Эрот, рожденный от Богатства (Пороса) и Пении (Бедности) является собой демоническую природу, нечто среднее между богом и смертным, и располагает между знанием и невежеством, между прекрасным и безобразным. Он ни то ни другое. Эрот (Любовь) – это желание, обусловленное нехваткой. «Любить – это давать то, чего не имеешь, и тому, кому это не надо». Невписанность Эроса в рамку чего-то определенного и понятного, объект нехватки как причина желаний имеют прямое отношение к символическому регистру. Любовь бессильна в том, чтобы помочь слиться воедино, и не причастна к логике подобия, типичности.

Символический порядок по Лакану сопоставляется с очеловечиванием субъекта, так как он имеет дело с языком, речью, законом. Именно в этом регистре возможны отношения любви с большим Другим, отличным от субъекта и непостижимым. Обнаружение «нехватки» присуще только символическому, и лишь через эту «нехватку» субъект меняется, интроецируя новые черты в свой Я-идеал.

Эпизодом, сопрягающим любовь и психоаналитический концепт переноса в «Пире», является, по интерпретации Лакана, ответ Сократа Алкивиаду. В развязке всего диалога Сократ выступает в роли протоаналитика, и это как раз тот момент, в котором можно обнаружить очертания желаний аналитика и его работы в клинике под переносом.

Лакан вводит термин «агальма», слово, производное от старофранцузского *gal* – «блеск», и наделяет его функцией «чистого психоаналитического понятия», которое представляет из себя важный, но забытый

и скрытый момент, к которому у аналитика должен быть свой особый подход, позволяющий вывести эту проблематику на свет.

Лакан подчеркивает это в Семинаре VIII: «...одного лишь объективно-го допущения аналитической ситуации будет достаточно, чтобы маленькое а, агальма, делало в другом свое дело. Сам факт наличия переноса ставит нас в положение того, кто хранит внутри себя агальму, главный предмет, вокруг которого весь анализ субъекта строится, – предмет, соотнесенный, связанный с тем мерцанием субъекта, которое и формирует, согласно нашей теории, фундаментальный фантазм. Это единственное следствие переноса» (*Lacan, 2001, p. 213*).

Итак, в семинаре VIII Лакан подчеркивает значение агальмы в переносе. В любви присутствует асимметрия. Этот скрытый объект, играющий столь важную роль, является объектом, не обладающим определенным качеством. Именно поэтому любовь устремлена к бытию. В «Пире» Платона, к которому обращается Лакан для работы с понятием переноса, Алкивиад делает одно публичное признание; перед всеми разоблачается «самая шокирующая тайна, основной источник желания, который всегда в любви более или менее сокрыт» (*Ibid, p. 301*).

Агальма является частичным объектом и всегда акцентирует в объекте функцию фетиша. Объект этот – недостижимый и непостижимый, и оттого амбивалентный, так как он вызывает как восхищение, так и зависть, ревность. Алкивиада привлекает то, что внутри Сократа есть нечто ценное, агальма, объект, включенный в субъекта Сократа (*Miller, 1991*).

Но ничто не указывает на то, что было бы сущностью этого сокрытого объекта, он остается своего рода тайной Сократа и является «большим, чем он сам».

После откровений Алкивиада, его публичной исповеди, где признание в любви соседствует с обличением, Сократ отвечает ему: на самом деле ты любишь Агафона, а не меня, он полон, я пуст. «Я должен любить тебя, и никого больше, а Агафона – ты и больше никто» (Платон, 2017, с. 490).

Лакан называет интерпретацию Сократа психоаналитической интерпретацией. Сократ понимает, что он для Алкивиада является лишь оболочкой объекта желания и ничем иным. Сократ не отвечает Алкивиаду взаимностью на его признания, не позволяя метафоре любви произойти и показывая ему, куда на самом деле направлено его желание. Сократ не входит в игру любви, отказываясь быть любимым (*eromenos*), но это не мешает ему желать. Желание здесь – это всего-навсего его место, ибо оно сводится для Сократа к желанию речи – речи всегда одновременно явленной и являющей. Желание аналитика нельзя описать на языке двухполюсных отношений. Это не означает, что аналитик обязательно должен быть безупречен, что он должен быть Сократом или святым. Место аналитика – это место, которое по определению он должен предложить желанию пациента пустым, чтобы оно осуществилось в нем в качестве желания Другого (*Porcheret, 2016*).

Сократ как аналитик интерпретирует перенос, указывая анализанту на объект его привязанности за пределами кабинета, даже когда пациент, кажется, хочет найти объект своей привязанности в самом кабинете

(Fink, 2017). Эпизод сократовской интерпретации метафорически отображает конец анализа как обретение направления желания.

«Порывая с традицией, которая стремится абстрагировать, нейтрализовать и обесмыслить все, ради чего аналитические отношения по сути своей существуют, я собираюсь исходить из того радикального факта, что человек закрывается с другим человеком в комнате, чтобы тот кое-что понял. – Что именно? – Чего ему не хватает.

Ситуация покажется еще более сложной. Если мы вспомним, что в силу самой природы переноса о том, чего ему не хватает, он узнает в качестве любящего. Если я нахожусь с ним ради его блага, то не в безобидном смысле <...> Ведь благо на самом деле понятие куда более проблематичное <...> Я нахожусь с ним в конечном счете не ради его блага, а чтобы позволить ему любить» (Lacan, 2001, p. 21).

Для определения клинического применения изложенных концепций были проанализированы два случая З. Фрейда, представленные в IV семинаре Лакана «Объектные отношения» (1994), где, по мнению французского психоаналитика, основатель психоанализа не смог остаться в измерении аналитических отношений в символическом регистре и попал в ловушку воображаемой идентификации собственного Я с Я пациентки. Подобное соскальзывание в регистр воображаемых отношений неизбежно приводит к прерыванию анализа, что и произошло в случае юной гомосексуальной пациентки Фрейда (1920) и Доры (1905).

Рассмотрение случая юной гомосексуальной пациентки Фрейда через призму лакановской теории предстает как случай, в котором интерпретация Фрейда, принадлежащая регистру воображаемых отношений аналитика и анализантки, привела к преждевременному завершению анализа, в то время как регистр символического послания, действующий на уровне бессознательного желания, был упущен из вида.

Случай юной гомосексуальной пациентки. Зигмунд Фрейд, «О психогенезе одного случая женской гомосексуальности», 1920

Девушку приводит к Фрейду ее отец, будучи чрезвычайно обеспокоенным ее увлечением дамой, которая старше дочери примерно на 10 лет, имевшей репутацию дамы «полусвета» и соответствующее положение в обществе.

Родители пациентки недоумевали от противоречащих друг другу линий ее поведения. С одной стороны, пациентка встречалась с дамой на самых людных улицах, где ее могло увидеть как можно большее количество людей в компании ее возлюбленной. С другой стороны, девушка прибегала к изощренному вранью, чтобы втайне устроить встречу с дамой. Здесь отчетливо видны две полярности: чрезмерная гласность и наивысшее лицемерие.

Решающим поворотом в истории пациентки является день, в который отец встречает прогуливавшихся его дочь и даму. Фрейд комментирует это «как то, чего не могло не произойти» (Фрейд, 2018). Отец, окинув их

взглядом, полным ярости, прошел мимо. После чего девушка предпринимает попытку самоубийства, которая в последующем создала для реализации ее желания более благодатную почву, а именно: родители стали более осторожными в разговорах с дочерью, и также дама стала относиться к ней с большей внимательностью. Более детальное рассмотрение мотивов попытки самоубийства девушки будет приведено дальше.

Важным здесь представляется рассмотрение фигур отца и матери и их отношения к происходящему. Отец был авторитетным и уважаемым человеком. Его отношение к дочери, с одной стороны, зависело от отношения жены (матери) к ней, но и отличалось строгостью. Когда он узнал о пристрастиях дочери, он всячески пытался оказать на нее влияние, которое доходило до угроз. Мать же была молодой женщиной, желающей внимания от окружающих. Гомосексуальные наклонности дочери не воспринимались ею настолько категорично и яростно, как это было в случае отца. Некоторое время она даже поддерживала эту связь, занимая роль посредницы. Помимо пациентки у нее еще было трое сыновей, к которым она относилась с исключительной нежностью, в отличие от дочери. Младшего сына она родила достаточно поздно, в начале анализа пациентки ее брату еще не было трех лет. Подробности о характере матери скрывались пациенткой по определенным мотивам, в отличие от рассказа об отце, наполненным откровенностью.

По словам Фрейда, пациентка испытывала очень тяжелые чувства из-за того, что ее ориентация – это удар для родителей, и считала, что ей непременно хочется избавиться от этого «недуга». Изначально Фрейд расценивал это благоприятствующим моментом, пока не вывел бессознательную либидинозную установку, находящуюся в тени и повлиявшую на ход анализа и его преждевременное окончание.

Установка закрепилась после того, как пациентка заметила явную неприязнь отца по отношению к ней. Он использовал телесные наказания дочери за ее гомосексуальные пристрастия, соответственно, девушка понимала, чем она может разозлить отца, а также чем ему отомстить.

Гомосексуальность пациентки рассматривается Фрейдом как знак протеста отцу, чье доверие она постоянно подрывала, откровенно лгав. Тем не менее чувства вины за свое вранье она абсолютно не испытывала. Чрезмерно открытое поведение пациентки в отношении дамы было умышленным, так как для девушки было абсолютно необходимым быть пойманной отцом, дабы воплотить свою месть, направленную в его сторону.

По мнению Фрейда, именно желание пациентки отомстить отцу было основополагающим в ее гомосексуальном увлечении.

В пубертатный период, ближе к тринадцати или четырнадцати годам, эта юная девушка дорожит одним объектом, ребенком (мальчиком), которого она нянчит и к которому привязалась. В глазах всех окружающих она выглядит вполне отвечающей их ожиданиям в смысле точного соответствия типичному призванию каждой женщины, а именно материнству.

В этих обстоятельствах происходит нечто, производящее в ней своего рода разворот, в результате которого она перенаправляет свой интерес

на объекты любви, отмеченные знаком женственности. Это женщины в ситуации материнства, которые недавно стали матерями.

В итоге она дойдет до буквально пожирающей степени страсти к даме. Девушка ухаживает за этой дамой в высоком рыцарском стиле, прямо как мужчина, страстно, но без требований, без желаний и ожидания взаимности, предлагая свое служение в дар, принимая любые формы проявления любимой. В этой истории находится одна из наиболее высокоразвитых форм любовных отношений.

Произошедшую трансформацию стоит рассматривать, отталкиваясь от фаллической фазы генитальной организации. Непосредственно перед началом латентного периода инфантильный субъект, как мальчик, так и девочка, подходит к фаллической фазе, которая отмечает пункт генитальной реализации, где уже все представлено в наличии, вплоть до выбора объекта (*Lacan, 1994*). Однако кое-чего недостает, а именно полноценного осуществления генитальной функции, по-настоящему структурированной и организованной. Действительно, есть только фантазматический, воображаемый по своей сути фаллический элемент, посредством которого существа этого мира делятся для субъектов на два типа – существ, которые обладают фаллосом, и тех, кто им не обладает, то есть кастрирован.

Предполагается само собой разумеющимся, всем известным и вписанным в бессознательные тенденции то, что субъект изначально, по своей природе обладает предзаданной установкой для налаживания половых взаимоотношений. Является необходимым, чтобы фаллическое преимущество стало поводом для обучения, в процессе которого субъект находит преимущества своего положения и вырабатывает способы защиты.

Лакан допускает, что фаллос в данном случае является воображаемым элементом – это следует принять в качестве факта, посредством которого субъект на генитальном уровне вводится в символическое измерение дара.

Символическое измерение дара и половое созревание (*maturation génitale*), представляя собой две разные вещи, тем не менее связаны с одним фактором, влияющим на реальную человеческую ситуацию, а именно с правилами осуществления генитальных функций, установленными законом, которые действительно включаются в игру в сфере межчеловеческого обмена (*Lacan, 1994*). Вот почему в происходящем на этом уровне существует настолько тесная взаимосвязь символического измерения дара и полового созревания. Но для субъекта это не имеет никакого внутреннего, биологического или индивидуального соответствия. Оказывается, что, напротив, фантазм фаллоса на генитальном уровне приобретает свое значение в рамках измерения символического дара. Фрейд настаивает на том, что по определенным причинам фаллос не имеет одинаковой ценности для того, кто им действительно обладает, то есть ребенка мужского пола, и для того, кто им не обладает, то есть для ребенка женского пола.

Именно по той причине, что девочка не обладает фаллосом, она включается в символическое измерение дара. В силу того что она придает большое значение ситуации обладания или необладания фаллосом, она входит в эдипов комплекс. Тогда как для мальчика, подчеркивает Фрейд,

это происходит не на входе, а на выходе из комплекса Эдипа. В завершении комплекса Эдипа, после того как он на определенном плане осознал символическое измерение дара, ему нужно будет подарить то, что у него есть. Девочка входит в комплекс Эдипа по причине того, что она не обладает (фаллосом), и для того, чтобы (его) в комплексе Эдипа найти.

«Необладание» располагается на том уровне, где воображаемый элемент входит в символическую диалектику. Ведь в диалектике символического то, чего у нас нет, существует точно так же, как и все остальное. Просто со знаком минус. Таким образом, она входит с этим минусом, тогда как мальчик с плюсом. Нужно только, чтобы было нечто такое, что можно было бы отметить плюсом или минусом, присутствием или отсутствием. То, что здесь вступает в игру, – это фаллос. В этом состоит вхождение девочки в эдипов комплекс по мнению Фрейда.

В пределах этого символического измерения дара любого рода вещи могут быть предложены в обмен, именно поэтому заметно такое большое разнообразие эквивалентов фаллоса в симптомах.

Девочка в своем первом включении в диалектику Эдипа придерживается, согласно Фрейду, того, что желаемый ею пенис – это ребенок, которого она ожидает получить от отца, как замену. Но в примере юной гомосексуальной пациентки речь идет о реальном ребенке. Девочка нянчится с настоящим ребенком.

С другой стороны, ребенок, которого она нянчит, для нее – воображаемый заменитель фаллоса, с помощью которого девушка, сама не зная того, формирует свою субъективность в качестве воображаемой матери. Если, ухаживая за ребенком, она получает удовлетворение, то происходит так потому, что таким образом она обретает воображаемый пенис, в перспективах обладания которым она уже глубоко разочаровалась, поэтому воображаемый пенис в этом случае с присвоенным знаком минус. Любой объект, введенный посредством фрустрации, будет всегда воспринят субъектом в двойственной позиции, которая является позицией принадлежности собственному телу и только в этом случае состоится в качестве объекта. Соответственно, пациентка обладает своим переходным объектом, воображаемым фаллосом, когда нянчит ребенка.

Желание пениса у девочки сменяется желанием ребенка, которого подарит отец, ребенка воображаемого или реального. В представленном случае довольно тревожно то, что он оказывается реальным, ребенок тем более реален, что отец в качестве породителя остается в бессознательном. Но случается так, что отец реально дает ребенка не своей дочери, а ее матери. Девочка удовлетворяется тем, что находит для ребенка, которого она бессознательно желала, реальную замену, и это обнаруживает у нее обострение потребности, придающее ситуации драматизм. Пациентка была специфическим образом фрустрирована тем фактом, что реальный ребенок от символического отца был подарен ее собственной матери.

По мнению Лакана, при рассуждении о неких инстинктивных всплесках, активизации психических тенденций или примитивных влечениях, в попытках представить нечто в плане перверсии стоит всегда придерживаться

трех принципиально важных элементов, при условии их различения, которыми являются воображаемое, символическое и реальное.

Данная ситуация, причины которой имеют глубоко структурный характер, пробудила зависть, и воображаемое удовлетворение, на которое полагалась девочка, оказывалось недоступным. Это произошло по причине вмешательства реального, отвечающего на эту бессознательную ситуацию, расположенную на уровне воображаемого. Некоторым образом вклиниваясь, отец переходит в план воображаемых отношений, он вступает в игру как отец воображаемый, уже не как отец символический. С этого момента устанавливаются новые воображаемые отношения, которые девочка будет по возможности поддерживать.

Эти отношения отмечены тем фактом, что они были предварительно и скрыто сформулированы на уровне большого Другого, начав формироваться воображаемым образом, характерным для перверсии, именно это, а не что-то другое приведет к перверсии. Девочка идентифицируется с отцом и принимает на себя его роль. Она сама становится воображаемым отцом. Также она сохраняет свой пенис и привязывается к объекту, который его не имеет, и ей необходимо дать то, что этот объект не имеет.

Эта необходимость сориентировать любовь не на объект, но на то, чего в объекте нет, размещается в сердцевине отношений любви и дара. Это нечто такое, чем объект не располагает и что вводит необходимость рассмотреть историю субъекта с третьей стороны.

Итак, мы имеем дело с юной девушкой в пубертатный период. Первое символическое и воображаемое структурное осмысление этой позиции осуществляется классическим образом, как это и прописано в теории. Равноценность воображаемого пениса и ребенка устанавливает субъекта в позицию воображаемой матери по отношению к тому, кто по другую сторону представлен отцом, который в этот момент вмешивается, реализуя символическую функцию, то есть к тому, кто может предоставить фаллос. В это время могущество отца бессознательно. Это момент после угасания эдипова комплекса, и отец, будучи тем, кто может дать ребенка, бессознателен.

Именно на этой стадии наступает роковой, если можно так выразиться, момент реального вмешательства отца, когда он дает ребенка матери, то есть делает ребенка с той, с кем субъект находится в воображаемых отношениях, только этот ребенок реальный. Нечто нашло свою реализацию и, стало быть, вышло из той воображаемой позиции, которую девушка ранее этому отвела. Вмешательство реального отца на уровне ребенка, в отношении которого она испытывала фрустрацию, производит преобразование этого уравнения, теперь оно составляется из следующих терминов: воображаемый отец, дама, символический пенис.

Посредством своего рода инверсии, отношения субъекта с отцом, расположенные до того в порядке символического, переходят в смысл воображаемых отношений. Или имеет место проекция бессознательной формулы первого уравнения в перверсивные – в кавычках – воображаемые отношения с дамой.

Роды, которые также имеют место в конце случая юной гомосексуальной пациентки перед тем, как она попадает в руки к Фрейду, находят свое выражение следующим образом: внезапно она бросается с небольшого моста на железную дорогу. Это случается в момент, когда реальный отец снова являет свое раздражение и ярость, а женщина, которая с ней, поддерживает это вмешательство отца и говорит, что больше не хочет ее видеть. Девушка в этот момент лишается своих последних опор. До этого она уже была достаточно фрустрирована потерей того, что должна была получить, а именно отцовский фаллос, но нашла способ поддержать желание в воображаемых отношениях с дамой, отказа которой она теперь совершенно не может вынести. Объект окончательно утрачен, и все, что она сделала, чтобы показать отцу, как можно любить, обернулось в ничто. В этот момент она совершает попытку самоубийства.

Как подчеркивает Фрейд, у этого есть и другой смысл, смысл окончательной потери объекта. Этот фаллос, в котором ей решительно отказано, является тем, что выпадает, *niederkommt*. Падение здесь имеет значение окончательного лишения (*privation*) и в то же время некоторым образом имитирует символические роды. Если акт этого броска с железнодорожного моста в критический и предельный момент ее отношений с дамой и отцом Фрейд интерпретирует как показательную попытку самой произвести на свет ребенка, которого она не получила, и в то же время уничтожить себя в последнем выразительном акте как объект, то основана эта интерпретация исключительно на существовании слова *niederkommt*.

Это слово указывает на последнее обстоятельство суицида, в котором находит свое выражение то, о чем идет речь в случае юной гомосексуальной пациентки. Единственным источником ее перверсии, в соответствии с тем, что Фрейд неоднократно утверждал относительно патогенеза определенного типа женской гомосексуальности, является устойчивая и особенно сильная любовь к отцу.

Сформулированная Фрейдом неудовлетворительная интерпретация сновидения, через которую он формализует (кристаллизует) для себя ситуацию между ним и пациенткой, в итоге приводит к разрыву аналитических отношений. Его интервенция, концепция и предубеждения по поводу позиции повлияли на разрыв.

Фрейд формулирует эту позицию как непреодолимые сопротивления пациентки. Он видит их особенно выразительные проявления в сновидениях, которые парадоксальным образом подают большие надежды на то, что ситуация нормализуется. Это сновидения о союзе, о воссоединении, о плодотворном браке. Пациентка в них вступает в идеальное супружество, в котором рождаются дети. Сновидение предъявляет желание, которое может удовлетворить если и не Фрейда, то как минимум общество, представляющее здесь интересы семьи, и тем самым послужить наилучшим исходом лечения.

Учитывая все то, что пациентка рассказывает о своем положении и своих намерениях, Фрейд далек от буквального понимания текста сновидения, но видит в нем, как он говорит, ухищрение, явно направленное на то, чтобы его в итоге огорчить, а точнее, очаровать и одновременно

разочаровать его. Как замечает Фрейд, это может вызвать следующее возражение: «Но в таком случае бессознательное способно лгать?» (Фрейд, 2018). Фрейд подробно останавливается на обсуждении этого пункта и старается ответить очень четко.

Фрейд обращается к пассажиру «Толкования сновидений», в котором отношение между желанием бессознательным и желанием предсознательным описано путем сопоставления капиталиста и предпринимателя. Предсознательное желание – это предприниматель сновидения, но сновидение не обладало бы ничем удовлетворяющим тому, чтобы утвердиться в качестве представителя бессознательного, если бы не было другого желания, которое создает основу сновидения и которое является бессознательным желанием. Таким образом, Фрейд, четко различая два желания, пока не подходит к окончательным выводам. Это место различия того, что субъект привносит в свое сновидение на уровне бессознательного, с одной стороны, и фактора дуальных отношений с тем, к кому человек обращается, когда рассказывает это сновидение в анализе, с другой. И именно в этом смысле сон, возникающий в процессе анализа, всегда определенным образом адресован аналитику, и это направление не всегда и обязательно является бессознательным.

Весь вопрос заключается в том, следует ли делать акцент на намерениях, которые Фрейд разоблачает как намерения пациентки продолжать игру со своим отцом, – пациентка сама доходит до того, что формулирует это: обманывать его, притворно следовать лечению и при этом сохранить свои позиции, свою верность даме. Следует ли то, что проявляется в сновидении, представлять непосредственно в перспективе обмана, то есть в рамках ее предсознательной преднамеренности?

По мнению Лакана, здесь, несомненно, присутствует диалектика обмана, но то, что формулируется в бессознательном как на первом, так и на третьем этапе, – это то, что, будучи сведенным к означающему, возвращается к исходному пункту, а именно к своему собственному посланию, полученному от отца в обращенной (*inversée*) форме: «Ты – моя жена, ты – мой господин, у тебя будет ребенок от меня» (Lacan, 1994). Это вхождение в Эдип или, поскольку Эдип еще не разрешен, обещание, на которое полагается девочка, входя в эдипов комплекс. Исходя из этого отстраивается позиция пациентки, и в сновидении находит свое выражение ситуация, соответствующая этому обещанию. Таким образом подтверждается одно и то же содержание бессознательного.

Фрейд сомневается в этом содержании, по причине отсутствия точной формулы, определяющей перенос. Действительно, в переносе присутствует элемент воображаемого и элемент символического и, соответственно, выбор, который нужно сделать. Если перенос имеет смысл того, что Фрейд в дальнейшем представил в понятии *Wiederholungszwang* (навязчивое повторение), то перенос связан прежде всего с настойчивостью, присущей символической цепи как таковой.

Эта специфическая для символической цепи настойчивость по определению не принимается в расчет субъектом. Тем не менее то обстоятельство, что она воспроизводится и появляется на третьем этапе, осуществляясь

и формулируясь в сновидении, позволяет заключить, что это сновидение, даже если оно и выглядит на воображаемом уровне и в прямых отношениях с терапевтом обманом, как раз и представляет перенос в его собственном смысле. Именно на это, по мнению Лакана, мог бы положиться Фрейд и смело вмешаться. Для его концепции переноса нужны были более устойчивые основания, которые бы четко определяли осуществление переноса на уровне символической артикуляции.

Когда мы говорим о переносе, когда нечто приобретает смысл в силу того, что аналитик становится причиной переноса, символическая артикуляция складывается еще до того, как субъект ее признает, как мы видим: это здесь в том, что представляет собой сновидение переноса. Фрейд сразу отмечает, что случилось нечто, принадлежащее порядку переноса, но не делает из этого точных выводов и не предпринимает корректного вмешательства.

В случае Доры, описанном Фрейдом, возникает похожая проблема, только тут Фрейд ошибается ровно противоположным образом.

Эти два случая превосходно друг друга уравнивают. Прежде всего потому, что смешение символической и воображаемой позиции в каждом случае имеет противоположный смысл. Но еще потому, что в их общей констелляции эти два случая строго совпадают друг с другом, с учетом того, что один соответствует другому как позитив негативу.

Случай Доры

В случае Доры фигурируют те же самые персонажи – на первом плане отец, дочь и тоже дама, госпожа К. Интересным является то, что и здесь ситуация вращается вокруг дамы, хотя в том, как девушка представляет всю историю для Фрейда, это неочевидно.

Дора – это маленькая истеричка, которую приводит отец к Фрейду с несколькими симптомами, без сомнения, незначительными, но в то же время выраженными. Ситуация стала невыносимой вследствие определенной демонстрации суицидального намерения, которое в конечном итоге встревожило ее семью. Отец представил ее Фрейду как больную, и этот переход на уровень лечения является элементом, который обозначает кризис в социальной общности, где до сих пор поддерживалось некоторое равновесие. Однако это уникальное равновесие было нарушено еще два года назад по причине изначально скрытой от Фрейда любовной связи отца и госпожи К., которая была замужем за господином, названным господин К. Отношения этой пары с парой отца и дочери образуют своего рода квартет. Мать в этой ситуации отсутствует.

Здесь можно проследить контраст в сравнении с предыдущей ситуацией. В случае юной гомосексуальной пациентки присутствует мать, ведь именно она похищает у девочки внимание отца и вводит элемент реальной фрустрации. Вдобавок в истории Доры отец приводит даму и поддерживает ее присутствие, тогда как в первом случае дама появляется благодаря девушке.

Поразительно то, что Дора сразу же заявляет Фрейду чрезвычайно выразительный протест по поводу привязанности своего отца, в которой, по ее словам, он счастлив. Она сразу же дает Фрейду понять, что всегда была в курсе существования этой постоянной и приоритетной для отца связи и она больше не может этого выносить. Все ее поведение выражало протест против этих отношений.

Тогда Фрейд делает шаг, подводя Дору к следующему вопросу: «Не кажется ли вам, что вы возмущаетесь тем беспорядком, в образовании которого вы сами приняли участие?» И действительно, для Фрейда быстро становится очевидным, что до критического момента Дора сама непосредственным образом поддерживала такое положение дел. Она была более чем удовлетворена этой уникально сложившейся позицией и была настоящим опорным стержнем всей ситуации, защищая интересы пары отца и госпожи К., при необходимости принимая на себя ее функции, занимаясь с ее детьми. С другой стороны, по мере продвижения в понимании структуры случая становится заметна особая связь с госпожой К., которая оказывается доверенным лицом и выглядит глубоко посвященной в секреты Доры.

Фрейд впоследствии признает, что если он и потерпел неудачу, то произошло это из-за сопротивления пациентки признаваться в своей любовной привязанности к господину К., о которой Фрейд, опираясь на свой авторитет, настойчиво заявляет (Фрейд, 1998). Он доходит до того, что впоследствии добавляет примечание с указанием на то, что, несомненно, им была допущена ошибка и ему следовало понять гомосексуальную привязанность к госпоже К. в качестве действительной причины как для формирования изначальной позиции Доры, так и для ее дальнейшего кризиса. Но важно не только то, что Фрейд распознает это спустя какое-то время, поскольку на протяжении всего отчета о наблюдении видно, насколько противоречиво он относится к реальному объекту желаний Доры.

Ясно, что персонально господин К. имеет весьма важное значение для Доры и что с ним установлено что-то вроде либидинальной связи. Также ясно, что в другом порядке тоже есть нечто очень важное, постоянно играющее свою роль в либидинальной связи Доры и госпожи К. Лакан предпринимает попытку сопоставить одно и другое таким образом, чтобы это было обоснованным и позволило осмыслить и развитие ситуации, и момент остановки, кризис, и нарушение равновесия.

При первом прочтении этого случая Лакан с точки зрения истерической структуры отметил следующее: истерик – это тот, кто любит по доверенности (*par procuration*) (Lacan, 1994). Истерик – это тот, чей объект гомосексуален, истерик подступает к этому гомосексуальному объекту путем идентификации с кем-то другого пола.

Идентификация Доры осуществляется с мужественной фигурой господина К. Другими словами, при посредничестве господина К., когда она сама становится господином К., именно в этом воображаемом положении, где воссоздается личность господина К., Дора оказывается связанной с госпожой К.

Лакан задается вопросом: почему госпожа К. является кем-то важным? Она важна не только потому, что является объектом, выбранным среди прочих объектов. Она важна не только потому, что наделена нарциссической функцией, которая лежит в основе восхищения. Как показывают сновидения, которые и стали принципиальной основой наблюдения, госпожа К. – это вопрос Доры.

Дора – истеричка, то есть она перешла на уровень эдипального кризиса, смогла его преодолеть и в то же время не смогла. На то есть причина – ее отец, в отличие от отца юной гомосексуальной пациентки, несостоятелен в половом отношении. Все наблюдение основано на этом центральном пункте несостоятельности отца. Таким образом, здесь есть возможность особенно показательным образом прояснить то, в чем может заключаться функция отца в отношении нехватки объекта, посредством которой девочка входит в Эдип. Здесь уместно поставить вопрос, какой может быть функция отца как дарителя.

Эта ситуация опирается на различие, предпринятое Лаканом в разговоре о первичной фрустрации, – различие, которое может установиться в отношениях ребенка с матерью (*Lacan, 1994*). Ребенок испытывает фрустрацию в связи с отстранением от некоторого объекта. Но после произошедшей фрустрации его желание сохраняется. Смысл фрустрации состоит в том, что объект остается принадлежащим субъекту и после фрустрации. И тогда мать вмешивается в другом регистре – она дает или не дает, но лишь то, что является знаком любви.

Именно здесь появляется отец как тот, кто символически предоставляет этот объект нехватки. В случае Доры он его не предоставляет, потому что не имеет его. Фаллическая несостоятельность отца – это то, что звучит на протяжении всего наблюдения как фундаментальная, определяющая позицию тональность.

Дора не получает от отца дара мужественности и остается к нему очень привязанной, так сильно привязанной, что эта история начинается именно в возрасте угасания Эдипа, вместе с серией истерических происшествий, которые очень четко связаны с проявлениями любви к отцу, который в этот момент более чем когда-либо выглядит как отец раненый и больной, как отец, пораженный в самой своей жизненной состоятельности. Любовь, которую Дора испытывает к отцу в тот момент, напрямую коррелирует с его умалением.

Таким образом, то, что вмешивается в отношения любви, то, что запрашивается в качестве знака любви, никогда не является чем-то другим, кроме как знаком. Нет большего возможного дара, большего знака любви, чем дар того, чем мы не обладаем. Но стоит подчеркнуть, что измерение дара появляется только с введением закона. Дар – это нечто, циркулирующее в процессе обмена, – дар, который преподносится, всегда является даром, который до этого был получен. Но когда дело касается двух субъектов, обмен происходит как-то иначе, поскольку отношения любви предполагают, что дар преподносится в обмен на ничто.

«Ничто на ничто» как принцип обмена. Эта формула, как и любая другая, содержащая в себе двусмысленное «ничто», кажется формулой самой заинтересованности, но также она является формулой чистой благодарности. На самом деле в даре любви заключается только то, что дается «ни за что» и может быть только «ничем». Другими словами, субъект делает дар, когда отдает что-то безвозмездно, и поскольку в этом заключено все то, чего ему не хватает, то он жертвует больше того, что у него есть.

Лакан говорит, что получение дара от субъекта, располагающего всеми возможными благами и несметным богатством, может не иметь и малейшей ценности знака любви. Верующие воображают себе возможность любить Бога, потому что предполагают, что Бог действительно обладает этой полнотой и совершенными возможностями бытия. Но такое предположение о некотором Боге, который может быть всем, имеет место лишь потому, что в основе любой веры можно обнаружить еще кое-что. Ведь этому существу, которое по задумке является целым, Ему, несомненно, не хватает главного в бытии, то есть существования. В основе любой веры в Бога как в совершенного и безгранично милостивого есть непознаваемое, есть то, чего Ему не хватает, что постоянно заставляет сомневаться в Его существовании. Нет никаких других оснований любить Бога, кроме сомнения в его существовании (*Lacan, 1994*).

Не вызывает сомнений, что именно так Дора любит своего отца. Она любит его за то, что он ей не дает. Однако каким образом это было возможно при том, что отец в присутствии Доры вовлечен в другие отношения и, похоже, Дора даже способствовала им?

В наблюдении мы имеем дело с тройкой: отец, Дора, госпожа К.

Похоже на то, что вся история начинается с вопроса Доры: «Что мой отец любит в госпоже К.?» Госпожа К. представляет собой то, что отец может любить помимо нее. И то, к чему Дора привязывается, – это то неизвестное ей, что ее отец любит в другой.

Дора задается вопросом: «Что такое женщина?» И поскольку госпожа К. воплощает эту самую женскую функцию, она становится для Доры той, на кого она переносит этот вопрос. Дора вступает в дуальные отношения с госпожой К., или, скорее госпожа К. – это та, кто любима помимо Доры, вот почему Дора заинтересована в сохранении этой позиции. Госпожа К. осознает, что Дора понятия не имеет, как себя в этой ситуации расположить. Любимо нечто за пределами существа. То, что любимо в существе, располагается по другую сторону от того, чем оно является, в конечном итоге это именно то, чего ему не хватает.

Дора оказывается где-то между своим отцом и госпожой К. Пока отец любит госпожу К., Дора чувствует себя удовлетворенной, конечно, при условии, что эта позиция стабильно сохраняется. Кроме того, эта позиция многократно символизируется. Так, бессильный отец прибегает к всевозможным вариантам замены символического дара, включая дары материальные, для того чтобы восполнить нехватку своего мужественного присутствия, он заодно щедро одаривает Дору, распределяя подарки между

любовницей и дочерью, тем самым включая последнюю в эту символическую диспозицию.

Дора по отношению к госпоже К. пытается воссоздать ситуацию треугольника отношений. Здесь появляется господин К., с фигурой которого образуется треугольник в противоположном направлении.

В поисках ответа на свой вопрос Дора предполагает, что господин К. по одну с ней сторону в вопросе отношения к госпоже К., то есть испытывает к своей жене такое же обожание, которое находит еще одно свое выражение у Доры в очень показательной символической ассоциации госпожи К. с Сикстинской мадонной. Госпожа К. – предмет обожания всех окружающих, и Дора связана с ней именно как соучастница этого обожания. Господин К. является инструментом, с помощью которого она регулирует эту позицию, пытаясь реинтегрировать в общий контур мужской элемент.

Господин К. получает пощечину в тот момент, когда он говорит ей: «Я ничего не имею к моей жене».

Дора вполне допускает, что ее отец любит в ней и с помощью нее кого-то, кто «по другую сторону», госпожу К., но для того, чтобы господин К. мог соответствовать своему месту, он должен исполнять ровно противоположную, уравнивающую функцию. То есть Дора должна быть той, кого любит господин К. «по другую сторону» своей жены, но только в том случае, если жена для него «что-то» значит. Это «что-то» – это то же самое, что «ничего», которое должно быть «по ту сторону», то есть в данном случае Дора. Он не говорит, что его жена для него «ничто», он говорит, что там, на ее стороне, нет «ничего».

Это приводит к тому, что Дора не может вынести его интереса к ней в том случае, если он интересуется только ей. Вся ситуация сразу же ломается. Если господин К. интересуется только ею, значит, ее отец интересуется только госпожой К., она не может этого перенести.

На глазах у Фрейда разворачивается типичная ситуация. В соответствии с объяснением Клода Леви-Стросса в «Элементарных структурах родства» брачный обмен подразумевает именно это: «Я получил женщину, я должен дочь» (*Lévi-Strauss, 1969*). Женщина непосредственно выступает только в качестве предмета обмена и никак не интегрирована в сам принцип организации обмена и права. Другими словами, если она сама не отреклась от чего-то, а именно от отцовского фаллоса, рассматриваемого в качестве объекта дара, то она никак не сможет представить, чего она не получает от других, то есть от другого мужчины.

Именно так и происходит в этот момент. Дора, переполненная возмущением, говорит: «Мой отец продает меня кому-то другому». Что действительно является объективной оценкой положения дел, которое остается в тени. Фактически, отец покупал расположенность мужа госпожи К. тем, что на протяжении нескольких лет не обращал внимания на его ухаживания за Дорой.

Таким образом, Дора и юная гомосексуальная пациентка вписаны соответственно в две ситуации в двух разных регистрах.

Разница между ними заключается в следующем: если в бессознательном юной гомосексуальной пациентки действительно поддерживается

обещание отца «у тебя будет ребенок от меня» и если в своей возвышенной любви к даме она демонстрирует, как говорит об этом Фрейд, модель абсолютно бескорыстной любви, любви в обмен на ничто, то происходящее разворачивается с целью девочки показать отцу, что такое настоящая любовь, любовь, от которой ее отец отказался.

Дора не понимает ни куда себя деть, ни где она находится, ни зачем она нужна, ни зачем нужна любовь. Она только знает, что любовь существует и конструирует историю, где любовь находит свое место в виде вопроса. Этот вопрос проявляется в форме и содержании всех ее сновидений. Шкатулка с драгоценностями – все это означает не что иное, как этот вопрос. У Доры возникает вопрос, что значит быть женщиной, и она выражает его определенным образом, а именно посредством симптомов. Симптомы – это означающие элементы, но они важны постольку, поскольку под ними скрывается постоянно ускользающее означаемое, которое интересует Дору, в погоню за которым она вовлечена.

Доказательством этого служат те признаки подобия беременности Доры после разрыва с господином К., смысл которых Фрейд распознает своим поразительным интуитивным чутьем. Действительно, в дальнейшем имеет место нечто вроде странного многозначительного выкидыша. Фрейд указывает на срок в девять месяцев, потому что так говорит ему сама Дора, признавая тем самым своего рода беременность. На самом деле проходит пятнадцать месяцев, что превышает обычный период беременности. Важно, что Дора видит в этом последний отзвук того, что до сих пор связывает ее с господином К. Здесь присутствует некоторый эквивалент совокупления, который производится в символическом порядке в чисто метафорической форме. Симптом в этом случае, по мнению Лакана, – только метафора, как попытка для Доры присоединиться к закону символических обменов.

Выводы

Для лучшей иллюстрации лакановской мысли предлагается воспользоваться так называемой схемой L (*схема 1*), которую Лакан вводит на втором году своих семинаров именно с целью наглядного различения двух осей субъективации и отношений. Символическая ось отношений происходит между S (субъект бессознательного) и большим Другим, структурирующим бессознательное, которое в некоторые исключительные моменты – в снах, оговорках, остротах – становится доступно (Лакан, 1997).

Лакан настаивает на том, что психоанализ, будучи практикой речи, происходит сугубо по оси символических отношений, которым отношения воображаемые, отношения между собственным Я аналитика (*a'utre*) и собственным Я анализанда (*moi*), полагают препятствие.

В соответствии с комментарием Лакана в четвертом семинаре «Объектные отношения», Фрейд, несмотря на то что распознал возникший в анализе перенос, смог истолковать его только в воображаемом регистре, то есть распознал только предсознательное желание обмануть его как отца. Другими словами, принял предсознательное желание пациентки

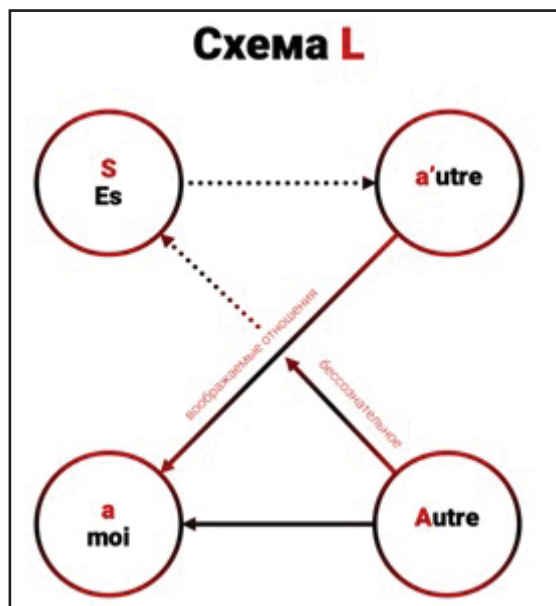

Схема 1

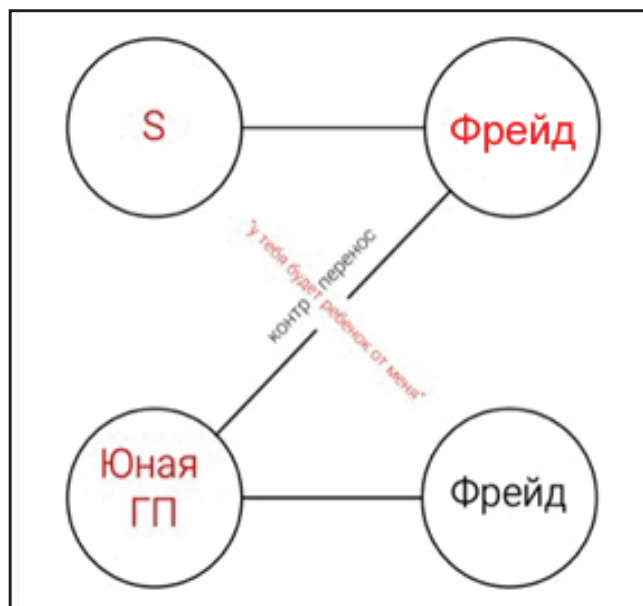

Схема 2

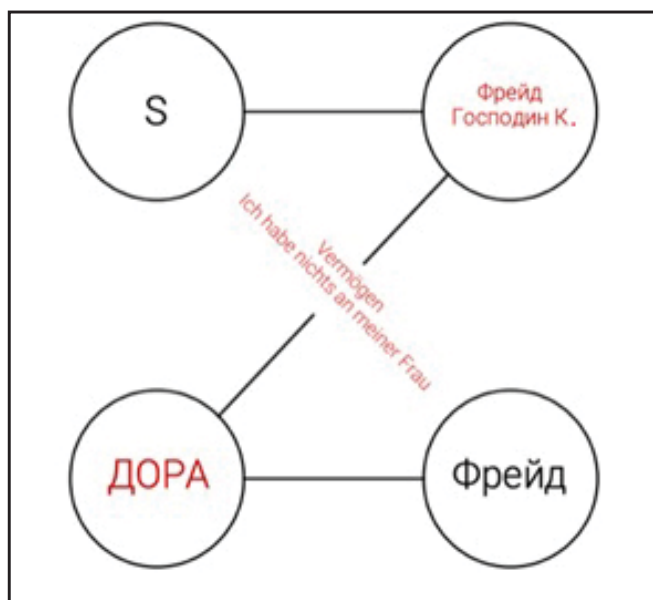

Схема 3

на свой счет, попал в ловушку личностной реакции. Пациентка прервала анализ, потому что не нашла ответа на ее бессознательное желание, которое было распознано Лаканом на уровне символической формулы сновидения: «Я хочу от тебя ребенка» (схема 2).

Позицию Фрейда в случае Доры, которая, по мнению Лакана, также привела к преждевременному завершению анализа, можно обозначить на схеме L подобным образом (схема 3).

Ошибочная интерпретация Фрейда опиралась на воображаемый (типичный в терминологии Лакана) смысл «нормального» русла влечения к господину К. Так рассуждал «нормальный» Фрейд, навязывающий свое устоявшееся, типичное, нормальное, воображаемое представление

пациентке. Здесь Фрейд действовал от имени своего собственного Я, поддерживая игру «ненавлюбленности» с подобным маленьким другим собственным Я пациентки.

Применение различий лакановских регистров в психоаналитической практике может послужить важным подспорьем в отношении клинической категории переноса, помогая выйти из терапевтической плоскости отражения воображаемых конструкций в аналитическую позицию по отношению к субъекту бессознательного.

Перенос в анализе несет в себе измерение подлинной любви: субъект адресует любовь тому, кого считает знающим истину о нем. Фрейд говорит: путь аналитика совершенно иной – для него нет образца в реальной жизни (Фрейд, 1915). Лакан продолжает, высказываясь о парадоксе функции аналитика, отвечающего сократовской агальме: на том месте, где аналитик предстает субъектом предположительно знающим, на самом деле он призван быть не более чем реальным присутствием, именно потому, что оно бессознательно.

Психоанализ предстает инструментом искусственного порождения любви и одновременно инструментом рассеивания этого искусственного порождения, так как позволяет субъекту пересмотреть свои позиции в отношениях таким образом, чтобы вместо отношений с подобием собственного Я возникло место бесподобности и непостижимости другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лакан Ж.* О вопросе, предваряющем любой возможный подход к лечению психоза / Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда / Пер. А. К. Черноглазова. М.: РФО; Логос, 1997.
2. *Платон* Диалоги. М.: Издательство «Э», 2017. 490 с.
3. *Фрейд З.* Влечения и их судьба // Основные психологические теории в психоанализе. Очерки истории психоанализа. СПб.: Алетейя, 1998.
4. *Фрейд З.* Я и Оно: сочинения / Пер. с нем. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). 859 с.
5. *Фрейд З.* Фрагмент анализа истерии: История болезни Доры [Электронный ресурс]. М.: Феникс, 1998. URL: https://royallib.com/book/freyd_zigmund/fragment_analiza_isterii_istoriya_bolezn_dori.html (дата обращения: 04.05.2022).
6. *Фрейд З.* О введении понятия «нарцизм» // З. Фрейд. Сексуальная жизнь. Т. 3. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. С. 448.
7. Фрейд, З. О психогенезе одного случая женской гомосексуальности. М.: Астер-Х, 2018. 92 с.
8. *Фрейд З.* Заметки о любви в переносе / Пер. с нем. М. Вульф [Электронный ресурс] // Психоанализ. URL: <https://psychoanalysis.by/2018/03/29/article-psychoanalysis/> (дата обращения: 03.03.2022).
9. *Bergmann M. S.* (1982). Platonic love, transference love, and love in real life. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 30(1), 87–111.

10. *Chiesa L.* (2006). Le Ressort de l'Amour: Lacan's theory of love in his reading of plato's symposium. *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 11(3), 61–81. ISSN 0969-725X.
11. *Fink B.* (2017). Lacan on love: An exploration of Lacan's seminar VIII, transference. John Wiley & Sons.
12. *Jekels L., Bergler E.* (1934). Transfert et amour (Übertragung und Liebe) Imago. *Internationale Zeitschrift für psychoanalytische Psychologie*, XX(1).
13. *Lacan J.* (1994) Le séminaire, Livre IV: La relation d'objet, 1956–1957 (texte établi par Jacques-Alain Miller). Paris: Seuil, pp. 12–13.
14. *Lacan J.* (2001). Le Séminaire. Livre VIII, tome 8. Le Transfert (1960–1961). SEUIL, 480 p.
15. *Lévi-Strauss C.* (1969). Elementary structures of kinship. In Bell J. H., von Sturmer J. R. (trans.). Boston, MA: Beacon. (Original work published 1949).
16. *Mahjoub L.* (2018). Le transfert dans tous ses états. Sauvage, politique, psychanalytique [Введение к конгрессу Новой лакановской школы, 8 апреля 2018]. URL: <http://nlscongress2018.com/index.php/2018/04/08/largument-du-congres-de-la-nls-par-lilia-mahjoub/> (дата обращения: 10.03.2022).
17. *Miller J.-A.* La revue de l'ECF La Cause freudienne n° 18 «Les deux métaphores de l'amour», p. 82. (Les deux métaphores de l'amour: cours du 6 mars 1991, Revue de l'ECF, 18, (Juin), 217–222, p. 82.)
18. *Porcheret B.* (2016). Session 2016–2017, séminaire théorique: lecture du Séminaire VIII, Le transfert, de Jacques Lacan. Première séance.

Love and transference: from Freud to Lacan

N. I. Kazakova

Kazakova Nadezda I., Master of Psychology (HSE University), Psychoanalytic psychotherapist.

This article is devoted to the consideration of love and its particular manifestation in the form of transference arising among the effects of psychoanalytic treatment, which was discovered by Freud and further expanded in the theoretical and clinical corpus of seminars of Jacques Lacan.

The concepts of love, crush and transference are closely intertwined with the registers of the symbolic and the imaginary, the distinction of which has clinical value and is reflected in a Lacanian reading of two cases of Freud: Young Homosexual Patient and Dora.

Learning from the mistakes of the founder of psychoanalysis Freud helps to get out of the therapeutic plane of imaginary constructions reflection into an analytical position in relation to the subject of the unconscious.

Keywords: *subject, Freud, love, transference, crush, agalma, Lacan, imaginary, symbolic, young homosexual patient, Dora.*

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Острота и ее структуры в психоаналитическом лечении

С. А. Овсянникова

Овсянникова Светлана Александровна – Ph.D, Институт Зигмунда Фрейда (г. Вена), магистр РГГУ, Институт психологии им. Выготского, психоаналитически ориентированный психотерапевт, aSu (Австрия).

Фрейд оставил в наследство психоаналитикам великое множество тем и концепций. Ряд из них имеет непосредственное отношение к клинической технике, так что нет ничего удивительного, что к ним обращаются наиболее часто и подвергают постоянной разработке на ниве практики – таковыми являются концепции переноса, защит, вытеснения. Иные концепты, напротив, представляя собой отдельные фрейдовские исследования, на первый взгляд не находят практического приложения и чаще всего остаются уделом философов и непрaktикующих интеллектуалов.

Работа посвящена концепции остроумия, носящей в этом смысле промежуточный характер – чаще всего она рассматривается как крайне интересная и глубокая разработка Фрейда, не находящаяся при этом в связи с клиникой и терапией невротоз. Целью статьи является коррекция подобного восприятия и выведение роли остроумия в аналитической терапии на передний план.

Ключевые слова: структурный психоанализ, работа остроумия, психоаналитическое лечение, означающее, нехватка.

Тема остроумия занимает значимое место как в психоанализе, так и в гуманитарных и естественнонаучных дисциплинах, включая нейропсихологию, а также намечающийся новый синтез этих дисциплин – такой как нейропсихоанализ. В то же время проблематика остроумия демонстрирует много слепых пятен, и одно из наиболее заметных – это применение в психоаналитической клинике сугубо теоретического на первый взгляд открытия Фрейда, описавшего механизмы возникновения остроты и ее влияние на субъекта.

Как хорошо сегодня известно, исследование остроумия и его неразрывной связи с речевым процессом, а также возникающих на базе работы остроумия отношений субъекта с инстанцией Другого было предпринято Фрейдом в трилогии работ, посвященных языку и его связи с бессознательным: «Толкование сновидений» (1900), «Психопатология обыденной жизни» (1901) и «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905). Три этих произведения, с нашей точки зрения, выступают единым корпусом-наброском фундаментальной теории, в отношении которой Фрейд выступил первооткрывателем, завещав ее развитие последователям. Опираясь на эти труды, а также корпус семинаров Жака Лакана 1957–1980 годов, опишем работу остроумия в ее теоретическом и одновременно прикладном клиническом значении.

Итак, острота выступает как лингвистическая, но одновременно и выделенная Фрейдом метапсихологическая мера наличия «работы остроумия» в разрабатываемой им концепции бессознательного. Что подразумевает Фрейд под остротой? В первом приближении его определение совпадает с общераспространенным: острота – это такая игра словами, когда из одного слова может образоваться два или, напротив, из двух – одно. Иногда в словах перемешиваются буквы, они могут переставляться местами, или одно слово заменяет другое, но так, что сохраняет его грамматическую форму. Другими словами, острота – это трюк, фокус-покус, или мысленный ляп.

В то же время из этого достаточно тривиального уже для тогдашних лингвистов факта Фрейд выводит оригинальную науку о «психическом», представляющую собой описание открывающихся для субъекта возможностей благодаря работе остроумия образовывать новые типы символических связей и виды отношений. Возможности эти закреплены в самой структуре остроты, предполагающей переадресацию и отсылку означющего к иному содержанию и тем самым открепление этого означющего от привычной смысловой нагрузки. Благодаря сдвигам в лингвистическом пространстве для субъекта на психическом уровне открывается возможность совершать переход к другому объекту удовлетворения – аналогия, легшая в основу фрейдовского открытия.

Эта аналогия является ярчайшей из тех форм, которые Фрейд избирает для демонстрации отношений бессознательного (как психического регистра) с миром означающих (как регистра языкового) и сопутствующими ему явлениями. На примере работы остроумия фрейдистская практика полномасштабно показала принципы, по которым действует бессознательное – прежде всего через такие проявления, как острота, а также сновидение. В этом же ряду находится и сам анализ, подразумевающий свободное речевое производство со стороны пациента. Все эти явления в опоре на фрейдовскую гипотезу остроумия могут быть описаны не только психодинамически, но и структурно, поскольку связаны с языком и его свойствами, а не с аффектами и психической активностью напрямую.

Впоследствии Фрейдом было отмечено: «Моя книга "Остроумие и его отношение к бессознательному" (1905) представляет собой побочный продукт "Толкования сновидений". Единственный из друзей, принимавший

тогда участие в моей работе, заметил, что мои толкования сновидений остроумны. Чтобы объяснить это впечатление, я и предпринял исследование остроумных высказываний и обнаружил, что их сущность заключена в их технических средствах, последние же совпадают с приемами "работы сновидений", т. е. представляют собой "сгущение", "смещение", изображение через противоположное, через умаление и т. д. К этому я присоединил исследование фактора экономии, показывающее, каким образом у слушателя возникает чувство удовольствия от остроты. Ответ гласил: «благодаря моментальному устранению психических издержек на вытеснение после привлечения слушателя с помощью поощрительной премии предвкушения удовольствия» (Фрейд, 2006, с. 66).

Тем самым Фрейд говорит нам, что посредством остроты субъект может добиться, по крайней мере до определенной степени, удовлетворения своего желания – многообещающее заявление, учитывая, что эту роль он ранее отводил только сновидению. В то же время Фрейд сразу вводит некое важное обстоятельство, существенно осложняющее положение желающего субъекта, поскольку в рамках подействовавшей остроты тот получает не объект желания – не то, что буквально закрывает его потребности рот, а нечто иное: новое удовлетворение, которое несет с собой острота.

Налицо созданная Фрейдом диалектика «не того», некоторого несовпадающего остатка удовлетворения. В рамках этой диалектики очевидно уместно задаться вопросом: получить «не то», что намеревался, – это значит получить «меньше» или все же получить что-то «другое» (возможно, ничуть не уступающее по значимости, если не наоборот)?

Именно посредством этого вопроса, которым использующий остроту субъект невольно задается, Фрейд показывает самую сердцевину учреждаемого остротой события в психическом мире. Так, сама неспособность субъекта определить, что именно с ним в ходе подействовавшей на него остроты произошло, и является причиной дополнительного удовлетворения, которое острота приносит. Поскольку смехом субъект раздражается раньше, чем не просто понял саму шутку, но и оценил, что именно она с ним сделала – в частности, как поменяла его психическую позицию в отношении Другого (в том числе постурологически: заставив принять позу беззащитности, связанной с внезапно полученным и непрошеным наслаждением), острота способна осуществить сдвиг в положении субъекта сразу на двух уровнях.

Невзирая на очевидную перспективность изучения диалектики этих уровней для теоретического и, вероятно, клинического аспекта развития психоаналитической дисциплины, наследующие Фрейду аналитики к данной стороне функционирования остроумия практически не обращались. Лишь после долгого перерыва проблема остроумия возвращается в психоаналитическую мысль – на пятом семинаре Жака Лакана 1957–1958 годов. В лекциях этого семинара Лакан продолжает исследовать приемы срабатывания остроумия, ранее открытые Фрейдом, называя фрейдовское сгущение «метафорой», а смещение – «метонимией» (Лакан, 2002).

Мы могли бы подытожить значение этого семинара тезисом, в котором сформулируем основной плод размышлений Лакана, состоящий, на наш

взгляд, в том, что нечто в самом субъекте, в его психическом устройстве, может рассматриваться как структурированное в виде шутки, остроты. Именно по этой причине субъект действует в пространстве речи через метафору и метонимию, используя задаваемую ими динамику и предполагаемые типы связей для поиска объекта удовлетворения и возможной разрядки катектического напряжения.

Здесь уместно прямо перейти к развитию лакановского взгляда сегодня – к тем, кто его линию в настоящий момент продолжает. Мы имеем в виду Дерека Хука, Калум Нейл и других постлаканоановских аналитиков, исследующих проблему остроумия в русле открытого Лаканом структурного анализа. Все эти исследователи, опираясь на последние данные развитого континентальными философами учения о субъективации и его неразрывной связи с инстанцией *означающего*, также вслед за Лаканом приходят к мысли, что острота конгениальна (соструктурна) субъекту. Более того, их работы демонстрируют, что разрозненные части самого лакановского учения (такие как его ранние воззрения на метонимию в становлении субъектного Эдипа, но также взгляды зрелого Лакана на роль аналитического прерывания и организацию абстиненции в клиническом сеттинге) задним числом можно также связать через концепт остроумия.

Тем самым оказывается сделан следующий шаг: функционирование остроты, ее структура конгениальны не только устройству желаемого субъекта, но и самой процедуре анализа, включая также то, что субъектом в ходе психоаналитического лечения может быть усвоено. Именно в шутке и ни в чем ином можно проследить не только описанный Лаканом вслед за Фрейдом переход от одного означающего к другому означающему – как минимальную единицу речевой структуры, но и другие, более комплексные типы переходов, учреждаемых самой аналитической процедурой: переход от молчания к речи и далее – от описанной Лаканом симптоматической «речи с аналитиком, но не о себе» к аналитической «речи о себе к другому», знаменующей поворот в ходе лечения (Лакан, 2002).

Необходимо спросить, что именно в остроте обеспечивает момент самой поворотности для субъекта? В силу чего вместе с происходящими в остроте структурными изменениями, в субъекте, например, в организации его симптома в ходе анализирования – также могут наступить некоторые перемены? Хук дает оригинальный ответ: с его точки зрения в моменте перехода от одного означающего к другому (момент остроты) происходит также «пропажа» субъекта (Hook, 2022, p. 85–86).

Таким образом, субъект не просто пассивно пожинает плоды созданных остротой структурных изменений – в данном случае это плоды удовлетворения, которое острота приносит, – но он также претерпевает нечто на *активной* основе. В тот момент, когда острота – или схожим образом функционирующая с ней структура (сновидение, анализ) – осуществляют присущий этой структуре «поворот» как радикальное изменение свойства, также находящемуся в этой структуре субъекту приходится «исчезнуть» в своем прежнем качестве, чтобы через миг появиться снова, уже в ином. Субъект тем самым постоянно «мигает» как проблесковый маячок – само его существование не непрерывного свойства.

Именно такое принятие субъектом чередований означающих, их исчезновение и появление лежит в основе психоаналитического лечения. В самом ходе анализа субъект может быть «раскрыт» – то есть подвергнуться изменениям – только в тот момент, когда преобладание означающего, которое поддерживает воображаемое единство эго анализанта, нарушается и очищенное от «смысла» означающее внезапно, как бы переменяя свою участь, предлагает неожиданный, подавленный до того бессознательный смысл.

В таком мимолетном появлении этого означающего субъект сам по себе – это вспышка, импульс, который быстро исчезает. Его раскрытие мгновенно, и, как и в случае с шуткой и ее кратковременным эффектом, «откровение» длится недолго и почти сразу же вновь подавляется. Более того, теперь только от субъекта зависит, готов ли он принять более, как обозначает это Хук, «разрушительную знаковость», открытую шуткой или работой, производимой в анализе. Через эту этическую возможность, в результате перемены отношения к тому, что человек (как субъект анализа) сказал, но не имел в виду (как носитель эго и невротических защит), только и может произойти субъективное изменение. Согласно Фрейду, только сновидец дает разрешение на интерпретацию своего сна: и то же самое относится к степени, в которой субъект принимает бессознательное значение и воздействие шутки – в том числе в виде собственной оговорки или связанного с анализом отреагирования «действием».

Именно в речи анализанта раскрывается смысл его симптома, и это может позволить по-другому упорядочить грань производимого симптомом наслаждения, заставляющего страдать, что подобно работе остроумия, в котором – так же как и в анализе – происходит пересборка означающих. Речь идет об определении посредством анализа присущих субъекту способов наслаждаться и об изобретении иного, менее травматичного, менее болезненного и всегда индивидуального способа заново со своим наслаждением обойтись.

В рамках аналитической работы психоаналитик получает возможность направлять и поддерживать характерные для работы остроумия механизмы замещения, а также сподвигать анализанта к переводу фокуса потребности с объекта на внесубъектные (символические) механизмы удовлетворения, что является новоприобретенной способностью анализанта, а также выступает критерием успешности анализа независимо от того, избавится ли анализант от «симптома» полностью или же найдет способ с ним иметь дело другим способом.

В завершение теоретической части изложения мы предлагаем по пунктно проследить и обозначить сходство между работой остроумия и ходом аналитического лечения, выражающееся, на наш взгляд, в следующих процедурах:

1. Подвешивание (саспенс) поставляемого анализантом содержания. Невзирая на то что анализант в большей части случаев сугубо и даже чрезмерно серьезен в отношении сообщаемого им в анализе, аналитик в свою очередь никогда не обнаруживает ответной иронии, могущей

поставить пациента перед предположительным садизмом аналитической фигуры. Тем не менее аналитическая рамка (сеттинг, кадр) сама по себе предполагает завычивание высказанного, ограниченность полномочий его решений и действий. Самим своим присутствием аналитик «иронически» намекает клиенту, что тот высказывается так, как если бы объекты его претензий и жалоб – например, в виде родительских фигур – скрывались в кабинете, и это *остроумно*, поскольку это не так и в то же время *так* в другом смысле, который анализанту еще предстоит для себя уяснить. Невзирая на общепризнанную ценность эмпатии аналитика в отношении анализанта, не следует забывать также и о том, что аналитик отвечает условным и также по-своему глубоко ироничным согласием на сообщения пациента, когда тот негодует и жалуется, в том числе на сам ход лечения. «Я говорю и говорю на сессиях постоянно, и мне это не помогает». «Вам это не помогает», – подтверждает (молчаливо) сама фигура создаваемого аналитиком присутствия. «Вам сейчас это действительно не помогает, потому что вы говорите не то» (имея в виду то, что пациенту следует не жаловаться, а продолжать производить полезную работу свободно и безадресного ассоциирования)¹.

Аналитик, разумеется, не сообщает пациенту напрямую о пертурбациях его аналитической позиции, тем самым избегая преждевременной истеризации анализанта, могущей заставить его бесплодно задумываться над тем, говорит ли он на сессиях «ценные» вещи, – беспокойство ведет лишь к дальнейшей задержке свободных ассоциаций и увеличению сопротивления. В то же время аналогия условно «ироничной» позиции аналитика с работой остроумия, равно как и присущее этой позиции «подвешивание» действий анализанта, сохраняется и позволяет ему продолжать речь.

2. Нечто близкое действию остроумия может быть обнаружено и в широко распространенном приеме аналитической «конфронтации»: особенно если та не содержит развернутых выяснений «истинных намерений» пациента или указаний на противоречивость его слов, а состоит по возможности из краткого приостанавливающего вмешательства.

Например, аналитик может предпринять вслед за пациентом останавливающий повтор определенного слова (операция редупликации), что побуждает пациента задуматься над тем, что под остановкой подразумевается, как если бы повторение побуждало задуматься, какое именно означающее анализант, не заметив того, сейчас использовал. Редупликация указывает на это означающее как на предельно важное, возможно, даже ключевое для бессознательных процессов анализанта, но при этом сам вопрос как будто содержит скрытую и крайне тонкую усмешку («Моя жена», – как бы неуверенно говорит пациент. «Ваша жена», – переспрашивая его

¹ Тут снова стоит упомянуть о трех стадиях речи в анализе, выделенных Лаканом: «Это соответствует формуле, которой мы воспользовались для выражения той же мысли в начале нашей деятельности. Субъект начинает анализ или говоря о себе, но не для вас, или говоря для вас, но не о себе. Когда он заговорит о себе с вами, считайте, что анализ закончен» (Лакан, 2009, с. 227).

или утвердительно повторяя вслед за ним, говорит аналитик, как бы подразумевая: «Что? Я не ослышался? Вот, значит, как вы это называете»).

А. Е. Смулянский в книге «Метафора Отца и желание аналитика» (Смулянский, 2019) возводит подобную редупликацию к тому, что можно назвать речью «реального отца». Последний является «реальным» в особом смысле, поскольку в качестве инстанции встречается субъекту и срабатывает только на уровне означающего. Для этой инстанции также характерна возможность подействовать в рамках работы остроумия, но особого типа: «реальный отец» не шутит в смысле, описанном Фрейдом, – то есть не рассказывает остроумные истории и даже не играет различными словами, а только лишь возвращает субъекту употребленное им означающее, за которое тот держится слишком сильно, причем возвращает в насмешливо-глумливом виде («Что, ты занялся *философией*? Да, твоя *шмилософия* очень тебе поможет в жизни»).

Аналитик в кабинете, разумеется, никогда так бесцеремонно с пациентом не поступает, поскольку цели у анализа совершенно иные. Тем не менее, согласно Смулянскому, определенный привкус, некоторое структурное наследие заданной «реальным отцом» операции «заземляющей» редупликации сохраняется в аналитической работе: аналитик каждую секунду готов вернуть анализанту употребленное им означающее, показав тем самым призрачную неочевидность его значения.

3. Лингвистическая структура остроты указывает на «нехватку» смысла, и именно с «нехваткой», присущей субъекту, работает аналитик на сессиях. В остроте (шутке) есть опора на то, чего субъекту не хватает – большинство шуток и анекдотов построено на том, что их герой получает не то, на что он рассчитывал, что само по себе вызывает смех. Как мы увидели выше, это касается и функционирования самой шутки: она в качестве совершенного другим подношения представляет собой «не то» – замену реального удовлетворения: например, в трудной жизненной ситуации вы хотели занять у знакомого денег, но у него их нет (или, что еще вероятнее, он не желает одалживать), и вместо этого он рассказывает забавные истории, убеждая тем самым вас в своем дружеском расположении. Достаточно добавить к этой ситуации измерение сексуального желания (снова неудовлетворенного), чтобы уяснить, как именно Фрейд остроту в пространстве субъективности располагает.

С этой точки зрения субъект получает остроту вместо чего-то еще и, несмотря на это, все же имеет возможность получить связанное с ней удовлетворение взамен желаемого. В то же время острота преподносит урок иллюзорности любой немедленной потребности в принципе. «Вы что-то спрашиваете, о чем-то просите, но на самом деле ваше желание – что-то Другое, и когда вам наконец дают то, о чем вы просили, вы все еще остаетесь озабоченными тем, что составляет ваше подлинное желание» (Миллер, 2004, с. 29). В самом этом несоответствии присутствует деяние бессознательного.

Выше мы ввели диалектику остроты, впервые подмеченную Фрейдом, согласно которой в остроте субъект получает меньше, чем потенциально возможное и обещанное удовлетворение, – поскольку ему приходится

довольствоваться лишь тенью, символическим эквивалентом реального объекта, – но одновременно, возможно, больше, поскольку обретает он, пусть даже на секунду, такое «иное», с которым ранее не имел дела и значения которого пока не представляет.

Не в точности это ли происходит и в анализе, где субъект, обращаясь к аналитику с «запросом», зачастую вполне конкретным, в итоге должен удовлетвориться тем, что анализ действительно может ему в его случае дать – что он смог из него в итоге извлечь? Почти всегда это оказывается «не тем», потому что не совпадает с первичным запросом, но значит ли это, что субъект не получил из анализа ничего или получил «меньше», чем мог рассчитывать?

Тем самым анализ не только «учит» субъекта обращаться со своей нехваткой, вызванной существованием симптома, но и сам выступает в роли того, что производит в субъекте нехватку. По итогам анализа субъект должен получить урок, что сам анализ тоже двусмысленен: в нем можно получить «не то» или «меньше», чем ожидаешь, но оно способно стать для субъекта в итоге самым необходимым – тем, что откроет для него поле его желания.

4. С работой остроумия аналитический процесс также роднит определенный символический порядок отправления присутствия анализанта на сессиях, где есть время говорить и молчать, когда говорит аналитик (порядок этот до некоторой степени напоминает о ситуации рассказывания анекдота, распределяющего роли между рассказывающим и слушающим). Так, Смулянский утверждает, что подобное чередование и является тем самым наиболее предельным законом, скрывающимся за инстанцией «отцовской метафоры», которую сам Лакан полагал чрезвычайно важным элементом, отвечающим за психическое функционирование структур субъектного желания: «Выступая там, где закон и запрет уже не служат для метафоры отца оболочкой, та в своем структурно очищенном пределе предстает в виде регулятора передачи полномочий другому. Теперь ты, твоя очередь действовать» – вот что, по сути, она говорит, учреждая особый порядок вещей, с одной стороны, основанный на чередовании, принцип которого заложен в инстанции означающего, а с другой – открывающий субъекту к этой очередности доступ (Смулянский, 2019, с. 264).

Продолжая мысль Смулянского, можно сказать, что именно это в анализе и происходит, поскольку на самом принципиальном своем уровне – уровне, обрамляемом сеттингом, устанавливающим отношения анализанта с желанием аналитика, а также со своим собственным желанием, – анализ учит субъекта *чередовать и чередоваться* с Другим в вопросах отправления желания как такового.

Таким образом, все, что мы можем сказать об анализе субъекта, можно сказать из анализа остроумия. Анализ структуры остроумия дает возможность проанализировать и структуру субъекта, так как в своем анализе он структурно устроен и функционирует как сама острота. Представляя собой сгущение нескольких означающих в одно новое означающее хорошо сделанная работа остроумия может быть сравнима с окончанием анализа, если рассматривать его, аналогичным образом, как конденсацию серии

знакомых, повторяющихся и болезненных означающих в новое означающее. В анализе анализируемый, принося аналитику свои истории, в конце сгущает их в то, что Жаком Миллером названо «le bien dire d'un Witz», хорошо сказанное остроумие (Миллер, 2004, с. 18–19).

Остроумие, таким образом, оказывается чем-то большим, нежели отдельная психическая способность или особенность функционирования субъекта в минуты веселья. Напротив, в лице работы остроумия перед нами указание на впечатляющую, масштабную структуру, охватывающую все, что «привязывает» субъекта к языку, к говорящему Другому и к разнообразным поворотам судьбы, которые взаимодействие с этим Другим в жизнь субъекта может принести. Именно остроумие делает возможным взаимодействие с тем, кто под маской «знающего Другого» позволяет субъекту делать свой анализ и в итоге нечто из него извлечь. Возможным это становится потому, что лингвистическое устройство говорящего субъекта, срабатывая как акт остроумия, оказывается конгенитальным, совозможным психоаналитической работе. Без всякого преувеличения можно утверждать: все, что мы способны сказать об анализе субъекта, проистекает из анализа остроты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинары. Т. 2. М.: Гнозис, Логос, 1999.
2. *Лакан Ж.* Изнанка психоанализа. Семинары. Т. 17. М.: Гнозис, Логос, 2008.
3. *Лакан Ж.* Образования бессознательного. Семинары. Т. 5. М.: Гнозис, Логос, 2002.
4. *Лакан Ж.* Работы Фрейда по технике психоанализа. Семинары. Т. 1. М.: Гнозис, Логос, 2009.
5. *Лакан Ж.* Тревога. Семинары. Т. 10 (1962/1963). М.: Гнозис, Логос, 2010.
6. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996.
7. *Миллер Ж.-А.* О новом, введение в семинар V Жака Лакана // Московский психотерапевтический журнал. 2004. № 3.
8. *Смулянский А. Е.* Желание аналитика и метафора Отца: сексуация и ее преобразование в анализе. М.: ВШЭ, 2019.
9. *Фрейд З.* Автопортрет // Собр. соч.: в 26 т. ВЕИП, 2005. Т. 2.
10. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: Азбука, 2015.
11. *Brill A.A.* (1911). Freuds Theory of wit. Journal of abnormal Psychology.
12. *Hook D., Calum N., Stijn V.* (2022). Reading Lacan's Écrits: From «Logical Time» to «Response to Jean Hyppolite». Routledge.
13. *Pluth E.* (2008). Signifiers and Acts: Freedom in Lacan's Theory of the Subject. State University of New York Press.

Wit and its structure in psychoanalytic treatment

S. A. Ovsyannikova

Ovsyannikova Svetlana A., Ph.D. Sigmund Freud Institute, Vienna, MSc. Vygotsky Institute of Psychology, psychoanalytically psychotherapist, ASu (Austria).

Freud bequeathed a vast number of topics and concepts to psychoanalysts. Some of them are directly related to clinical technique, so it is not surprising that they are regularly used and constantly developed in practice – such concepts as transfer, defense and repression. Other concepts, however, were the topic of separate studies by Freud, which at first glance do not have a practical application, and are usually of more interest to philosophers and non-practicing intellectuals.

This work investigates the concept of wit, which in this sense has an intermediary nature – it is usually seen as a highly interesting and profound area of Freud's research, which however lacks a connection with clinical practice and therapy of neuroses. This article aims to correct this perception and show that wit can play a prominent role in analytical therapy.

Keywords: structural psychoanalysis, function of the wit, psychoanalytic treatment, signifier, scarcity.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психоаналитическое мышление в бизнесе как предикт эффективных решений – в свете бионианской концепции мышления и размышлений об «О»

В. А. Сидевич, Е. В. Олесова

Сидевич Владислав Александрович – психоаналитически ориентированный бизнес-консультант, психодинамический организационный консультант, ментор и коуч; магистр психологии (НИУ ВШЭ); член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO); член Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК).

Олесова Екатерина Вячеславовна – психолог, психотерапевт, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант; член совета и сертифицированный коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК); член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Бизнес – это всегда про принятие решений в условиях неопределенности. Самая точная математическая модель позволяет строить лишь аппроксимации будущего на основе того, что наблюдалось в прошлом. Но описать будущее и дать гарантию того, что оно будет точь-в-точь соответствовать прогнозу, не может ни одна модель. Всегда сохраняется многовариантность и неопределенность будущего, которая порождает тревогу. При этом успешность бизнеса напрямую зависит от качества и скорости принимаемых решений, от их эффективности. Сам же процесс принятия решения, согласно концепции мышления Биона, задействует не только логическое (сознательное) мышление, но и эмоциональное (бессознательное) мышление, которое иницирует и завершает процесс принятия решения, а также сопровождает его в промежутке между началом и концом. В данной статье исследуется влияние аспектов бессознательного на эффективность принимаемых бизнес-решений.

Ключевые слова: бессознательное, мышление, эффективность принятия решений, тестирование реальности, мастерство, спонтанность, игра, контейнер, контейнируемое, альфа-функция, альфа-элемент, К-связь, контактный барьер, онейрическая мысль, прекоцепция, концепция, символ, смысл, внутренний конфликт, бета-элемент, бета-экран, «О», интуиция.

Читая сейчас эти строки, вы видите буквы, понимаете, что это буквы русского алфавита, и автоматически настраиваетесь на усвоение информации на русском языке. Затем соединяете увиденные буквы в слова (прочтение отдельно взятых слов уже вызывает у вас какие-то ассоциации, образы), далее слова, пробелы и знаки пунктуации между ними вы объединяете в клаузу (словосочетание или простое предложение), эту и предыдущую клаузу соединяете в часть предложения и, дойдя до точки, объединяете прочитанные клаузы в законченное предложение. Из прочитанного, в зависимости от вашего предыдущего опыта, вы извлекаете для себя определенный смысл. По мере прочтения этого абзаца с точки зрения сознательного может показаться, что бессознательное «мигает» и проявляется только в моменты автоматической настройки на русский язык, появления ассоциаций, образов и смысла прочитанного. Но ваше бессознательное существует и в момент появления смысла, и в момент восприятия слов, и во все другие моменты «мигания». Оно существовало и до того, как вы начали читать эти строки, и до момента, как вы научились говорить, и до момента вашего рождения (Фрейд, к примеру, писал: «Между внутриутробной жизнью и началом младенчества существует гораздо большая непрерывность, нежели позволяет предполагать бросающаяся в глаза цезура акта рождения»), оно существовало в каждый момент времени вашей жизни! Прочитав предыдущее предложение, можно увидеть, что наше сознание воспринимает реальность скорее фрагментарно, используя для упорядочивания своего опыта такие абстракции, как «момент времени», «периоды времени между ними», интервалы «до» и «после». Но бессознательное существует как в рамках, так и за рамками этой фрагментарности, оно – вне времени. А учитывая, что оно существует в любой сколь угодно малый отрезок времени, то это значит на языке математики, что оно обладает свойством непрерывности.

Как же бессознательное проявляет себя? Матте-Бланко говорил, что «в конце концов не удастся найти ничего, что позволило бы четко и аккуратно различать эмоции и бессознательное... Вывод... таков, что если и имеются различия между эмоцией и бессознательным, то они еще не определены» (*Matte-Blanco*, 1988, p. 88). Боулби считал, что эмоции отражают **мгновенный анализ и оценку состояния** не только внешней среды, но и одновременно внутреннего физиологического и психологического состояния организма. Таким образом, эмоция одновременно включает в себя данные экстерорецепции, телесных функций, воспоминаний, ожиданий будущего и состояния собственных отношений субъекта с другими людьми. Несмотря на приблизительность и поверхностность, частую неполноту и ошибочность по сравнению с пошаговым аналитическим мышлением, такое видение внутреннего и внешнего мира обладает быстротой и эффективностью, недоступными логическому мышлению. Согласно Матте-Бланко, бессознательное не подчиняется обычным правилам формальной логики, которая руководствуется принципом непротиворечивости и асимметрии. Оно руководствуется принципами обобщения и симметрии, би-логикой (Рейнер, 2020). Разберемся в этом подробнее.

Вся сознательная, или логическая, мыслительная деятельность имеет дело с объектами, которые некоторым образом отличаются друг от друга, и отношениями, существующими между такими объектами, например «мгновение А предшествует мгновению В». Если же изменить порядок вещей, то новое предложение не будет иметь смысла (или будет иметь совсем другой смысл), если не будет изменено отношение. Такое отношение называется **асимметричным**, поскольку обратное отношение между этими объектами не идентично ему. Асимметрия мышления каждую секунду изобилует сознательной мыслью. Однако существуют некоторые отношения, обратные к которым совпадают с исходным, например «А тождественно В». Такие отношения называются **симметричными**. Как в первом, так и во втором примере соблюдается **принцип непротиворечивости** (бивалентная логика «или-или»): если предложение истинно, то его отрицание не является истинным, то есть «либо С, либо не С, но не то и другое вместе». Более широко принцип симметрии гласит, что всякий раз, когда «А» имеет определенное отношение к «В», то «В» может иметь такое же отношение к «А». Так, например, если применить принцип симметрии к утверждению «Мария – мать Анны», то мы получим следующее утверждение: «Анна – мать Марии». Здесь принцип непротиворечивости нарушается, но в эмоциональных переживаниях это можно встретить часто.

Принцип симметрии несовместим с понятиями времени, пространства и движения. Действительно, если мгновение «А» предшествует мгновению «В» и принцип симметрии выполняется, то мгновение «В» предшествует мгновению «А» и мы сталкиваемся с безвременьем. Если же точка «А» в пространстве предшествует точке «В» и принцип симметрии выполняется, то точка «В» также предшествует «А» и возникает беспространственность. Далее, движение, являющееся изменением положения в пространстве и времени, исчезает, когда принцип симметрии имеет место, поскольку пространство и время тоже исчезают.

Еще одно следствие действия принципа симметрии (когда оно присутствует) – целые объекты воспринимаются как идентичные составляющим их частям. Например, если целый объект «С» включает в себя части «с», то асимметричные (пространственно-временные) отношения между ними будут выглядеть как «С» включает в себя «с», а «с» включается в «С». Но при симметрии мысль об этом отношении примет следующий вид: «С» включает в себя «с», «с» включает в себя «С». Пространство внутри объекта «С» устраняется. Когда происходит симметризация внутри определенной категории или класса эквивалентности, то элементы, входящие в эту категорию или класс, становятся одинаковыми во всех отношениях (одинаковость, эквивалентность и подобие – все это симметричные отношения). Поиск в теории множеств математического эквивалента «часть = целое» привел Матте-Бланко к Кантору, который открыл, что подмножество эквивалентно целому множеству, только когда множество бесконечно (Рейнер, 2020). Одним определением бесконечного множества может быть рассмотрение этого множества как коллекции, умоглядное перечисление элементов и членов которой не имеет конца,

то есть когда перечисление ничем не ограничено. Например, множество целых и подмножество четных чисел эквивалентны. Бесконечность может быть ограниченной или охватываться конечной границей. Например, точка может занимать бесконечное число положений внутри сферы с диаметром в миллионную часть миллиметра, при этом число таких сфер может быть бесконечным.

Психологическим аналогом этого, возникающим при столкновении с бесконечным множеством, является переживание безграничности – чего-то, что не имеет ни конца, ни границ, ни сужения, ни контроля, в чем отсутствует отрицательная обратная связь. **Переживание бесконечности** появляется в отсутствие отрицательной обратной связи или управляющей функции, когда устанавливающая предел функция, например управляющий элемент «Супер-Эго», ослаблена или по какой-то причине утрачена. Кроме того, бесконечность может возникать в условиях положительной обратной связи, «увлеченности самим собой». Всеведение, очевидно, основано на бесконечности. Если же предел признается, тогда возникает отрицание и концепция становится ограниченной по охвату и грандиозности мысли. Определенная симметрия играет роль в любом нормальном классификационном акте ума.

Таким образом, бессознательная область – это пространство смешанной логики (би-логики), состоящее из элементов асимметричной логики, которые «плавают» внутри пространства, управляемого принципом симметрии. Некоторые аспекты бессознательного процесса все еще могут вести себя асимметрично и сообразно с двузначной логикой, при этом в других аспектах могут господствовать симметрия и совпадение с обратными значениями.

Очевидно, что бессознательное может проявлять себя как на предварительной, так и на конечной стадии процесса логического мышления. Оно может инициироваться пугающей, любопытной или неприятной общей оценкой. Окончание мыслительной последовательности также отмечается эмоцией. Аффективная оценка завершает последовательность удовлетворением, триумфом, экстазом, восторгом, оргазмом или мрачным провалом. В промежутке между началом и концом оценивать состояние мыслительной последовательности будут другие эмоции. Таким образом, в каждый момент времени наше **мышление** задействует не только сознательное и логическое мышление, но также и бессознательное, **би-логическое мышление**.

То же самое относится и к бизнесу. Было бы ошибкой заявлять, что в бизнесе решения принимаются исключительно на основе логики. Основной причиной для этого являются многовариантность и неопределенность будущего. Чтобы событие было предсказуемым, должна быть известна связь между настоящим и будущим (таковым является осознание асимметрии). Но самая точная математическая модель позволяет строить лишь аппроксимации будущего на основе того, что удалось наблюдать в прошлом, однако описывать будущее со стопроцентной гарантией совпадения не может ни одна модель. Учитывая, что ресурсы в бизнесе так или иначе ограничены (будь то компетенции, временной,

финансовый или вычислительный ресурс), о стопроцентной гарантии результата говорить не приходится вовсе. И пока сохраняется состояние непредсказуемости, уверенное предсказание невозможно ни в какой момент времени. Психологически непредсказуемость порождает как симметризацию, так и опыт переживания бесконечности. В опыте чувство бесконечности переживается как мутное пятно, «белый шум» или как полная тьма. Сознание не может вмещать себя много симметрии, так же как не может в полной мере овладеть бесконечностью. Идеи бессознательны (и, возможно, предсознательны) не потому, что они являются эмоционально неприемлемыми и потому вытесненными, а просто в силу характера самой их структуры. Например, переживание эмоции – это наибольшее приближение того, что мы получаем сознательно, представляя себе некоторое бесконечное множество. Что происходит, если сознание оказывается неспособным вместить в себя много симметричных сущностей? Требуются инструменты всех видов, в частности, такие, какие используются во сне, чтобы многомерным симметризациям можно было дать хоть какое-то сознательное представление. Это выглядит так, что сознание здесь и там выбирает кусочки аморфной массы симметризованности и придает им некоторую, пусть даже фантастическую, упорядоченность во времени и пространстве. Оно ведет себя как при преобразовании симметричного существа во что-то, что создает впечатление наличия симметрии. Самое большее, чего может достичь человеческое сознание (являющееся по своей природе аналитическим), сводится к последовательному вхождению в него бесконечных измерений симметричного существа. Сознание может иметь дело лишь с тремя-четырьмя аспектами одновременно. «Это похоже на то, как людская толпа проходит через узкую дверь, – они это могут делать только по одному» (Рейнер, 2020, с. 213). Одна причина связана с актом вытеснения (в более общем виде – защиты), необходимым для того, чтобы удерживать сознательное переживание невыносимой тревоги на расстоянии и вдали от сознания. Другая причина касается структурных соображений, а именно что сознание не в состоянии справиться с массивированной симметрией, возникающей в каждый конкретный момент времени. Именно поэтому оно не может справляться с бесконечностями, присутствующими на глубоких, более обобщенных уровнях чувствования-мышления, на уровне невытесненного бессознательного. Сознательные эмоции – это мерцающие признаки того, что остается скрытым. Можно даже сказать, что в значительной степени невытесненное бессознательное может быть предсознательным, если его проблески удастся частично осознать. Симметрия является проявлением психического неделимого модуса чистого бытия (понятия «неделимый», «гештальт» или «целостный» будут здесь одинаково уместны), тогда как асимметрия является следствием делимого модуса активного становления (здесь также можно говорить «разделенный», «дифференцированный» или «аналитический»). На симметризованных уровнях пространство и время заморожены, движение отсутствует, это – состояние чистого бытия, которое феноменологически полностью отлично от становления. Матте-Бланко предлагает считать, что симметричные и асимметричные

модусы взаимодействуют на социальном, межличностном или внутреннем уровне, но их ядра никогда не встречаются и не воздействуют друг на друга (Рейнер, 2020).

Неопределенность и многовариантность будущего, а также невозможность до конца оценить все возможные последствия принимаемого решения не могут быть полностью восприняты сознанием (в силу их многомерности или потому, что они бесконечны), но могут давать последовательные намеки на свое присутствие. Таким образом, сознательная мысль может в какой-то мере расширяться, включив в себя, найдя смысл и приняв во внимание эти намеки. Если перегруженный симметризациями симметрично-асимметричный гибрид ощущается стоящим слишком близко к сознанию, то это вызывает очень сильную **тревогу**. В бизнесе тревога распределена неравномерно и зависит как от индустрии и размера компании, так и от занимаемой роли. Так, например, в крупном бизнесе ни у владельцев, ни у топ-менеджмента обычно нет полномочий для единоличного принятия важных решений для компании. Генеральный директор может разработать концепцию или бизнес-идею, но прежде, чем воплотиться в жизнь, она должна быть подтверждена различными расчетами (включая расчеты экономических, репутационных и юридических рисков) и «куплена» владельцами и членами совета директоров. Покупка крупной компанией другой компании также не может приниматься единолично. Подготовка к принятию такого решения обязательно должна включать в себя подтверждение цифрами и как минимум пройти процедуру *due diligence*. Чем больше компания, тем тщательнее все просчитывается. Такой подход позволяет защитить бизнес от катастрофических последствий решений, принятых единолично в эмоционально нестабильном состоянии, за счет того, что вся ответственность не концентрируется вокруг одного человека, а перераспределяется среди определенного круга лиц (ключевых бенефициаров, мажоритарных акционеров и членов советов директоров). В компаниях меньшего масштаба, например в среднем бизнесе, подобные схемы встречаются реже, ответственность концентрируется вокруг все более узкого круга лиц (например, партнеров). Принятие единоличных решений становится наиболее распространенным среди компаний малого и микробизнеса. Рядовые наемные сотрудники на разных уровнях организации также испытывают тревогу, связанную с первичной задачей, но ее интенсивность конечно же по определению меньше, чем топ-менеджеров или владельцев, бизнесменов.

Как же сохранять ясность ума при наличии внешних неблагоприятных, фрустрирующих факторов и обстоятельств? Этому способствует **альфа-функция**, которая наделяет разум способностью к субъективности и позволяет ему иметь личную реакцию на эмоциональные происшествия. Чтобы лучше разобраться в этом конструкте Биона, обратимся к рассуждениям Джоан и Невилла Симингтонов, а также на бионианский труд Леона Гринберга с соавторами (Симингтон и др., 2010; Гринберг и др., 1998) и другие переведенные и непереведенные работы Биона и постбионианцев

(Бион, 2018; Ферро, 2006, 2007; *Bion*, 1984, 1991; *Grotstein*, 2018; *Pistiner de Cortiñas*, 2009, 2013; *Oldoini*, 2018; и др.).

Итак, загадочная альфа-функция. Она перерабатывает эмоциональный опыт, включая всю информацию из внешних и внутренних источников, в альфа-элементы. Эти элементы хранятся в памяти и по своей форме подходят для того, чтобы стать **символом**. Во время сновидений они извлекаются из памяти и используются в виде зрительных образов и слуховых и обонятельных впечатлений. В состоянии бодрствования они используются бессознательным мышлением для обогащения сознательной мысли. Воздействуя на тревожное переживание, альфа-функция делает его доступным для ассимиляции психикой, позволяя трансформировать его в образы сновидения, а затем абстрагировать в мысль. И далее, Фрейд говорил, что задержка удовлетворения желания вызывает фрустрацию, терпеть которую позволяет мысль. Став преградой между желанием и действием, мысль также позволяет выработать какие-то средства, которые позволят более эффективно вынудить окружение дать желаемое удовлетворение (Симингтон, 2010). Бион нашел эти идеи Фрейда весьма полезными при рассмотрении психотической части личности человека, которая ненавидит психическую реальность и поэтому противостоит любому движению к становлению мышления. Психотическая часть не может терпеть фрустрацию и пытается справиться с психическим напряжением за счет эвакуации этой нетерпимости через проективную идентификацию в психосоматические или ипохондрические симптомы, в перцептивные галлюцинации или в действие. Такие нетрансформированные чувственные впечатления и эмоциональные переживания, которые сложно держать в уме, Бион назвал бета-элементами. Эти элементы являются замкнутыми (насыщенными, полными) и представляют собой не мысли, а вещи-в-себе (которые Кант определяет как нечто непознаваемое в объекте), для которых характерно отсутствие различий между живым и неживым, субъектом и объектом, внутренним миром и внешним, символом и тем, что этот символ представляет. Альфа-функция – это то действие в **непсихотической** части личности, которое каким-то образом позволяет выделить из эмоционального опыта значимые аспекты, необходимые для эмоционального развития. Ферро писал, что помимо сновидений наше сознание посредством альфа-функции прodelывает непрерывную работу по каталогизации всех получаемых сенсорных стимулов и протоэмоций. В итоге этих операций формируются альфа-элементы, которые выстраиваются в последовательность и продуцируют **онейрическую мысль** (Ферро, 2006).

Качество альфа-функции у человека закладывается еще в младенчестве и зависит от взаимодействия пары мать–дитя. В ходе этого взаимодействия плачущий младенец посредством проективной идентификации проецирует свои «плохие» части (включая страх смерти) на мать. Свою проекцию младенец сопровождает чувствами зависти, враждебности и жадности. Если мать понимает и принимает внутрь своей психики чувства своего ребенка, то она путем фантазирования («мечтания»)

нейтрализует проецируемый страх смерти и возвращает обратно младенцу его проекцию в более выносимой форме (в виде альфа-элемента). Младенец интроецирует этот опыт переработки своих «плохих» частей. Накапливаясь в первые месяцы жизни, этот опыт приведет к появлению интернализированной «хорошей пары», в которой метаболизирующая мать будет являться контейнером, а различные эмоциональные переживания ребенка – содержимым. Сформируется альфа-функция, которая с высокой вероятностью позволит ребенку развить в себе такой тип личности, который будет создавать аппарат для обдумывания мыслей и контактный барьер. Со временем ребенок сможет учиться из опыта контакта со своим внутренним миром и внешней реальностью и строить гипотезы, и выводить концепции, понятия, словарь и язык.

Если же мать тревожно реагирует на чувства своего ребенка, то воспринятая ею проекция не будет очищена от страха смерти, но будет лишена значения зависти, враждебности и жадности. Младенцу вернется безымянный ужас, от которого его психика будет стараться избавиться путем все того же самого механизма проективной идентификации, но на этот раз уже более свирепо. Младенец интроецирует этот виток опыта. Если в следующий раз матери все же удастся очистить проекцию от страха смерти и вернуть ее младенцу в более выносимой форме, то младенец интроецирует и этот виток опыта. Накапливаясь в первые месяцы жизни, подобный опыт сформирует альфа-функцию, которая будет иногда терпеть неудачу в продуцировании альфа-элементов и тем самым затруднять развитие типа личности, который будет создавать аппарат для обдумывания мыслей и контактный барьер. Способность к научению через опыт станет возможной, когда психика будет способна выдержать господство принципа реальности, и эта способность будет тем выше, чем будет прочнее контактный барьер.

В случае сильно нарушенной матери (или психотического ребенка) проекция будет всегда возвращаться в виде безымянного ужаса. Психика ребенка будет пытаться избавиться от этого ужаса через проективную идентификацию, но цикл будет повторяться снова и снова. С каждым новым циклом свирепость эвакуации бета-элементов будет только нарастать. В результате интроецируемый опыт взаимодействия сформирует такую альфа-функцию, которая практически всегда будет терпеть неудачу в продуцировании альфа-элементов. Вместо создания аппарата для обдумывания мыслей ребенок разовьет в себе такой тип личности, который будет непрерывно эвакуировать бета-элементы через проективную идентификацию.

Перефразируя слова Фромма, все решения принимаются, исходя из двух видов совести: авторитарной и гуманистической. Первый вид **заставляет соответствовать** тому, чего от человека ожидает его ближайшее окружение и общество в целом. Типичный образец предполагает наличие определенного статуса, уровня дохода, семьи, дома, детей, круга друзей. Социум «давит» через значимых людей: жена грустно вздыхает каждый раз, когда садится в старый автомобиль, школьный приятель

зовет на финансово неподъемные курорты, сокурсник разместил новый пост в социальной сети, чтобы похвастать очередной высокой должностью. В рамках этой «потребительской корзины», конечно, допускаются варианты, но в целом набор более или менее универсален. Для того чтобы оправдать ожидания близких и социума, человек включается в гонку за пресловутым успехом, не обращая внимания на свои внутренние потребности. Второй вид – это **внутренний голос**¹, который побуждает следовать собственным принципам и устремлениям, иногда вопреки желаниям окружающих. Если человек отступает от веления второго вида совести, то он сразу чувствует неблагополучие. Вроде все нормально, но не оставляет какое-то смутное беспокойство – пропал азарт, интерес к жизни, ничего не хочется, нет ощущения полноты жизни. На языке психоанализа это означает, что бессознательные влечения не находят адекватной разрядки. Продолжительное систематическое игнорирование внутренних импульсов может привести к выгоранию, депрессии и соматизации. Подобрать адекватную разрядку может помочь **мышление**², но если прежде оно руководствовалось преимущественно авторитарной совестью, то теперь ему нужно трансформироваться таким образом, чтобы учитывать еще и веления гуманистической совести. По своей сути эти веления связаны с **эмоциональной правдой**.

Но что такое эмоциональная правда? Пытаясь сознательно рассуждать об этом, мы будем всегда сталкиваться с нехваткой возможностей языка ухватить истинное значение этого определения. «Лексика и модели, которые мы обычно используем, происходят по большей части из описания неодушевленных предметов и поэтому дают обманчивое представление о психической реальности» (Симингтон, 2010, с. 132). Пока мысль об эмоциональной правде не выражена, она сосуществует с мыслителем, не придя еще с ним в контакт, она является идеей без формы, не выраженной в виде доказательства «чего-то». Но, будучи сформулированной, она включается в отношение «контейнер – содержимое» и становится ограниченной, а значит, ложной по сравнению с «абсолютной истиной». Эта истина представляет собой психическую реальность человека, для обозначения которой Бийон предложил использовать символ «О». Приближение к «О» не происходит через обычные органы чувств, его нельзя пощупать, услышать или увидеть, познание происходит путем психического роста через **интуицию** (которую Фрейд определял как «чувственный орган для восприятия психических свойств»), **абстрагирование** и «подвергается как **преобразованию движения**, так и преобразованию проекции, которые

¹ «Ни в коем случае чужие мнения не должны заглушать ваш собственный внутренний голос. И самое главное – наберитесь мужества, чтобы следовать зову собственного сердца и своей интуиции» (Стив Джобс).

² Фрейд в своей работе «Положения о двух принципах функционирования психики» пишет: «Мышление приобрело свойства, благодаря которым душевный аппарат мог сохранять повышенное возбуждение на период задержки процесса разрядки».

приводят к возникновению представлений, символов, новых понятий и формул³» (Гринберг, 1998, с. 64).

Для каждого типа преобразований существуют свои **инварианты** (то есть свойства или отношения, которые остаются неизменными). Так, в качестве примера инварианта для **преобразования движения** могут выступать слова, которыми обмениваются собеседники, разговаривающие на одном и том же языке. Говорящий преобразует свои мысли в слова, а слушающий извлекает из этих слов смысл того, что подразумевается. В области математики, инвариантом для преобразования движения может выступать отношение между двумя величинами. Например, при преобразовании зрительного образа окружности на оси координат с радиусом 1 и центром в точке 0 в абстрактную репрезентацию, описываемую алгебраическим уравнением $x^2+y^2=1$, у которой отсутствует зрительный образ геометрической фигуры, отношение между величинами x и y остается неизменным. Перемещение и вращение – суть преобразования движения – сохраняет углы и размеры фигур. Преобразование движения преобладает в той части непсихотической личности, в которой, например, инцестуозные желания вытесняются, а будучи осознанными, вызывают страх кастрации.

Примером инварианта для **преобразования проекции** может быть паталогическое расщепление и проективная идентификация. В области геометрии инвариантом для преобразования проекции может быть отношение между точками на поверхности трехмерной фигуры при ее проекции на плоскость. Проецирование и сечение – суть преобразования проекции – сохраняют точки и линии, но преувеличивают и деформируют («гиперболизируют») углы и длины. Преобразование проекции обнаруживается в той части психотической личности, в которой, например, преобладают зависть и жадность.

Кроме преобразования движения и преобразования проекции Бион также выделяет **преобразование в галлюциноз**, которое в большей степени имеет отношение к психотической части личности. Сам по себе термин «галлюцинация» может включать в себя так называемые «продуктивные» галлюцинации (зрительные, слуховые, осязательные и так далее (заимствовано из психиатрии)), а также другие феномены (например, «мимолетные и исчезающие как дым» галлюцинации, «невидимые» галлюцинации). Этот вид преобразования связан с «катастрофой», с невозможностью найти контейнер, который бы смог переработать «безымянный ужас» бета-элементов. Для лучшей иллюстрации этой «катастрофы» Бион приводит аналогию с «медико-биологической моделью хирургического шока, при котором капилляры настолько расширяют пространство, в котором циркулирует кровь, что пациент фактически течет к смерти в своих собственных тканях» (Гринберг, 1998, с. 56). Продукты или фрагменты трансформации в галлюциноз изгоняются через органы чувств

³ Важно помнить, что абсолютная реальность не преобразуется, преобразуется только мышление.

(в виде зрительных, слуховых, осязательных и других галлюцинаций) или через мышцы. Невозможность найти контейнер, который бы смог контейнировать фрустрацию от контакта с внешней реальностью, заставляет такого человека уходить в собственную галлюцинаторную реальность, которая не признает ограничения внешней реальности и в которой он становится богом.

Связи между людьми (впрочем, как и между частями личности одного человека) вызывают эмоциональные переживания. Бийон выделяет шесть категорий связей: L (love), H (hate), K (knowledge) и отрицательные значения к ним L-, H-, K-. Для **опыта познания «О»** Бийон использует такую эмоциональную связь, как **K-связь**. Пребывание в K-связи влечет за собой боль, связанную с фрустрацией, внутренне присущей познанию. Способность к абстрагированию (тесно связанная с негативной способностью) помогает эту боль выдерживать, поскольку процесс абстрагирования позволяет обобщать и преобразовывать эмоциональный в опыт в абстрактную формулировку, которая затем может быть использована для осознания, научения и дальнейших открытий. Матте-Бланко считает, что бессознательное часто перескакивает к обобщению и что определенная форма абстракции является основой, присущей бессознательным процессам, которые связаны с классифицирующей деятельностью и которые ищут сходства между вещами: «Система бессознательного перерабатывает индивидуальное (личность, объект, понятие) так, словно это член или элемент множества или класса, включающего в себя другие члены; она рассматривает этот класс как подкласс более общего класса, а тот более общий класс – как подкласс еще большего общего класса и так далее» (Matte-Blanco, 1988). При этом K-связь не стоит путать с пребыванием в процессе получения информации о ком-либо или о чем-либо, так как сбор фактов будет лишь способствовать избеганию эмоциональных отношений и препятствовать эмоциональному опыту познания. Обладание интеллектуализированной информацией о себе – это далеко не то же самое, что познание себя через опыт переживания своих аспектов в отношениях с кем-либо. Философ не сможет достичь самопознания, если будет абстрагировать сенсорные данные, относящиеся только к внешней реальности. Ему также нужно будет абстрагировать сенсорные данные, которые относятся и к внутреннему эмоциональному опыту.

Сил, противостоящих пониманию эмоционального опыта, бесчисленное множество как в обществе, так и внутри самого индивидуума. Эти силы, в их выражении в отношениях, могут быть представлены отрицательными значениями связей: L-, H- и K-. Если одна из этих отрицательных связей доминирует, то процесс познания и научения через эмоциональный опыт переживания останавливается и обращается вспять, грозя уничтожить опыт, который уже был наполнен смыслом. Когда мы можем говорить о **неудаче альфа-функции в формировании контейнера**, который бы «вмещал» в себя отторгаемые эмоции, это всегда (или чаще всего) эмоциональное переживание «-K» – переживание, ощущаемое невероятно огромным и мощным. Неспособность сформировать содержимое, которое бы смогло вытерпеть период ожидания контейнера, привести к

устойчиво ощущаемому движению в сторону избранного факта, может повлечь за собой отрицательное отношение контейнер – содержимое, которое не приемлет формирования символа. И мы вслед за Бионом можем говорить, что -К-связь ведет к состоянию, где смысл и эмоция активно лишаются жизненности и, как следствие, открытие и развитие становятся невозможными. Результатом пересечения мысли и мыслителя в -К-связи будет в некоторых случаях быстрое разрастание обмана как барьера от правды. Возникает бесконечная ложь, курсирующая в человеке по замкнутому кругу. И даже тогда, когда реальность требует истины, истинная мысль вновь сталкивается с «-К» и... она снова лишается своих существенных качеств и преобразуется в ложь. Человеческая способность терпеть правду о самом себе очень уязвима. Истина является источником боли, и желание познания никогда не может быть полностью удовлетворено. Поэтому тенденция к уклончивому действию является сильной, и разум всегда готов пойти на обман, чтобы противостоять этой боли.

Итак, наличие сильной альфа-функции позволяет трансформировать тревогу (или ее часть) в альфа-элементы, которые могут быть переработаны аппаратом мышления и позволят принять более взвешенное решение, чем моментальное, но при этом бездумное отреагирование. Но в условиях рыночной конкуренции кроме **качества** принимаемых решений важна еще и **скорость** их принятия. По сравнению с сознательным мышлением бессознательное мышление конечно же обладает наибольшей скоростью «реакции». Конечно, само по себе бессознательное мышление будет хуже справляться, к примеру, с решением чисто бухгалтерских или финансовых задач, где в первую очередь важна последовательность и непротиворечивость цифр. Но в творческих задачах (например, связанных с разработкой новых продуктов или услуг) или задачах, касающихся взаимоотношений (например, с коллегами, сотрудниками, бизнес-партнерами и клиентами/заказчиками), бессознательное мышление кроме высокой скорости может также обеспечивать и высокое качество принимаемых решений. И здесь возникает правомерный вопрос: разве маленький мальчик, который еще только научился ходить и говорить, может в полной мере принимать и нести ответственность за решения на уровне генерального директора крупной корпорации или владельца крупного бизнеса? Попытаемся ответить на этот вопрос с точки зрения теории мышления Биона.

Обдумывание для Биона обозначает два процесса, являющихся совершенно различными: существует обдумывание изначального непонимания, на место которого приходят мысли, и обдумывание уже существующих мыслей для вывода, обобщения, «избранного факта». Для последнего обязателен аппарат для обдумывания – аппарат мышления. В его формировании принимают участие два основных механизма, которые действуют вместе и абсолютно равнозначны. Первый представляется динамическим отношением между **содержимым** и **контейнером** (в том числе контейнирующим объектом). Второй представляется как колебание между **параноидно-шизоидной** и **депрессивной** позициями. Кляйн описывает параноидно-шизоидную позицию как состояние ребенка, который, испытывая воздействие внешней реальности и тревоги, вызываемой его

инстинктом смерти, использует для своей защиты механизмы диссоциации, отрицания, всемогущества, идеализации и проективной идентификации. Результатом является диссоциация: распад объекта на идеализированный и наказывающий объекты. В далекозашедшем случае эти механизмы могут привести к ситуации полного рассеивания и фрагментации Эго и объектов (расщепление). В депрессивной позиции имеет место процесс интеграции описанной диссоциации, с неизбежным чувством амбивалентности. Моменты депрессивной интеграции существуют также и в параноидно-шизоидной позиции. И Блон, в отличие от Кляйн, не разделяет их, а концептуализирует моменты дезинтеграции и интеграции в виде **непрерывного** колебания между этими позициями (взглядами на ситуации) и символически обозначает это отношение с помощью символа $PS \leftrightarrow D$. По его мнению, именно это «верно пойманное» колебание приводит к состоянию возможности избранного факта. **Избранный факт** – это эмоция или идея, которая связывает то, что было рассеянным, и вносит порядок в беспорядок. Избранный факт – это чувство, идея, базирующаяся на истинном понимании связей между элементами мыслей, событий, ситуаций, обозначение эмоционального опыта, это макро- или микроинсайты, это – эврика...

Чтобы далее развить свою мысль в сторону бизнеса, уместно привести пример из книги Симингтонов – пример, элементы которого мы далее будем использовать как метафору. Симингтон приводит иллюстрацию избранного факта в виде истории Архимеда. Ему необходимо было выяснить, присутствуют ли в подаренной его покровителю золотой короне примеси более низких металлов. Он знал удельный вес золота, но не знал объема короны со всеми ее сложными украшениями. Расплавить корону он тоже не мог. Продолжая искать решение этой задачи (то есть находясь в поисках подходящей реализации), он, пребывая в один день в банях, погрузился в воду и внезапно осознал, что объем его тела равен объему вытесненной воды. Теперь он знал, что когда опустит корону в воду, то она вытеснит количество воды, равное ее объему, и он сможет решить поставленную перед ним задачу. Его акт прозрения произошел в момент перехода от зрительной реальности (а именно своего тела и воды) к психической реальности (а именно к объему), где вытесненная вода и тело занимают одинаковый объем.

Вернемся к первому механизму, который предполагает, что мысли развиваются от более простых до более сложных и абстрактных и что существует определенная иерархия мыслей. На самом низком уровне этой иерархии находится примитивная матрица, состоящая из бета-элементов, которые представляют собой сочетание психического и материального. Когда для элементов этого уровня (содержимого) находится контейнер и эмоциональная атмосфера способствует росту, то контейнер и содержимое соединяются, происходят психический рост и переход на следующий уровень иерархии. Если на следующих уровнях эмоциональная атмосфера также способствует росту и находится контейнер (преконцепция), способный контейнировать элемент нового уровня (реализацию),

то процесс повторяется. Если же на каком-то уровне взаимодействие между контейнером и содержимым происходит в негативной атмосфере, то возникает процесс, обратный росту. Таким образом соединение контейнер-содержимое активно. Если эмоциональная сфера негативна, то эта активность становится деструктивной. И наоборот, если эмоциональная сфера способствует росту, то эта активность становится интегрирующей. Соединение контейнера (преконцепции) и реализации (содержимого) сопровождается процессом абстрагирования, который одновременно и связывает вместе явления по определенным качествам, и выделяет их из хаоса событий. В этом процессе наименование (преконцепция) может связывать явления так, чтобы не дать им рассыпаться, а реализация может придавать этой связке смысл. Или же смысл может рождаться из связывания воедино ненасыщенного элемента (преконцепции) и соответствующей реализации. Результатом такого связывания является концепция, которая передает идею новой жизни с каждым новым уровнем иерархии. В качестве яркой иллюстрации такого связывания и перехода на следующий уровень иерархии можно привести пример из древних времен, когда еще не было идеи количества предметов, а были только понятия «много» и «мало». Переходом на следующий уровень иерархии стало появление идеи о числе как о свойстве объединенных вместе предметов. Например, «5» было свойством руки, но самостоятельного числа 5, как следующего уровня абстракции, пока еще не существовало.

В попытке сделать истину зримой Блонн разработал свою известную Таблицу (табл. 1). На вертикальной оси Таблицы он отобразил иерархию мыслей от более простых к более абстрактным. На горизонтальной оси для каждого уровня иерархии он отобразил множество способов использования соответствующих мыслей. Первые шесть способов относятся к аналитической сессии, но также могут быть адаптированы и к бизнес-контексту. Так, колонка 2 отвечает за появление чего-то, что может способствовать раскрытию истины (например, появление нового смысла существования бизнеса для его владельца). Колонка 3 отвечает за хранение мыслей и фактов и обеспечение доступа к ним тогда, когда это понадобится. Колонка 4 представляет собой состояние ума, в котором появляется способность воспринять «избранный факт». Колонка 5 отвечает за активное исследование, например, глубин собственной личности в попытке извлечь непризнанные чувства и мысли или рынка конкурентов. Колонка 6 отвечает за выбор, например, между тем, чтобы принять бизнес-решение и дать ход дальнейшему развитию гипотезы или отбросить эту гипотезу и признать ее несостоятельной. Каждый из вышеописанных способов использования мыслей требует отказа от немедленного удовлетворения чувственных потребностей (включая галлюцинаторный способ). Это требование принципа реальности, с одной стороны, порождает ярость и обиду, но, с другой стороны, по мнению Блонна, возможность эмоционального роста является достаточно весомой мотивацией для психики. Использование мышления для рассуждения и размышления об этом позволяет контейнировать ярость и обиду и высвободить ресурс для одного или нескольких способов использования мыслей. В итоге если

Таблица 1

Таблица Биона

	Определяющая гипотеза 1	ψ 2	Обозначение 3	Внимание 4	Исследование 5	Действие 6	...n
A β-элементы	A1	A2				A6	
B α-элементы	B1	B2	B3	B4	B5	B6	...Bn
C Мысли сновидения, сновидения, мифы	C1	C2	C3	C4	C5	C6	...Cn
D Преко- цепция	D1	D2	D3	D4	D5	D6	...Dn
E Концепция	E1	E2	E3	E4	E5	E6	...En
F Понятие	F1	F2	F3	F4	F5	F6	...Fn
G Научная дедуктив- ная система		G2					
H Алгебра- ические вычисления							

личность бизнесмена вместо эвакуации фрустрации задействует мышление для того, чтобы удержать мучительное переживание в уме и осмыслить его, то это позволяет модифицировать процесс мышления, предоставить определенное контейнирование мучительному переживанию, сделав его менее невыносимым, и в результате модифицировать фрустрацию.

Связь между контейнером и содержимым может быть комменсальной, симбиотической или паразитической. При **комменсальной связи** эмоции служат тому, чтобы раскрыть способности индивидуума изобретать языковые формы, которые затем помогают эмоциональному развитию. Так что язык и эмоции располагаются на обогащающей спирали развития (например, эмоциональное переживание может породить поэзию,

а последняя может обогатить эмоциональное развитие). Маленький ребенок может иметь и развивать определенные фантазии на тему того, каково это быть генеральным директором или владельцем крупного бизнеса (например, смотря на своего отца). В качестве примера такой ситуации в психоаналитической работе можно привести инфантильную сексуальность, которая является некоторой «истиной» о пациенте, но которую психоаналитики не открывают. Но контейнер, который у него может быть сформирован на основании его эмоционального опыта, будет слишком мал для того, чтобы в полной мере осмыслить те вызовы и задачи, которые стоят перед руководителем. Таким образом с этой мыслью ребенок может находиться только в комменсальной связи («мысль без мыслителя»), при которой не происходит того развития мышления, которое бы ожидалось от взрослого опытного профессионала. Попытка же «наильно впихнуть» взрослую огромную по размеру мысль в маленький контейнер ребенка приведет к тому, что мощности контейнера не хватит для того, чтобы нейтрализовать всю токсичность содержимого. Контейнер лишит содержимое всех его свойств проникновения, а содержимое лишит контейнер всех его восприимчивых свойств. Образуется **паразитическая** отрицательная связь контейнер – содержимое (-К-связь, описанная выше), при которой научение через эмоциональный опыт и развитие мышления будут невозможны. Для того чтобы описать происходящее внутри индивидуума при паразитической связи, Бион использует аналогию взаимоотношений внутри групп. Новая идея (содержимое) приходит через мистика, который находится в прямом контакте с запредельной реальностью, с Богом. Правящие круги, в чьих руках сосредоточена власть (контейнер), не просто стремятся свести к нулю любые возможности установления прямого контакта между обычными людьми и Богом, но и угрожают подавить идеи мистика. Мистик в ответ угрожает взорвать систему власти (Симингтон, 2010).

Полноценное развитие мышления у ребенка будет происходить при **симбиотической связи**, когда контейнер ребенка будет находить такую мысль из подмножества мыслей о том, «каково это быть владельцем или руководителем», которая будет «подходить по размеру» и соединившись с которой мышление перейдет на свой следующий виток развития. Именно поэтому, когда речь идет о решении большой и сложной задачи или проекте, с которыми невозможно справиться за один присест, то одним из возможных подходов может стать «**есть слона по частям**». Так, для ребенка одним из вариантов разделения взрослой задачи «быть руководителем бизнеса» может стать следующая последовательность блоков действий: (1) опыт разработки алгоритмов и программ на простых языках программирования, (2) опыт ведения команды одноклассников или друзей для совместной разработки мобильных приложений, (3) опыт поиска и привлечения клиентов и реализации для них проектов, (4) опыт взаимодействия с подрядчиками и партнерами. Таким образом, основное отличие взрослого от ребенка в данном вопросе заключается в наличии накопленного жизненного и профессионального опыта, который взрослый приобретает по мере своего развития и научения. Вспомним, как оно происходит.

Научение начинается с неосознаваемой некомпетентности, когда, например, у ребенка еще нет потребности водить автомобиль и он не ставит перед собой задачи научиться его водить. На этой стадии он еще не осознает того, что некомпетентен в вождении автомобиля, хотя бессознательные всемогущественные фантазии об этом у него уже могут быть. На следующей стадии осознаваемой некомпетентности юноша осознанно начинает мечтать о том, как было бы здорово самому водить автомобиль, как, например, его отец. Он узнает, что для получения водительских прав необходимо пройти теоретическую и практическую подготовку. На этой стадии он уже сталкивается с тем, что он не всемогущ, и осознает отсутствие у себя знаний и навыков. Далее, пройдя обучение в автошколе и первое время разъезжая на своем или папином автомобиле, в дорожной ситуации он вынужден часто вспоминать правила, чтобы принять решение о дальнейшем движении. Это стадия осознаваемой компетентности. После того как навык стал автоматическим, молодой человек уже не вспоминает правила езды, а выбирает оптимальный режим езды, исходя из внешних условий движения и параметров автомобиля. И это уже – неосознаваемая компетентность, то есть умение, которое поначалу многократно проходило через сознательное мышление и постепенно становилось частью бессознательного мышления. Чем больше практика вождения, тем лучше развита интуитивная способность предвидеть развитие ситуации на дороге и принимать решение по косвенным сигналам. Например, если, двигаясь в левом ряду в потоке движения, впереди идущие автомобили в отсутствие светофора начинают притормаживать перед пешеходным переходом, то возможно, что по нему переходит дорогу пешеход и что во избежание на него наезда нужно также притормозить.

То же самое справедливо и по отношению к бизнесу. Одних теоретических бизнес-знаний никогда не будет достаточно для успешного ведения бизнеса. Только когда знания пережиты в опыте, они становятся настоящими знаниями. Причем опыт включает в себя не только те решения и те действия, которые впоследствии привели к успеху, но также и ошибочные действия, которые впоследствии привели к неудаче. С точки зрения психики, **ошибка или неудача** в бизнесе – это негативно окрашенное эмоциональное переживание (негативная реализация, неудовольствие) вследствие переработки сенсорных данных (пока еще бета-элементов), являющихся по своей сути обратной связью от реальности в ответ на принятые решения и произведенные действия. Если непереносимость фрустрации, вызванной неудовольствием, слишком велика, то психика активизирует механизм уклонения и полученная обратная связь будет отторгнута. Извлечения урока из совершенной ошибки и обогащения существующего опыта не происходит. При повторении похожих ситуаций в будущем человек, скорее всего, будет «наступать на те же грабли». Если же непереносимость фрустрации не настолько велика, чтобы активизировать механизмы уклонения, но все же слишком велика, чтобы выдерживать господство принципа реальности, то человек развивает всемогущество в качестве заместителя сопряжения преконцепции или концепции с негативной реализацией. Это задеиствует допущение всезнания

в качестве заместителя научения из опыта при помощи мыслей и мышления. В результате не происходит психической деятельности различения между истиной и ложью. Всезнание замещает различие между истиной и ложью диктаторским утверждением, что вот это морально правильно, а то – неправильно. Допущение всезнания, отрицающее реальность, превращает мораль, возникающую таким образом, в функцию психоза (различие между истиной и ложью является функцией непсихотической части личности и ее составляющих). Как и в предыдущем случае, научения из опыта не происходит, мышление не развивается, сохраняется высокая вероятность «наступления на те же грабли» в будущем. И только когда психика способна выдержать господство **принципа реальности**, научение через опыт становится возможным. Бион отмечает, что способность к научению через опыт тем выше, чем прочнее контактный барьер, который можно рассматривать как часть психического аппарата, созданную альфа-функцией.

Кроме того, что контактный барьер защищает сознательное от бессознательного, он также защищает сознательное и бессознательное от «О». Гротштейн писал: «Оказывается, не того мы боялись – есть Реальное, непознаваемое "О" в нас, "сиротами которого мы являемся". Садистическое Супер-Эго, а также преследующие внутренние объекты, не дающие нам покоя, есть проекции собственных страхов и ужасов перед непознанным "О" в себе – преследующие демоны, созданные нами самими. По сути, это страхи самого себя, неизвестного, незнакомца в себе». «...Формы, которые принимают интернализированные объекты, теперь можно понимать как попытки схватить, удержать, объяснить и совладать с бессознательной безграничностью, хаосом, сложностью, бета-элементами, вещами-в-себе, Реальным». Что же в нас может противостоять такой грозной силе? Гротштейн говорит о мифопоэтической способности, мудрости бессознательной психики, которая и проявляет себя в бесконечных узорах сновидений, тем самым облегчая для нас тяжесть прожитого опыта. Эта способность позволяет признавать онтологическую реальность обоих миров – внешнего асимметричного сознательного и внутреннего бессознательного мира симметрии и бесконечности. Как сознательное, так и бессознательное независимо друг от друга исследуют «О» и информируют друг друга о своих находках (триангуляция в наблюдении «О»). Сновидение становится внутренним театром, на сцене которого разыгрываются импровизации с целью связать хаотические, фрагментированные элементы протопереживаний (предшественники переживаний), агломерации психотелесной и ментальной боли (бета-элементы). И из этого сырого исходного материала бета-элементов собираются и ткуются нарративы сновидения. Переработанные ошибки наделяются значением пиктограммы⁴ и также становятся частью этого нарратива и в свою очередь

⁴ Под пиктограммами Баррос подразумевает «перевод идей в образные и символические сцены... то есть очень раннюю форму психической репрезентации эмоциональных переживаний, являющуюся продуктом альфа-функции, создающей символы путем придания формы онейрическим мыслям».

открывают возможность к формированию новой прекоцепции с учетом полученного опыта (*Grotstein, 2018*).

Практика многократного принятия решений, учет принципа реальности и способность учиться на собственных ошибках развивают **мастерство**, при котором все больше и больше процессов раздумий переводятся из сознания в бессознательное, делая их автоматическими, разгружая сознание от мыслей в ходе обретения мастерства и сокращая усилия и время, необходимые для принятия решений. С развитием мастерства также развивается и интуиция, позволяющая еще в состоянии прекоцепции по еле уловимым внешним и внутренним сигналам подсвечивать те реализации, которые с высокой вероятностью будут приводить к концепциям с позитивными реализациями.

Здесь мы наблюдаем ситуацию, когда внутренние стимулы удовлетворяются и находят свое внешнее выражение в состоянии, близком к тому, когда вторжение внешних импульсов вызывает минимальное напряжение. Это состояние близко к состоянию **спонтанности**, которая находит выход у детей, но которая преимущественно подавляется во взрослой жизни. Спонтанность не накапливается и не сохраняется, она появляется, чтобы быть потраченной «здесь и сейчас», уступив место следующим проявлениям. Спонтанность предполагает способность человека быть самим собой, чувствовать себя в контакте с самим собой, проявлять себя естественно в разных жизненных ситуациях. Она всегда связана с креативностью, интуицией, игрой, способностью импровизировать в новых ситуациях. Достижение спонтанности всегда сопряжено с чувством огромного удовольствия, радостного ощущения к жизни. Способность соприкоснуться со своей спонтанностью придает человеку большую харизматичность. Один из самых известных исследователей спонтанности Морено описал следующие независимые формы выражения спонтанности: драматическая форма (оживление уже состоявшихся действий, мыслей, чувств, слов); творческая форма (созидание новых идей, поведения, произведений и т. п.); оригинальная спонтанность (придание новой формы уже существующему); адекватная реакция (правильно выбранное по времени, форме, направленности и интенсивности поведение).

Кроме «внутренней пользы» выражение спонтанности также является признаком достоверности и живости, которые являются фундаментом для установления доверительных отношений между акционерами, партнерами, подчиненными, клиентами, между людьми. Наиболее отчетливо это видно в материнско-детском поведенческом выражении привязанности, например в расстройстве, возникающем, когда вместо обычно ожидаемых живых телодвижений (которым присуща спонтанность) человек демонстрирует неподвижность, то есть вносит предсказуемость. Так было в нескольких исследованиях младенцев, когда мать, счастливо играя с ребенком, в какой-то момент неожиданно замирала и переставала реагировать, тогда в первый момент ребенок выглядел озадаченным, но уже через несколько секунд приходил в полное смятение. **Игра** должна обеспечивать накатывание и откат волн предсказуемости и неопределенности. Без некоторой доли спонтанности игра прекращается и превращается

в принуждение, которое в лучшем случае скучно, а в худшем даже может обнаружить аутистические черты, которые вызывают еще большую тревогу. Когда предсказуемость исчезает, игра превращается в травму. Если мать неожиданно убирает игривость своей мимики в общении с младенцем, то возникает дистресс. Абсолютная предсказуемость сводит с ума; полная непредсказуемость вселяет ужас. Чтобы оставаться социальными «животными», люди с младенчества должны настраиваться друг на друга, они должны быть чувствительными к непредсказуемости организма другого.

Следовательно, развивать и применять спонтанность в бизнесе можно и нужно в параллели с мастерством. Развитие спонтанности – это не путь к совершенству в привычном понимании, это путь к естественности. Более того, стремление к достижению окончательного совершенства увеличивает препятствия к достижению свободной спонтанности. Спонтанность, впрочем, как и мастерство, является проявлением бессознательного, проявлением определенной «глубины». Это в свою очередь означает, что эффективная деятельность бизнесмена или руководителя задействует не только сознательное и логическое, асимметричное мышление, при котором воспринимаются конкретные и четко определенные вещи и понятия (например, человек, материальный объект, контроль, точная мысль, относящаяся к конкретному факту, или абстрактное понятие), но также задействует определенную «глубину», на которой уже просматриваются симметризации, но которые пока еще хорошо разграничены и в значительной степени принадлежат сознательному уровню. С точки зрения стратифицированной би-логической структуры Матте-Бланко это означает, что деятельность бизнесмена или руководителя является эффективной, когда его мышление находится во втором слое.

Рассмотрим еще один фактор, который помогает бизнесмену справляться с тревогой. В работе «Недовольство культурой» Фрейд пишет о том, что принцип удовольствия побуждает нас становиться счастливыми. Но это бессознательное устремление идет вразрез с реальностью. Разрешить этот конфликт можно лишь в процессе художественной, интеллектуальной или трудовой деятельности, которая приносит моральное удовлетворение. Бизнес, несомненно, является результатом интеллектуальной деятельности, а если эта деятельность еще приносит и моральное удовлетворение, то для бизнесмена, в терминах Биона, она становится контейнером.

Конфликт принципа удовольствия и принципа реальности, опыт отношений со значимыми фигурами в детстве, опыт развития в социуме, опыт связывания и интуиции – все, что происходило в течение всей жизни бизнесмена, внесло свой определенный вклад в формирование его бессознательного. Не имея возможности самостоятельно разрешить свои бессознательные конфликты, бизнесмен тем не менее имеет возможность вынести эти переживания (эти «плохие» части Я) за пределы своего Я, обобщить и осмыслить их в виде символа. То «не-Я»-пространство, куда этот символ выносится, Винникотт называет «переходным пространством». Бизнес может выступать таким пространством для бизнесмена. Символ,

располагающийся в этом пространстве, будет, с одной стороны, обозначать понятие внешней реальности, а с другой – восприниматься бизнесменом как что-то интимное и обозначающее части его внутреннего мира. Эмоциональный опыт отношений с объектами может быть вынесен в это пространство и переосмыслен.

Клиенты являются важнейшей составляющей любого бизнеса. На архаическом уровне клиенты могут восприниматься бизнесменом как символическая мать, на которую он проецирует свои «плохие части» (например, переживания или противоречия) через предоставляемые продукты и услуги (через «переходное пространство»). Она (символическая мать) в свою очередь эти части воспринимает – клиенты потребляют продукты и услуги – и возвращает их ему в определенной форме. Например, в виде повышения или понижения уровня лояльности клиентов. Повышение клиентской лояльности можно охарактеризовать как повышение уровня интеграции между клиентами и бизнесменом (его приближение к D). К примеру, довольные клиенты могут рекомендовать продукты и услуги бизнесмена своим родственникам и друзьям, что в будущем может привести к повышению продаж и к определенному удовлетворению бизнесмена. Бизнесмен интроецирует этот эмоциональный опыт с положительной реализацией. И это в свою очередь приводит к рождению понятия (выход в D), позволяет ему выдвигать гипотезы и строить концепции, а также может сподвигнуть его на поиски новых способов переработки других своих «плохих частей» (например, за счет создания новых продуктов и услуг или повышения качества клиентского обслуживания). При этом полное слияние с клиентами невозможно, так как в этом случае границы между бизнесменом и символической матерью сотрутся. Значимый Другой, который помогает бизнесмену познавать себя, исчезнет, а вместе с ним исчезнет и возможность осуществлять К-связь. И наоборот, понижение лояльности обозначает большую дифференциацию между ними. Полная дифференция с клиентами будет означать полный разрыв с ними и разрушение бизнеса. Таким образом взаимоотношения бизнесмена с клиентами представляют собой PS↔D-осцилляцию, в которой дезинтеграция и интеграция напоминают связанную пару влечений к жизни и смерти бизнеса. Полная дезинтеграция с клиентами приведет к смерти бизнеса, так же как и полное с ними слияние. И только когда между интеграцией и дезинтеграцией будет достигаться динамический баланс (то есть когда дезинтеграция будет удерживать от полного слияния и, наоборот, когда интеграция будет удерживать от полного разрыва взаимоотношений с клиентами), бизнесмен будет способен выйти в D, вынести в переходное бизнес-пространство в виде личностно значимого символа свой бессознательный конфликт и переосмыслить его.

Бизнесмена, который занимается любимым делом, можно сравнить с художником, который сначала осваивает технику, отрабатывает навыки мастерства, которые уже являются достоянием культуры общества, он связан тысячью нитей с внешней средой, набирая тем самым некоторую «критическую массу», необходимую для запуска творческих процессов. Источником материала для художника является его внутренний мир,

а также и мир внешний – сама жизнь. Совершая определенные преобразования, осваивая инструментальные техники и выразительные средства, постоянно согласуя внутреннюю реальность с внешней, художник становится способным передать свое сущностное, личное содержание другим людям, обществу. Но он привносит в произведение нечто такое, что во внешнем мире еще не содержалось, а именно результат сущностного личностного преобразования (своего «О»). В творческом процессе художник творит из «переходной зоны», он ищет подходящие символы для выражения своих глубоких, сущностных переживаний, причем для него важно, чтобы эти символы можно было донести до зрителя, чтобы они могли передать движения души, которые двигали художником в процессе создания произведения.

Важно отметить, что бизнес сам по себе не позволяет разрешить внутренних конфликтов бизнесмена – это может сделать успешный психоанализ. Но, сняв внутренний накал страстей, психоанализ в то же самое время лишает бизнесмена стимула для его творчества. К примеру, поэт Рильке заявил, что не стал бы писать свою повесть о военной школе, если бы в то время Лу Саломе объяснила ему природу бессознательных сил, которые заставляли его эту самую повесть писать. По ее мнению, «успешный анализ может освободить художника от демонов, которые владеют им, но он же может увести с собой ангелов, которые помогают ему творить» (Эткинд, 1994, с. 30). Похожей позиции в своей практике придерживался и Фрейд. Однажды к нему с сильной головной болью обратился молодой поэт. Но вместо того чтобы проводить анализ, Фрейд посоветовал ему лечить головную боль лекарствами. Фрейд полагал, что анализ нарушил бы внутренний мир поэта и он бы перестал писать стихи (Боковиков, 1998).

Итак, бизнес объединяет в себе процессы внешней реальности и символы внутреннего мира бизнесмена. Но как происходящие *сегодня* внешние процессы отражаются во внутренних мирах представителей бизнеса? В качестве практического кейса, на котором мы можем рассмотреть описанные выше размышления, опишем актуальную ситуацию в мире и, в частности, в российской действительности.

С момента своего первого введения 1 августа 2014 года секторальные санкции в России ударили в первую очередь по возможности проведения финансовых операций, связанных с движением капитала: был введен запрет на торги и участие в выпуске ценных бумаг, срок обращения которых превышает 30 дней. Под действие санкций, ограничивающих доступ к технологиям, попало несколько десятков российских финансовых, нефтедобывающих и промышленных (главным образом работающих на обороноспособность страны) компаний. Например, со стороны стран Евросоюза был введен запрет на финансирование проектов ряда государственных компаний топливно-энергетического комплекса. С момента введения сроки действия санкций уже многократно продлевались, а списки компаний, находящихся под санкциями, уже неоднократно расширялись. При этом с точки зрения технологий всегда сохранялась высокая вероятность того, что любые товары и технологии будут расценены

в качестве продуктов двойного назначения вне зависимости от сферы производственной деятельности компании (исключения могли составлять лишь предприятия, основную сферу деятельности которых составляет предоставление услуг). Под термином «товары и технологии двойного назначения» понимают продукцию, обычно используемую в общегражданских промышленных целях, но при этом имеющую свойства, которые позволяют ее использовать при создании вооружения и в иных военных целях. Подобная трактовка существует практически во всех странах Запада и в России. Этот термин является отправной точкой для рассмотрения практически любых IT-технологий в качестве продукции двойного назначения, особенно если речь идет о реальном секторе производства, так или иначе связанном с промышленностью. Современные промышленные предприятия все шире внедряют информационные технологии в процессы, не только обеспечивающие производственную деятельность. Основные производственные процессы также испытывают влияние цифровой трансформации, и по всему миру можно наблюдать активное проникновение IT-технологий непосредственно в сферу материального производства. Безусловно, доля IT-технологий на фоне основных материальных ресурсов, необходимых для обеспечения производственной деятельности, мала, но нельзя недооценивать сложившуюся степень влияния даже этой небольшой доли на такие основные факторы производственной деятельности, как непрерывность контроля технологического цикла, оперативное внесение изменений в единую систему конструкторской документации, «масштабирование» таких изменений по производственным цехам и участкам промышленного предприятия и так далее.

До 22 февраля 2022 года мировым лидером по количеству санкций был Иран, но после этой даты Россия стремительно вырвалась вперед, оставив Иран и других «конкурентов в санкционном рейтинге» далеко позади (рис. 1).

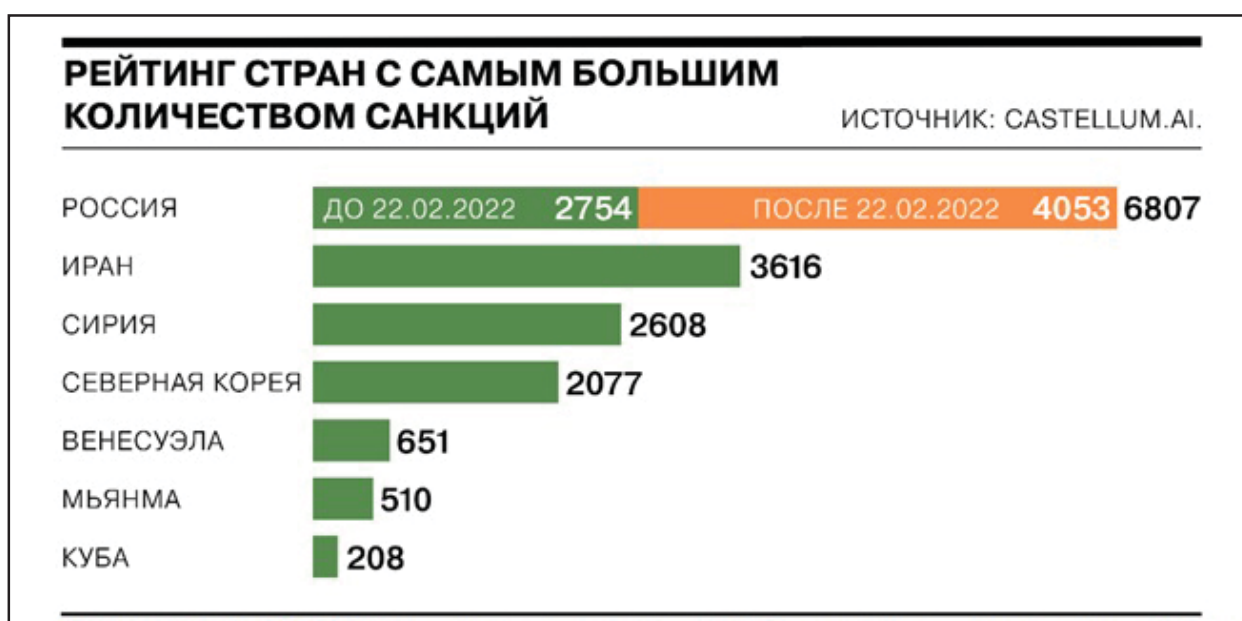

Рис. 1. Рейтинг стран с самым большим количеством санкций

Это событие стало полной неожиданностью для (большинства) людей. Оно открыло ящик Пандоры в масштабе всего мира. Подобно сейсмическим волнам, исходящим из эпицентра землетрясения, экономические последствия происходящего распространяются повсюду. Поскольку Россия является крупным поставщиком нефти, газа и металлов, текущее и ожидаемое сокращение предложения этих товаров уже привело к резкому росту цен на них. Больше всего пострадали Европа, Кавказ и Центральная Азия, Ближний Восток и Северная Африка, а также страны Африки к югу от Сахары. Повышение цен на продукты питания и топливо ударит по домохозяйствам с низкими доходами во всем мире, в том числе в Америке и Азии. По прогнозу Всемирного банка, в 2023 году ВВП России упадет на 3,6%. Снижение ВВП отражает влияние санкций, которые привели к разрыву торговых связей, значительному ухудшению внутреннего финансового посредничества и утрате доверия.

Возвращаясь к метафоре «бизнесмен как художник», можно сказать, что у художников отобрали кисти, краски и холст. И в ряде случаев ни краски, ни кисти, ни холст нельзя или крайне трудно достать. У художника забрали его средства самовыражения, при том что его внутренний конфликт никуда не делся. С одной стороны, не находя своего выражения, этот внутренний конфликт может провоцировать страх распада на части (страх нападения изнутри самости, страх аннигиляции). С другой стороны, нет понимания того, кто именно отобрал инструменты у художника. К тому же в последнее время агрессия на русских во всем мире возросла в разы. Возникает тревога преследования. Художник погружается в печаль, для него мир на архаическом уровне стал фрустрирующей «плохой грудью». В то время как прежняя «хорошая грудь» под влиянием либидо сосания переживалась целостной, «плохая грудь» переживается как распавшаяся на куски. В терминах Кляйн, художник находится в параноидно-шизоидной позиции (PS). Для того чтобы перейти в депрессивную позицию (D), ему, исходя из реальности, необходимо отнять все либидо, которым была инвестирована прежняя «хорошая грудь», и вернуть его Я. Если предыдущий опыт встреч с грудью позволил сформировать в психике художника понимание, что объекты чередуются (то есть за плохим объектом придет хороший), а не противопоставляются, то его мышлению становятся доступны категории длительности и отсутствия (фантазия о том, что объект есть, но не здесь) и у него есть шансы вернуть Я ранее инвестированное либидо и выйти в D. Хотя на подступах к этому переходу будет проявляться зависть, которая будет препятствовать построению стабильных отношений с хорошими внешними и внутренними объектами и разными способами размывать различия между хорошим и плохим. Соппротивление по изъятию либидо из прежней «хорошей груди» может быть настолько сильным, что может вызвать отход от реальности и глубокую регрессию с образованием галлюцинаторного психоза, который будет служить средством удержания прежней «хорошей груди». Но опыт интроекции хороших объектов в течение всей жизни художника будет способствовать связанности и интеграции его Я и противодействовать процессам расщепления и рассеивания Я от фрустрирующих

событий. Выход в D для него означает возможность испытывать смешанные чувства к объекту или событию, ощущать его (и себя) более цельным, познать категорию отсутствия как такового, появление способности интересоваться внешним миром и формировать новые отношения.

Конечно, не стоит питать иллюзии, что, один раз выйдя в D, художник остается в ней надолго. При усилении персекуторной тревоги и/или страха аннигиляции художник выйдет на новый виток PS, и цикл осцилляции $PS \leftrightarrow D$ начнется заново. Но достигаемые на каждом витке осцилляции избранные факты будут организовываться в так называемую «постоянную сопряженность». Называние этой постоянной сопряженности останавливает распыление входящих в нее элементов и придает ей определенную прочность (причем называние не обязательно должно быть вербальным – это могут быть пиктограммы, жесты и прочее). Депрессивные тревоги, связанные с потерей или сепарацией, также укрепляют постоянную сопряженность, поскольку в момент встречи с соответствующей фрустрацией в ней удерживается эмоциональный опыт, который позволяет эту фрустрацию выдерживать. Постоянной сопряженности (накопленному эмоциональному опыту) угрожает то, что Блон называет «катастрофическим изменением». Если это изменение происходит в K-связи, то оно не является угрозой, а, наоборот, приводит к развитию мышления. Но если это изменение происходит в -K-связи, то оно становится активным непониманием и впоследствии может привести к реальной катастрофе.

После 24 февраля нередко можно было слышать, как люди делают публичные признания о том, что им стыдно быть русскими, они виноваты в происходящем, и прочие комментарии, связанные с выставлением своего Я негодным, недостойным и вызывающим моральное осуждение. Их самоуничтожение направлено как на прошлое, так и настоящее. В терминах Фрейда в данном случае речь идет об «идеальных» потерях. То есть потеря вроде бы известна, но нельзя точно установить, какой именно объект был потерян (потеря недоступна сознанию). Похоже, что у таких людей Я расщепляется на две части: первая часть Я становится совестью, которая идентифицирует вторую часть Я с утраченным объектом и направляет свои упреки и ненависть на этот «новый» объект (тень объекта падает на Я). Это приводит к опустошению и обеднению Я. С точки зрения экономического подхода этот процесс выглядит следующим образом. Вначале объект был инвестирован субъектом, сформировалась привязанность к этому объекту, но после 24 февраля произошла утрата этого объекта. Привязанность к утраченному объекту должна была бы быть уничтожена через работу горя, а инвестированное в него либидо должно было бы быть перераспределено на новый объект привязанности. Но нового объекта привязанности найдено не было. Поэтому изъятое из утраченного объекта либидо было возвращено к Я и затем использовано для нарциссического отождествления части Я с утраченным объектом. Ненависть к отсутствующему объекту, «не-объекту», была перенесена на «новый» объект, которым стала часть Я. При этом старая привязанность (любовь) к утраченному объекту разрушена не была. То есть мы можем наблюдать конфликт между любовью и ненавистью к утраченному объекту, который

не нашел разрешения на сознательном уровне, а был трансформирован в конфликт между совестью и той частью Я, которая идентифицировалась с утраченным объектом. Такая трансформация свидетельствует о меланхолии. Таким образом «идеальные» потери приводят к меланхолии и серьезно осложняют как выход в D, так и появление нового смысла в условиях все продолжающейся нестабильности и неопределенности.

С задачей поиска нового смысла сталкивались и заключенные в концлагере Аушвиц. Мы приводим эти данные, которые, безусловно, далеко не являются аналогом текущей ситуации, не сравнимы по своей основной сути, но тем не менее в них прослеживается и очень наглядная гротескная форма вынужденности, скованности и неопределенности. В своей книге «Психолог в концлагере» Франкл выделяет три основные фазы в психологических реакциях заключенных: прибытие в лагерь, пребывание в нем и освобождение. Остановим свое внимание на первых двух.

Первая фаза характеризовалась «шоком прибытия». Лагерная элита с лоснящимися щеками была специально отобрана для того, чтобы из года в год встречать прибывающие в Аушвиц составы заключенных и изымать у них багаж со всеми находящимися там ценностями. Некоторые из вновь прибывших заключенных еще лелеяли надежду на то, что можно было бы себе оставить какую-нибудь памятную вещицу (по аналогии с бредом помилования, который появляется у приговоренного перед смертной казнью). Но когда в ответ на просьбу сохранить рукопись научной книги старый лагерник с гримасой полного пренебрежения порвал ее, сопровождая это самым популярным словом из лексикона заключенных «Дерьмо!», Франклу стало понятно, как именно обстоят дела в концлагере, и он подвел черту под всей своей прежней жизнью. Иллюзии продолжали рушиться и когда заключенные поняли, что им нечего терять, кроме своего тела, тогда для подбадривания друг друга и прежде всего себя они стали прибегать к черному юмору. Следующим механизмом защиты стало чувство некой объективизации, отстраненности, любопытства о том, что же будет происходить дальше.

После объявления о начале спецоперации большинство россиян также испытали шок. Разрывы цепочек поставок, запрет на проведение международных платежных операций и торговлю иностранными ценными бумагами на бирже, обострившаяся ненависть к русским за границей – все это привело к серьезному регрессу и утрате смысла происходящего.

На второй фазе психологических реакций заключенных в Аушвице регрессия продолжала усиливаться и характеризовалась внутренним опупением, безразличием и относительной апатией. Когда в душе что-то отмирает, реальность сужается и все мысли и чувства концентрируются на одной-единственной задаче: выжить! Причиняемая побоями телесная боль была не такой сильной, как возмущение против несправедливости. Так, например, во время работы на железнодорожных путях в сильную метель увидел, как Франкл остановился, чтобы высморкаться, посчитал это жестом отлынивания от работы и должен был бы применить дисциплинарное наказание. Но вместо этого он, как бы играя, подобрал камень с земли и бросил его во Франкла так же, как равнодушно привлекают

внимание какой-нибудь домашней скотины, напоминая о ее обязанностях. Вопреки полнейшему душевному оупению Франкла крайне уязвило то, что он не был удостоен даже бранного слова от конвоира за этот «проступок». Человека в концлагере больше всего угнетало то, что он вообще не знал, до каких пор он будет вынужден там оставаться, не существовало никакого срока!

Массовый уход иностранных компаний с российского рынка, сокращение работавшего в них персонала, рост уровня безработицы, наложение все новых и новых санкций... на сегодняшний день никто в мире не может дать прогноз, когда все это закончится и закончится ли вообще. Для большинства россиян все это сужает перспективу, углубляет регресс и создает предпосылки для перехода в режим выживания.

В то время как для большинства заключенных главным был вопрос, переживут ли они лагерь или нет, для Франкла бы интересен другой вопрос: «Имеет ли смысл само это страдание, эта смерть, постоянно витающая над нами? Ибо если нет, то нет и смысла вообще выживать в лагере». Поворотным моментом стало расширение взгляда на происходящее и занятие позиции по отношению к этой форме крайнего принудительного ограничения бытия. Речь шла о жизни в ее цельности, включавшей в себя не только смысл обыденной жизни, который давно уже был далек от того распространенного наивного взгляда, который сводит его к реализации творчески поставленной цели, но и смысл страдания и умирания. Оказалось, есть то, что до последнего вздоха нельзя отнять у человека, это – его внутренняя свобода. И каждый час лагерь предоставлял возможность выбора: отречься или не отречься от нее. Отречься значило превратиться в объект воздействия внешних условий, позволить им вылепить из тебя «типичного» лагерника. Но опыт показал, что душевные реакции заключенного не были всего лишь закономерным отпечатком телесных, душевных и социальных условий, дефицита калорий, недосыпа и различных психологических «комплексов». Оказалось, что у заключенного никто не может отнять право воспринимать страдание как нравственный труд и даже подвиг. Человек может осознать уникальность своего страдания: никто не может лишиться его этих страданий, никто не может испытать их вместо него. При таком взгляде человек перестает приуменьшать, приукрашивать или скрывать от себя («вытеснять») страдания, например путем дешевого, навязчивого оптимизма. Эта позиция многократно усиливается, когда в дополнение человек осознает свою ответственность перед другим человеком или перед делом, именно на него возложенным. Единственность, уникальность, присущие каждому человеку, определяют и смысл каждой отдельной жизни. Неповторим он сам, неповторимо то, что именно он может и должен сделать – в своем труде⁵, в творчестве,

⁵ «Что представляет собой человек, каким он становится, зависит в конечном итоге от дела, которое он сделал своим собственным» (Карл Ясперс).

в любви⁶. В этом случае смысл не совпадает с бытием, а идет впереди него и задает для него темп. Франкл продолжает: «Те, кто сохранил способность к внутренней жизни, не утрачивал и способности хоть изредка, хоть тогда, когда предоставлялась малейшая возможность, интенсивнейшим образом воспринимать красоту природы или искусства. И интенсивность этого переживания, пусть на какие-то мгновения, помогала отключаться от ужасов действительности, забывать о них. При переезде из Аушвица в баварский лагерь мы смотрели сквозь зарешеченные окна на вершины Зальцбургских гор, освещенные заходящим солнцем. Если бы кто-нибудь увидел в этот момент наши восхищенные лица, он никогда бы не поверил, что это – люди, жизнь которых практически кончена. И вопреки этому – или именно поэтому? – мы были пленены красотой природы, красотой, от которой годами были отторгнуты».

Что это значит для художника, у которого забрали средства самовыражения? Во-первых, пока он жив, у него есть возможность осознать, что во внешней реальности есть много событий, на которые он никак не может повлиять, и что он вправе испытывать крайне интенсивные негативные чувства по этому поводу, то есть пребывать в PS. Во-вторых, если у него есть дело, которое на него было возложено, его творчество, значит, смысл его жизни не утерян, утеряны только внешние средства. По этому поводу он также вправе испытывать негативные чувства и пребывать в PS, но наличие смысла в данном случае позволит ему приблизиться к D. Это позволит в его психике сформировать определенный контейнер, а понимание того, что у него намного больше возможностей и ресурсов, чем у узника концлагеря, этот контейнер только усилит. В результате сформируется прекоцепция, которая будет во внешнем мире искать наиболее подходящую альтернативу утраченным инструментам для творчества. Неподобающие реализации будут отбраковываться (например, ему могут быть чужды граффити или любой другой вид уличного искусства), но наличие смысла жизни через творчество будет поддерживать и придавать силы поиску до тех пор, пока подходящие инструменты самовыражения не будут найдены (например, он может найти единомышленников, которые уже находили способ, как справляться со схожей проблемой в нынешних условиях, и которые будут готовы с ним этим способом поделиться). Так в опыте художника сформируется концепция о том, что **внешние средства самовыражения являются взаимозаменяемыми, но не его внутренний мир, не его инвариант**. Следующая его прекоцепция уже может быть направлена на то, как выразить на холсте свои уникальные переживания от происходящего вокруг.

Схожий принцип применим и к бизнесу в России. Вначале ситуация с COVID-19 потребовала изменений модели обслуживания клиентов в ряде отраслей экономики (например, в сфере ресторанного бизнеса) и

⁶ Франкл писал: «В самой тяжелой из всех мыслимо тяжелых ситуаций, когда уже невозможно выразить себя ни в каком действии, когда единственным остается страдание – в такой ситуации человек может осуществить себя через воссоздание и созерцание образа того, кого он любит».

спровоцировала перевод части своих сотрудников на удаленный формат работы за счет усиленного использования современных (преимущественно зарубежных) технологий. Сегодня же ситуация требует пересмотра существующих договорных отношений с международными поставщиками и покупателями и изменения подходов к управлению финансами и резервами. Как в ситуации с COVID-19, так и в текущей ситуации если бизнес не успевает адаптироваться под новые условия, то владельцам либо его приходится продавать (зачастую по менее выгодной стоимости), либо закрывать в принципе. Оба варианта приводят к тому, что бизнесмен, с одной стороны, может испытывать агрессию из-за несправедливости внешней ситуации, в результате которой он уже понес финансовые потери или с высокой вероятностью понесет, а с другой – страх за себя, за свое благополучие и благополучие близких ему людей. Иными словами, он пребывает в PS. Бизнес-решения, принятые из этой позиции, априори будут неэффективными. Для принятия эффективных решений ему нужно найти способ выйти в D. И чем быстрее он это сделает, тем будет лучше для жизнеспособности его бизнеса. По сути, ему нужно максимально быстро отгоревать утрату, то есть изъять свое либидо из утраченного объекта, затем, используя энергию этого либидо, найти новое решение, которое позволит вывести его бизнес из-под угрозы (например, найти новую бизнес-модель, на которую он может перейти), и, наконец, инвестировать свое либидо в новое найденное решение и претворить его в жизнь. Относительно «быстро» с этим справится тот бизнесмен, который разрешил свой эдипов конфликт и который, согласно Фрейдю, «осознал ограниченность своих возможностей и в итоге свою смертность, что в дальнейшем обеспечило ему принципиальную возможность признать реальность смерти значимого объекта при утрате». Тот же бизнесмен, которому не удалось в полной мере разрешить свой эдипов конфликт, скорее всего, будет бессознательно ассоциировать бизнес с частью своего Я, «слипаться» с ним. И в моменты утраты, когда прежняя модель ведения бизнеса уже будет нежизнеспособна, бизнесмен может чувствовать, что теряет часть своего Я. Это усиливает тревогу аннигиляции и тем самым начинает сильнее удерживать бизнесмена в PS, не давая ему возможности «вынырнуть», то есть изъять либидо из «мертвой» бизнес-модели и осмотреться вокруг в поисках другой, жизнеспособной модели. На это уходит драгоценное время.

Как же эту утечку времени если не остановить, то хотя бы замедлить? Обращаясь к опыту Франкла, важным шагом будет осознание того, что что бы ни происходило вокруг во внешнем мире, внутренняя свобода остается тем, что до самой смерти нельзя отнять у человека. То, что происходит с внутренней свободой, когда человек умирает, нам не известно, так как очевидно, что это не поддается наблюдению и поэтому остается для нас тайной. Но пока человек жив, у него по умолчанию есть его внутренняя свобода. Если бизнесмену удастся пропустить эту идею через себя, то это уже само по себе позволит ему ослабить токсичность своего пребывания в PS и немного приблизиться к D. Но для окончательного перехода в D ему нужен смысл. Повторно обращаясь к опыту Франкла,

можно увидеть, что если человек занимается делом, которое «на него возложено», то у него априори есть смысл, который не совпадает с его бытием, а идет впереди него и задает темп. Таким образом, даже если бизнесмен не разрешил свой эдипов конфликт, но при этом он занимается делом всей своей жизни, у него есть все шансы для того, чтобы выйти в D и найти новую жизнеспособную модель для своего бизнеса. Если же бизнес не является для бизнесмена любимым делом, то возможно, что текущую ситуацию можно использовать для того, чтобы понять, нужен ли ему этот бизнес на самом деле.

Подводя итог, хочется вспомнить, что у внешней реальности нет смысла. Человек наделяет внешнюю реальность своими смыслами, которые создаются в его внутреннем мире в результате переживания эмоционального опыта модифицирования боли, связанной с фрустрацией, присущей познанию психической реальности (опыт переживания K-связи). Так же и бизнес: если, к примеру, смотреть на предприятие с позиции внешней реальности или с позиции стороннего наблюдателя, то, не зная контекста, мы увидим просто разрозненные объекты (вывески, здания, офисы, оборудование, людей и так далее), которые не будут никак и ничем связаны. Но в психической реальности владельца этого бизнеса репрезентации всех этих объектов внешней реальности связаны и наделены определенным смыслом.

Решение запустить и развивать свой собственный бизнес в каком-то смысле предопределяет поле тех событий, испытаний и связанных с ними эмоциональных переживаний и тревог (бета-элементов), через которые владельцу бизнеса предстоит пройти. Иными словами, «О» успешного бизнесмена предопределяет множество бета-элементов, с которыми бизнесмену придется столкнуться и научиться с ними справляться, чтобы быть успешным. Источников тревоги в бизнесе хоть отбавляй: и внутренние бессознательные конфликты, и неопределенность будущего, и давление социума, и так далее. Успешность бизнеса в современном мире напрямую зависит от качества и скорости принимаемых решений, от их эффективности. Процесс принятия решений задействует не только сознательное логическое мышление, но и эмоциональное (бессознательное) би-логическое мышление, которое инициирует и завершает процесс принятия решения, а также сопровождает его в промежутке между началом и концом. Эффективность решений в свою очередь зависит не только от уровня развития интеллекта бизнесмена или его мастерства, но и от его (негативной) способности длительное время выдерживать тревогу. Когда уровень тревоги находится на приемлемом для психики уровне, то мышление развивается и перед бизнесменом открывается возможность исследовать и находить наиболее оптимальные для его уровня развития бизнес-решения. Но если уровень тревоги зашкаливает, то психика активирует защитные механизмы и направляет если не все либидо, то большую его часть на поддержание работы этих механизмов до тех пор, пока уровень тревоги не опустится до приемлемого уровня. В эти моменты у бизнесмена не остается достаточно либидо для того, чтобы ясно мыслить,

и все, о чем он на сознательном уровне сможет подумать, будет связано с поиском способов полной или хотя бы частичной эвакуации тревоги, но никак не с поиском эффективного решения. Восстановление либидо после эвакуации тревоги (бета-элементов) не происходит мгновенно, на это может уходить определенное время, но именно это «упущенное» время может оказаться критическим для бизнеса. К тому же если таких эвакуированных бета-элементов будет слишком много, то есть риск того, что все вместе они образуют бета-экран, с которым контактный барьер бизнесмена будет не в силах справиться. В этом случае бизнесмен может решить: (1) закрыть или приостановить свой бизнес, чтобы какое-то время не соприкасаться с этими непреступными бета-элементами и за это время восстановиться и развить свою психику для нового рывка; (2) трансформировать модель своего бизнеса таким образом, чтобы изменить интенсивность поступления бета-элементов и/или их «сложность для переваривания» психикой (например, перейти в другую сферу, где его сильные стороны и навыки будут задействованы больше).

Таким образом, одним из условий эффективности решений, принимаемых в бизнесе, будет являться нахождение психики в таком состоянии, при котором защитные механизмы еще не начинают срабатывать, тревога не начинает эвакуироваться и происходит развитие мышления. Перефразируя в терминах контейнера – содержимого, эффективность принимаемых бизнес-решений зависит от способности контейнера бизнесмена полностью вмещать в себя (контейнировать) переживаемую тревогу, способствовать переходу мышления на новый виток своего развития и появлению новых смыслов. Причем здесь речь идет не только о внутреннем контейнере, характеристики которого зависят от качества альфа-функции, которая закладывается еще в младенчестве, но и о «внешних» контейнерах. Таковыми в том числе могут выступать и партнеры по бизнесу, которые могут брать на себя те задачи, для решения которых у бизнесмена либо нет компетенций, либо они недостаточно развиты (а значит, они будут источником дополнительной тревоги, если бизнесмен захочет тащить весь бизнес в одиночку), и бизнес сам по себе, и внешние психоаналитически ориентированные специалисты помогающих профессий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бион У. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2018.
2. Бион У. Элементы психоанализа. М.: Когито-Центр, 2018.
3. Бион У. Внимание и интерпретация. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2010.
4. Боковиков А. (общ. ред.) Энциклопедия глубинной психологии. Том I. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. М.: Когито-Центр, 1998.
5. Гринберг Л. Введение в работы Биона / Л. Гринберг, Д. Сор, Э. Т. Де Бьянчеди. М., 1998.

6. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Независимая фирма «Класс», 2015.
7. *Рейнер Э.* Логика бессознательного. Введение в труды И. Матте-Бланко. Би-логика и ее применение. Ульяновск: АО «Областная типография «Печатный двор», 2020.
8. *Савченкова Н.* Вера как акт, опыт, переживание // *Философские исследования современности.* 2015. Т. 4. № 1/2 (7/8).
9. *Симингтон Дж., Симингтон Н.* Клиническое мышление Уилфреда Биона. М.: Когито-центр, 2010.
10. *Ферро А.* Психоанализ: Создание историй. М.: Независимая фирма «Класс», 2007.
11. *Ферро А.* Клинические выводы из концепции Биона. *Международный журнал психоанализа.* 2006.
12. *Франкл В.* Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
13. *Франкл В.* Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
14. *Эткинд А.* Эрос невозможного: История психоанализа в России. М.: Гнозис; Прогресс Комплекс, 1994.
15. *Bion W.* *Cogitations.* London: Routledge, 1991.
16. *Bion W.* *Transformations.* London: Routledge, 1984.
17. *James S. Grotstein.* *A Beam of Intense Darkness: Wilfred Bion's Legacy to Psychoanalysis,* NY, Routledge, 2018.
18. *Lia Pistiner de Cortiñas.* *The Aesthetic Dimension of the Mind,* London, Karnac Books, 2009.
19. *Lia Pistiner de Cortiñas.* *Transformations of Emotional Experience.* *The International Journal of Psychoanalysis,* 2013.
20. *Maria Grazia Oldoini.* *Hallucinosi and reverie: Alice's pain and its transformations in the consulting room.* *IJPA,* 2018.
21. *Matte Blanco I.* *Thinking, Feeling and Being.* London and New York: Routledge, 1988.

Psychoanalytic thinking in business as a predictor of effective decisions – in the light of the Bion’s concept of thinking and reflections about “O”

V. A. Sidevich, E. V. Olesova

Sidevich Vladislav A., psychoanalytically oriented business consultant, psychodynamic organizational consultant, mentor and coach; master of psychology (National Research University "Higher School of Economics"); member of International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO), member of Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

Olesova Ekaterina V., psychologist, psychotherapist, psychoanalytically oriented business consultant; member Council and certified coach of Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), member of International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO).

Business is always connected with making of the decisions under the uncertainty. The most accurate mathematical model can only make approximations of the future, based on what has been observed in the past. But no model can forecast the future and guarantee that it will exactly match the forecast. Multivariance and uncertainty of the future always remains and generates anxiety. The success of the business at the same time directly depends on the quality and speed of the decision making, on its effectiveness. According to Bion’s concept of thinking the very process of decision making involves not only logical (conscious) thinking, but also emotional (unconscious) thinking, which initiates and completes the decision-making process, and accompanies it in between the beginning and the end.

This article examines the influence of aspects of the unconscious on the effectiveness of business decisions.

Keywords: unconscious, thinking, effective decision making, reality testing, mastery, spontaneity, play, container, contained, alpha-function, alpha-element, K-link, contact barrier, oneiric thought, pre-conception, conception, symbol, meaning, internal conflict, beta-element, beta-screen, «O», intuition.

Психобиография: некоторые размышления о кризисе жанра

И. Ю. Никитин

Никитин Илья Юрьевич – организационный психолог (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), магистр искусств интегральной психологии (Университет Джона Ф. Кеннеди, США), студент программы Микropsихоанализ Московского института психоанализа.

Данная статья посвящена краткой истории развития психобиографического метода исследования личности человека и эволюции техники интерпретации: от психиатрического подхода (Лелю, Мебиус) к психоаналитическому (Фрейд, Эрикссон, Хорни) в его различных вариациях. Автором рассматривается фундаментальная проблема метода и предлагается технический подход для ее разрешения.

Ключевые слова: психобиография, патография, психоанализ, психоистория, развитие личности.

Психобиография как техника или жанр анализа и интерпретации биографии исторической личности с позиций психологии (Головин, 2001) появилась в XIX веке и своим появлением обязана французскому психиатру и психофизиологу Л.-Ф. Лелю, издавшему в 1836 году исследование личности древнегреческого философа Сократа. Лелю, отталкиваясь от изречения философа, в котором последний отнес некому внутреннему божеству – гению или демону – роль катализатора всех своих мыслей, предположил наличие у Сократа галлюцинаций. Подход Лелю получил дальнейшее развитие в исследованиях немецкого невропатолога и психиатра П. Ю. Мебиуса, благодаря которому жанр психологической интерпретации биографии получил название патографии. В работах Мебиуса, посвященных Гете, Шопенгауэру, Шуману и ряду иных исторических личностей, патография стала методом описания жизни человека, сосредоточенным на истории его болезни, в определенном смысле сузившим рамки исследования с биографии в целом (психобиография) до психологического недуга в частности (патография).

Психобиографические и патографические исследования, таким образом, носят заочный или посмертный характер, что обуславливается удаленностью субъекта анализа от исследователя и его недоступностью для непосредственного изучения (Якушев, 2010). Следовательно, психобиографический и патографический анализ могут быть определены в качестве праксиметрических методов исследования¹ и относятся к герменевтическому подходу, реализующему принципы понимающей (объяснительной) психологии В. Дильтея².

Психобиографическое исследование с позиций психиатрии (Лелю, Мебиус) может быть сведено к идее, «что между помешанным во время припадка и гениальным человеком <...> существует полнейшее сходство» (Ломброзо, 2011, с. 29). Психиатрическая патография, таким образом, является изучением психических и личностных расстройств автора посредством анализа его художественных произведений (Жмуров, 2010) и своей целью ставит оценку личности человека в качестве психически больного (Блейхер, Крук, 1995). Стоит отметить, что на современном этапе развития научной мысли психиатрическая патография является достаточно редко используемым методом анализа и в качестве самостоятельного исследования встречается достаточно редко (Якушев, 2010), в западной психологии получив клеймо инструмента «социальной стигматизации» (Сироткина, 2011).

Существенные изменения психобиографический жанр исследования начал претерпевать только в начале XX века в связи с развитием психоаналитической теории З. Фрейда. Так, опираясь на выработанные Лелю и Мебиусом принципы исследования, фрейдистское прочтение биографии стало отдаляться от психиатрической базы и за теоретическую основу исследования приняло психоанализ соответственно. Естественным образом ко второй половине XX века исследования Фрейдом личностей Леонардо да Винчи и Ф. М. Достоевского утвердили психоаналитическое прочтение биографии в качестве основы для психобиографии в целом (Осипов, 1998). В это же время была сформулирована новая парадигма данного подхода, обозначившая период раннего детства и в особенности психосексуальное развитие личности в качестве основного предмета анализа психобиографии (Лейбин, 2010).

Психобиография с позиций психоанализа конечной целью поставила распознавание глубинных мотивов и душевных процессов посредством психоаналитического прочтения литературных текстов (Фрейд, 2010а). Соответственно, психоаналитическое психобиографическое

¹ Практиметрический метод исследования – исследование, в ходе которого «психолог не измеряет и не наблюдает актуальное поведение испытуемого, а анализирует дневниковые записи и заметки, архивные материалы, продукты трудовой, учебной или творческой деятельности» (Дружинин, 2008, с. 45).

² В. Дильтей предложил феноменологический подход, реализующий «не причинное объяснение душевной жизни человека, а понимание ее интуитивно переживаемой целостности и соотнесение с миром культурно-исторических ценностей» (Мещеряков, Зинченко, 2009).

исследование сфокусировалось на «анализе детства исторической личности и ее переживаний, связанных с инфантильным психосексуальным развитием, взаимоотношениями между ребенком и родителями, внутрипсихическими конфликтами, особенностями формирования характера, а также их последствиями» (Лейбин, 2010, с. 517)^{3, 4}.

В ходе работы над «Толкованием сновидений» (1897–1899) в письме В. Флиссу Фрейд писал об удовольствии, полученном им от прочтения романа «Судья» (1882) К. Ф. Мейера, и обещал вскоре прислать свои размышления по поводу прочитанного. В письме Флиссу, датированном 20 июня 1898 года, Фрейд сделал одну из первых попыток интерпретации художественного текста посредством психоанализа – попытку «анализировать семантическое пространство художественного текста как поле, на котором проявляются типологические черты личности автора» (Белянин, 2006, с. 33).

Одной из первых крупных психобиографических работ, поставивших целью рассмотреть психическое развитие личности в условиях невозможности выступления субъекта исследования в качестве анализанда, стала работа Фрейда, посвященная Леонардо да Винчи. Находясь в условиях практически отсутствующего биографического материала о раннем детстве да Винчи, Фрейд, соотнося имеющуюся информацию о жизни художника с дневниковыми записями последнего, предпринял попытку воссоздания последовательности развития его психики. Фрейд предполагал наличие тесной взаимосвязи между психикой автора и актом создания. В продукте последнего ученый видел «смесь работоспособности,

³ Психоаналитическая психобиография, реализуя задачу объяснения скрытых мотивов и недоступных для прямого анализа мыслей, расширяет рамки герменевтики Дильтея, оперируя уже не только осознаваемыми переживаниями, но и символическими константами (Дружинин, 2008). Сопоставляя Ю. Хабермас рассматривает психоаналитическое понимание (психоаналитическую психобиографию) в качестве глубинной герменевтики (Хабермас, 2007).

⁴ Отдельно стоит отметить, что написанная Фрейдом в соавторстве с У. Буллитом патографическая работа о двадцать восьмом президенте США В. Вильсоне стала очередной отправной точкой в эволюции развития психобиографии. Опубликованное исследование положило начало дифференциации психобиографии в системе научного знания как прикладного метода политической психологии, направленного на изучение ряда особенностей характера общественных деятелей – в первую очередь, на рассмотрение вопроса формирования лидерских качеств с точки зрения индивидуального развития в периоды детства и юношества (Василик, Вершинин, 2000). Параллельно с утверждением психоаналитического подхода к психобиографии, представителями которого стали помимо Фрейда Г. Ласуэлл и В. Вильфенштейн, в 1957 году началось очередное переосмысление данного вида исследований. В частности, У. Лангер предложил новую парадигму развития психобиографии, сделав ее интегративной с историей – таким образом было положено начало психоистории, сфокусировавшейся на «бессознательных механизмах поведения личности в контексте социальных и политических событий» (Василик, Вершинин, 2000, с. 134).

перверсий и неврозоз» (Фрейд, 2010б, с. 111). Анализируя текст с позиции психоаналитической теории личности, Фрейд писал: «Искусство своеобразным путем достигает примирения этих двух принципов (*принципа удовольствия и принципа реальности*. – Н. И.)». Художник – это <...> человек, отвращающийся от действительности, <...> он не в состоянии примириться с требуемым ею отказом от удовлетворения влечений; он открывает простор своим эгоистическим и честолюбивым замыслам в области фантазии. Однако из мира фантазий он находит обратный путь в реальность, преобразая <...> свои фантазии в новый вид деятельности <...> Таким образом, он становится <...> каким и хотел стать, избавляясь от необходимости действительного изменения внешнего мира» (Фрейд, 2006, с. 82–83). В свете данного взгляда на искусство Фрейд рассматривал любой, даже ограниченный в объеме текст в качестве достаточного источника сведений о его авторе, видя возможность, с использованием психоанализа, распознать глубинные мотивы и душевные процессы создателя (Фрейд, 2010а).

Сохраняя уверенность в возможности реконструкции этапов развития психики личности посредством психоаналитического прочтения текста, Фрейд признавал ограниченность данного метода, отмечая: «<...> даже имея в своем распоряжении самый широкий исторический материал, <...> психоаналитическое исследование <...> не может доказать необходимости того, что индивидуум мог стать только таким, а не иным» (Фрейд, 2010а, с. 420). В различных работах, посвященных психоаналитическому разбору художественных произведений, Фрейд неоднократно упоминал об узости избранного подхода к осмыслению личности автора; суммируя размышления ученого о природе творчества и процессе создания, В. М. Лейбин писал: «Психоанализу не дано раскрыть ни средства, которыми работает писатель, ни художественную технику, к которой он прибегает в процессе своей деятельности. <...> (Фрейд. – Н. И.) подчеркивал, что для некоторых из <...> (*проблем художественного творчества*. – Н. И.) психоаналитическое рассуждение дает удовлетворительное объяснение, в то время как по отношению к другим оно полностью отсутствует» (Лейбин, 2002, с. 11). Осознавая несовершенство психоанализа как метода изучения личности, удаленной от исследователя, Фрейд предвосхитил оценки современниками его работ в данном направлении^{5, 6}.

⁵ Неоднократно подвергнутый критике за бестактность в рассуждениях, Фрейд отмечал: «Когда психиатрическое исследование <...> приступает к одному из гигантов человеческого рода, оно <...> находит ценным для науки все, что доступно пониманию <...> и думает, что никто не настолько велик, чтобы для него было унижительно подлежать законам, одинаково господствующим над нормальным и болезненным» (Фрейд, 2010а, с. 370).

⁶ В. П. Белянин, рассуждая о работах Фрейда, писал: «В целом же отметим, что широкая дискуссия вокруг работ психоаналитического направления выявила в конечном итоге неуниверсальность трактовки сознания и подсознания, а также произвольность толкования смысла художественного текста» (Белянин, 2006, с. 20).

В ходе доклада, прочитанного в мае 1922 года в Цюрихе, К. Г. Юнг говорил: «И в самом деле, открытое Фрейдом направление медицинской психологии для историка литературы послужило новым толчком к установлению связи <...> художественного произведения с личными, интимными переживаниями писателя. <...> работа Фрейда позволяет более глубоко и исчерпывающе изучить влияние даже самых ранних детских переживаний на художественное творчество» (Юнг, 2007, с. 193). Следует при этом отметить, что Юнг крайне низко оценил полезность психоанализа художественного произведения, исходя из соображений, что данный метод в выводах бывает крайне бестактен, а в установлении закономерности соотношения «творец – творчество» ведет к «эстетической катастрофе». Юнг рассматривал подход Фрейда отдалающимся от своего объекта (непосредственно художественного произведения) и несущественным для искусства (Юнг, 2007) и был склонен отрицать возможность изучения личности автора посредством психоаналитического прочтения его текстов, считая, что необходимо отграничивать «блуждания в лабиринте психических предпосылок» и сосредотачивать интерес исследователя непосредственно на самом художественном произведении (Юнг, 2007)⁷. Ученый полагал, что «вопросы из сферы искусства, разрешимые для психологии, ограничиваются психическим процессом художественной деятельности и никогда не будут касаться внутренней сущности самого искусства» (Юнг, 2007, с. 187). Стоит при этом отметить, что, несмотря на то что Юнг упрекнул психоанализ текстового документа в том, что последний «ничем не отличается от <...> искусно нюансированного литературно-психологического анализа» (Юнг, 2007, с. 186), его подход по сути уподоблялся классическому литературоведческому анализу, рассматривающему художественный текст как «продукт национальной культуры, общественной мысли» (Белянин, 2006, с. 9).

⁷ В краткой аннотации к методу литературоведческого анализа Белянин делает ремарку: «Литературоведческий подход к тексту предполагает рассмотрение его как некоторой имманентной сущности, замкнутой на себя системы» (Белянин, 2006, с. 9), что игнорирует любого рода внутренние (то есть присущие автору) побудительные причины творчества. С учетом изложенного здесь видится важным привести мнение Фрейда о природе акта создания: «Если <...> личность обладает <...> художественным дарованием, она может выражать свои фантазии не симптомами болезни, а художественными творениями <...>» (Фрейд, 2010а, с. 42); так, одновременно с тем, что метод Фрейда Беляниным классифицировался как субъективистский, собственный подход последнего к литературным произведениям есть подход «<...> к индивидуальному, личностному взгляду на мир, <...> мировоззрению и мироощущению автора» (Белянин, 2006, с. 141). Акцент исследования, таким образом, ставится не только на произведении как образце культуры эпохи, но и на его сути в качестве проекции жизни и мироощущения автора – что, как следует из исследований Фрейда, неразрывно связано с личностными особенностями автора.

Психобиография, с течением времени претерпев процесс отмежевания от классического психоанализа, стала междисциплинарным подходом, сочетающим элементы фрейдистского и неопрейдистского психоанализа, ряда смежных наук (таких как психиатрия и психопатология), а также социальной психологии и политической психологии, восходящих к трудам Э. Эриксона в рамках психоистории (Петровский, 2005)⁸. В частности, исследования Эриксона были в первую очередь сфокусированы на политической сфере и ее выдающихся деятелях (в особенности на авторитарных лидерах). Сам ученый описывал развиваемый в своих работах подход как «изучение частной и коллективной жизни с использованием методов психоанализа и истории» (Фрейджер, Фейдимен, 2008, с. 209). Комментируя развитие данного направления, Р. Фрейджер и Д. Фейдимен отмечают, что Эриксон видел необходимость расширения интересов психоаналитика от непосредственно личности субъекта до всего имеющегося комплекса социальных отношений и деятельности субъекта в контексте возможностей и ограничений внешнего мира (Фрейджер, Фейдимен, 2008). В своих психобиографических работах (в числе которых исследования М. Лютера, М. Ганди, М. Горького, В. Вильсона, Т. Джефферсона) Эриксон опирался на выдвинутое им понятие идентичности – чувство непрерывности своего бытия как сущности, отличной от всех других (Райкрофт, 1995), – и на стадии человеческого развития⁹.

Следует отметить, что психобиографические исследования Эриксона подвергались критике за отсутствие соотнесения стадий развития с социокультурной и исторически сложившейся обстановкой той страны, продукт которой, человек, рассматривается (Фрейджер, Фейдимен, 2008). Намечившийся кризис методов психобиографического исследования привел исследователей к смещению акцента на изучение Я объектов своих исследований. Первые разработки в данном направлении датируются второй половиной 1930-х годов и восходят к трудам А. Фрейд. «До выхода в свет этой книги ("*Я и механизмы защиты*". – Н. И.) психоаналитическое мышление сосредотачивалось главным образом на Оно и инстинктивных влечениях. После ее появления и в теории, и в практике стали придавать большее значение повседневной деятельности, направляемой Я или проходящей в его области» (Фрейджер, Фейдимен, 2008, с. 66). Фрейд отмечала: «Информация об Оно <...> может быть получена только

⁸ В числе прочих изучением личностей авторов посредством психоаналитического прочтения продуктов их творческой деятельности занимались А. Адлер, В. Райх, Э. Фромм, К. Хорни, Д. Ранкур-Лаферьер и некоторые другие неопрейдистские психоаналитики.

⁹ Согласно Эриксону, «существует восемь стадий человеческого развития, на каждой из которых индивид проявляет (или не способен проявить) качества эго – тот критерий, что свидетельствует, что на данной стадии эго индивида достаточно сильно для того, чтобы интегрировать график развития своего организма со структурой общественных институтов» (Райкрофт, 1995, с. 187).

на основании производных этой системы <...> силуэт (*Сверх-Я* – Н. И.) становится видимым лишь в том случае, если Оно относится к Я враждебно либо критически. Сверх-Я, как и Оно, приоткрывается в состояниях, проецируемых на Я <...> Я – это посредник, с помощью которого мы пытаемся охарактеризовать два других образования» (Фрейд А., 2008, с. 4–5). Таким образом, задачей анализа по Фрейд является расчленение картины психики на три ее составляющие – что, однако, создает определенного рода технические трудности: «При изучении Я необходимо идти окольным путем, т. к. аналитик не может непосредственно исследовать активность Я. Единственная возможность для этого – реконструировать активность Я на основе ее влияния на ассоциации пациента. Иными словами, определение природы этого влияния – пропуск в ассоциациях, их перестановка, смещение смысла и т. п. – может помочь установить, какого типа защиту использовало Я при вмешательстве» (Фрейд А., 2008, с. 8). Уместно здесь будет упомянуть, что в рамках концепции Фрейд подход к изучению личности посредством анализа защитных механизмов Я возможен исключительно при классической форме взаимоотношений между аналитиком и его анализандом. Для возможности трактовки и изучения защит Я, согласно концепции, используются три вспомогательных приема: толкование сновидений, проработка свободных ассоциаций и работа с реакциями перенесения (Фрейд А., 2002, с. 25).

В контексте работы с текстовыми материалами традиционный набор психоаналитических техник требует отдельного комментария. В контексте невозможности прямого взаимодействия с субъектом исследования становится невозможно получить обратную связь в процессе анализа. Таким образом, теряется и возможность трактовки трансфера, понимаемого как «перемещение на своего аналитика чувств, представлений и пр., связанных с людьми из прошлого» (Райкрофт, 1995, с. 205). Среди техник, оставшихся у аналитика, таким образом, остаются только толкование сновидений и свободные ассоциации, которые, согласно представлениям Фрейд, абсолютно идентичны (Фрейд А., 2008). При невозможности работы с ассоциациями в распоряжении исследователя-психобиографа остаются исключительно сновидения – которые зачастую фигурируют в автобиографических дневниковых записях и корреспонденции, тем самым являясь частью текстового массива, который находится в распоряжении психобиографа. Анализ сновидений, относящийся к «средствам, делающим доступной нашему знанию скрытую часть души» (Фрейд З., 2004, с. 91), требует определенной оговорки при условии, что сон записан, а не рассказан (что подразумевают традиционные психоаналитические отношения).

Согласно классической психоаналитической технике работы со сновидениями, толкование записанного материала без непосредственного участия сновидца в аналитическом процессе невозможно. Это обуславливается отсутствием свободных ассоциаций на предъявление отдельных частей сновидения (Фрейд, 2004) и недостаточностью сведений о переживаниях предыдущего дня, которым отводится главенствующая роль: «Нам снятся во сне только такие материи, которые дали нам днем повод к

размышлению» (Фрейд, 2004, с. 190). Так, принимая во внимание специфику проведения психобиографического исследования, ни одна из трех техник (толкование сновидений, проработка свободных ассоциаций, работа с реакциями перенесения) для анализа стадий развития личности не могла быть использована, что привело психобиографов к необходимости поиска иных способов исследования, которыми, например, стали разработки К. Хорни в области межличностных и интрапсихических защитных стратегий. Результаты исследований Хорни с 1970-х и вплоть до начала 1990-х активно применялись в США при создании психобиографий Р. Фроста, Ч. Хьюджеса, И. Сталина, Л. Джонсона и др.

Приложение аспектов теории К. Хорни к психобиографическому исследованию стоит на допущении, что психическое развитие личности можно реконструировать исходя из ее внешних проявлений – то есть выбранных стратегий защиты. В соответствии с теорией Хорни, анализируя и распознавая эти защиты, возможно дифференцировать «идеальное Я» от «реального Я», а впоследствии – вычленив соответствующий избранной модели поведения индивида базовый конфликт, исследовать его генезис и хронологически воссоздать все этапы становления психики объекта исследования.

Первопричина применения положений теории Хорни в рамках психобиографического исследования заключается в частом отсутствии сколько бы то ни было исчерпывающей информации о раннем детстве субъекта анализа. При учете изложенного реконструкция этапов психического развития ведется хронологически «с конца» – то есть с защит зрелой, сформированной личности. Здесь возможно выдвинуть предположение, что данный подход нарушает принцип причинно-следственной связи, когда причина (интрапсихический конфликт доэдипальной или эдипальной стадии развития или патогенное окружение) выводится из следствия (межличностной или интрапсихической защитной стратегии индивида). Допустимо будет отметить, что подобный подход ведет к искаженной картине причины, представляющей исключительно в качестве подтверждения и обоснования следствия. Более того, когда психобиографическое исследование в отправной точке анализа исходит из защит зрелой личности, оно не учитывает факта влияния раннего окружения на развитие психики и не затрагивает вопроса взаимоотношений в семье, что является существенным упущением критически важных предпосылок развития личности объекта исследования. Так, особое влияние раннего окружения на развитие психики подчеркивали представители различных психоаналитических школ и направлений. К примеру, Юнг отмечал: «Скрытые конфликты родителей и тайные переживания <...> все это влияет на эмоциональное состояние ребенка <...> которое <...> проникает в его душу» (Юнг, цит. по: Лиар, 2008, с. 16). Д. Винникотт и Х. Кохут сходились во мнении, что «если ранняя атмосфера нездорова, это повлечет за собой неизбежные последствия» (Немировский, 2010, с. 55). Фрейд также отводила раннему окружению важнейшую роль в формировании

неврозом: «Многие невротические или психотические родители превращают ребенка в составную часть собственной патологической системы» (Фрейд А., 2000, с. 34).

Применяющиеся в психобиографических исследованиях теоретические базы научного изыскания обнаруживают однородные упущения, имеющие результатом искаженную картину воссозданной стадийности развития личности субъекта исследования. Так, психоаналитический подход по Фрейду изолирует объект исследования от окружающей действительности, принимая изучаемые психические явления в качестве существующих за скобками какого бы то ни было контекста. Приложение теории жизненного цикла Эриксона к психобиографическому исследованию похожим образом не учитывает психосоциальных аспектов в развитии личности. Наконец, воссоздание психического развития личности с использованием теории Хорни аналогично упускает вопрос критического влияния семейного окружения на психику.

Таким образом, ограничения каждого из рассмотренных методов психобиографического анализа приводят к неизбежным обобщениям со стороны исследователя и высокой субъективности трактовок, проистекающей из постулатов принятой за метапсихологическую базу концепции интерпретации. Мы можем допустить, что отмеченный изъян психобиографического исследования имеет две базовые предпосылки.

Первая предпосылка связана с часто обнаруживаемым дефицитом информации о субъекте психобиографического исследования. В большей мере такое положение дел актуально для раннего детства субъекта, которое, как было указано выше, является основным предметом анализа в психоаналитической психобиографии. Недостаточность сведений в данном ключе можно разделить на две обширные подгруппы: сведения автобиографического и биографического характера.

В понятие автобиографических сведений включаются биографические факты в понимании анализанда, его интерпретации своей жизни – т. е. «образы, мысли, фантазии, расположенные в пространстве внутри субъекта, называемом психической реальностью» (Райкрофт, 1994, с. 159–160). Как было отмечено, отсутствие возможности прямого взаимодействия с субъектом исследования обуславливает особую важность наличия автобиографических сведений – они выступают единственно возможным для психобиографа аналогом живого общения между психоаналитиком и его анализандом. «Фантазматичный облик травмы гораздо важнее событийного. И поэтому событие отходит на второй план в системе соотношений. <...> Центром гравитации субъекта является тот синтез прошлого в настоящем, который называют историей. Вот чему мы можем доверять, продвигаясь вперед в нашей работе» (Лакан, 2009а, с. 49–51), – отмечал Ж. Лакан в вопросе о том, что является первостепенным для аналитика, объективная или субъективная реальность его клиента. Отводя последней главенствующую роль, Лакан уточнял: «<...> главным является не

вновь пережитое (воспоминание субъекта о чем-либо как о действительно к нему относящемся, как о действительно пережитом, что сродни ему и принято им), но реконструкция <...>» (Лакан, 2009а, с. 22). Аналогичного мнения придерживается и Немировский, высказывая соображения о значении факта в психоаналитической практике: «<...> важные факты, которые излагает нам <...> (анализанд. – Н. И.), очевидным образом являются его интерпретациями случившегося. Но мы считаем эти интерпретации фактами, поскольку в психологическом смысле они ими и являются <...>» (Немировский, 2010, с. 42). Похожие взгляды демонстрировал П. Рикер, отмечая: «Факт имеет психоаналитический смысл, если он имеет четыре свойства (измерения): он рассказан, он адресуется другому человеку, он является фантазией, фигуральным изложением или символом, и, кроме этого, он является частью биографического повествования» (П. Рикер по: Немировский, 2010, с. 43). Данную точку зрения также разделяла Фрейд, указывая: «Травматические влияния на ребенка нельзя прочесть по проявившейся истории жизни, так как они зависят не от объективной важности события, а от его субъективного влияния на каждого конкретного ребенка» (Фрейд А., 2000, с. 198). С вышеуказанными положениями был солидарен Юнг, считавший, что для анализа любые события жизни индивидуума – внутренние и внешние – могут считаться «реальными» без отсылки к тому, имели ли они место в реальной жизни. Согласно Юнгу, человек переживает события своего бытия исключительно «в категориях субъективного повествования, а не исторической истины» (Сэмьюэлз, Шортет, Плот, 2009, с. 185).

В понятие биографических сведений о раннем детстве субъекта психобиографического исследования включаются как изданные биографии – прижизненные и посмертные, но также и иные разнородные свидетельства современников о жизни субъекта анализа. Наличие разносторонней информации биографического характера о субъекте исследования является условием недопущения односторонней (субъективной) трактовки материала, что неизбежно приводит к противоречиям всего психобиографического исследования. Таким образом, биографические сведения здесь выступают в качестве подспорья информации автобиографической, что обеспечивает всесторонний характер научного изыскания.

Вторая предпосылка фундаментальной проблемы психобиографического исследования корнями уходит в идею о метапсихологии («общую теорию, т. е. положения на самом высоком уровне абстрагирования» (Райкрофт, 1994, с. 90)), способной дать исчерпывающее объяснение многочисленным психическим процессам, формирующим сознание человека. Здесь уместно будет повторно процитировать Фрейда, отметившего: «для некоторых из <...> (проблем художественного творчества. – Н. И.) психоаналитическое рассуждение дает удовлетворительное объяснение, в то время как по отношению к другим оно полностью отсутствует» (Лейбин, 2002, с. 11). Соответственно, в приложение к обозначенной фундаментальной проблеме психобиографии мы можем заключить, что психоаналитическая теория развития личности как единственный метод реконструкции психики способна дать только частичное представление

о формировании личности субъекта исследования. Корректность допущения подтверждают и непосредственно постфрейдистские исследования, в частности следует отметить здесь позицию Х. Хартманна: «В психоаналитической психологии в целом и в детской психоаналитической психологии в особенности не следует ограничиваться данными, полученными психоаналитическими методами» (Х. Хартманн, цит. по: Фрейд А., 2000, с. 62).

Для психобиографического исследования моноказуальный (имеющий одну-единственную причину) подход всегда оказывался критической точкой объективного научного изыскания, поскольку психобиографу приходилось отталкиваться от собственных интерпретаций и в определенной мере искусственно воссоздавать пороговые периоды этапов развития личности. Другими словами, моноказуальный подход к психобиографическому исследованию может быть отнесен к «гипотетически-индуктивному методу» по Р. Кэттеллу, в рамках которого исследователь имеет определенную гипотезу или теорию еще до начала работы (Кэттелл, Айзенк, Оллпорт, 2007). Следовательно, в ходе исследования аналитик, стоящий на позициях своей психологической школы, зачастую прибегает к обобщениям или же сознательно упускает из вида значительные факты биографии субъекта исследования, стремясь к недопущению опровержения своей теории и основанной на ней гипотезы всего психобиографического исследования. Обсуждая прикладные аспекты теории психоанализа, Лакан аналогичным образом высказывался против любых попыток свести процесс развития психики к единой структуре: «Идея однолинейного, предустановленного индивидуального развития, проходящего один за другим чередующиеся в заданной типической последовательности этапы, есть не что иное, как чистой воды маскировка <...> нарочитое игнорирование <...> всего того, что составляет в анализе самую суть его» (Лакан, 2009б, с. 23).

В соответствии с изложенным для объективного психобиографического исследования необходимость междисциплинарного, симбиотического подхода к вопросу реконструкции этапов развития личности видится очевидной. В свете обсуждаемого вопроса Немировский заключает категорично: «Любая метапсихология не вмещает в себя все клинические феномены, неизбежно подгоняя материал под свои схемы» (Немировский, 2010, с. 86).

Определение фундаментальной проблемы психобиографического исследования – чрезмерность обобщений и субъективизм – и выделение основных причин ее возникновения, а именно дефицита биографических и автобиографических сведений о субъекте анализа, использования моноказуального подхода к научному изысканию, позволяет нам сделать допущение о возможности выработки критериев, удовлетворение которых

может в достаточной степени снизить субъективность¹⁰ психобиографических трактовок событий жизни объекта исследования и не допустить необоснованных обобщений в их интерпретациях.

Соответственно, в отношении выбора субъекта психобиографического анализа мы должны для начала ввести *a-критерий* – наличие пространственных автобиографических свидетельств, освещающих ранние этапы развития личности¹¹ исследуемого субъекта. Так, вводимый *a-критерий* призван минимизировать субъективность трактовок в ходе проведения психобиографического изыскания путем обеспечения исследователя спектром текстового материала для использования в качестве отправных точек исследования; таким образом, исключается необходимость искусственно воссоздавать критические этапы развития личности субъекта анализа, отталкиваясь исключительно от интерпретаций доступных фактов из зрелого периода жизни последнего. Вводимый *b-критерий* – это широкий спектр биографической информации, доступной для сопоставления с содержанием *a-критерия*. Удовлетворение *b-критерия* гарантирует возможность критической перекрестной проверки интерпретаций (анализа) содержания *a-критерия*; другими словами, *b-критерий* устанавливает максимально возможный уровень глубины анализа, естественным образом ограничивает хронологические рамки исследования. Как следствие, интерпретации психобиографического анализа остаются в рамках наблюдаемой (объективной) реальности, так как ограничиваются действительностью того, что в историческом смысле случилось на самом деле (*a-критерий*) и было конкретным образом субъективно воспринято и пережито (*b-критерий*).

¹⁰ Почему мы говорим о снижении субъективности, намеренно в шаге останавливаясь от подлинной научной беспристрастности, становится очевидным исходя из самой природы психоанализа как теоретической основы психобиографического исследования: «Мне остается поставить вас перед фактом, что в настоящее время среди думающих аналитиков <...>, возможно, не найдется и двух, одинаково представляющих себе действие, цели, возможности и смысл психоанализа» (Лакан, цит. по: Лакан, 2009а, с. 17–18). Более того, когда исследователь не ставит своей задачей построение универсальной теории развития личности, а устремляет научный интерес в область исследования конкретного индивида, вслед за Юнгом в отношении подобного изыскания мы должны признать: «Вопреки единообразию конфликтов и комплексов, каждый случай уникален, т. к. уникален каждый индивид. Каждый случай представляет индивидуальный интерес для психоаналитика, и течение анализа каждый раз уникально» (Юнг, цит. по: Лиар, 2008, с. 35).

¹¹ Эвристический термин «этапы психического развития» в контексте психобиографического исследования отражает позицию Г. С. Салливана, вложившего в термин в меньшей степени факт наличия хронологически обусловленных этапов жизни (младенчество, детство и пр.), но в большей степени факт критичности самих переходов (Салливан, 1999). Так, согласно взглядам Салливана, «изменения личности могут происходить в любое время, но все же чаще они происходят при переходе с одного этапа развития на другой. <...> Эти пороговые периоды являются более критическими, чем сами этапы» (Фрейдджер, Фейдимен, 2008, с. 554). Таким образом, предметом анализа в психобиографическом исследовании выступают не теоретически постулируемые этапы, а условные точки перехода с одного этапа развития на другой.

Наконец, в отношении психобиографического исследования как такового вводится *s-критерий*, а именно требование использования междисциплинарного подхода к интерпретации, что служит цели максимально возможного снижения уровня обобщений в интерпретациях в исследовании. Отказ же от единственной теоретической основы изыскания, соответственно, позволяет критически оценивать уже само качество интерпретаций. Любой психический феномен, таким образом, рассмотренный с позиций различных научных школ или дисциплин, обретает взамен линейного векторный характер, то есть становится объемным – что, в свою очередь, позволяет избегать монокаузальности в выводах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белянин В. П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: Монография. М.: Генезис, 2006, 320 с.
2. *Блейхер В. М., Крук И. В.* Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: Модэк, 1995, 640 с.
3. *Василик М. А., Вершинин М. С.* Политология. Словарь-справочник. М.: Гардарики, 2000, 328 с.
4. *Головин С. Ю.* Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест, 2001, 976 с.
5. *Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008, 320 с.
6. *Жмуров В. А.* Большой толковый словарь терминов психиатрии. М.: Джангар, 2010, 864 с.
7. *Кэттелл Р., Айзенк Г., Оллпорт Г.* Психология индивидуальности. Факторные теории личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007, 128 с.
8. *Лейбин В. М.* Классический психоанализ и художественная литература. СПб.: Питер, 2002, 448 с.
9. *Лейбин В. М.* Словарь-справочник по психоанализу. М.: АСТ, 2010, 956 с.
10. *Лакан Ж.* Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54)). М.: Гнозис, Логос, 2009, 432 с.
11. *Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)). М.: Гнозис, Логос, 2009, 520 с.
12. *Лиар Д.* Детский юнгианский психоанализ. М.: Когито-Центр, 2008, 207 с.
13. *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. М.: Рипол классик, 2011, 400 с.
14. *Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П.* Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2009, 816 с.
15. *Немировский К.* Винникот и Кохут: Новые перспективы в психоанализе, психотерапии и психиатрии: Интерсубъективность и сложные психические расстройства. М.: Когито-Центр, 2010, 217 с.
16. *Осипов Г. В.* Российская социологическая энциклопедия. М.: Инфа-М, Норма, 1998, 672 с.
17. *Петровский А. В.* Общая психология. Словарь. М.: Персэ, 2005, 250 с.

18. *Райкрофт Ч.* Критический словарь психоанализа. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995, 288 с.
19. *Салливан Г. С.* Интерперсональная теория психиатрии. М.: КСП+, Ювента, 1999, 352 с.
20. *Сироткина И. Е.* Патография как жанр: критическое исследование. [Электронный ресурс] Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 2. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php
21. *Сэмьюэлз Э., Шортет Б., Плот Ф.* Словарь аналитической психологии К. Юнга. СПб.: Азбука-классика, 2009, 288 с.
22. *Фрейд А.* Лекции по детскому психоанализу. М.: ЭКСМО, 2002, 304 с.
23. *Фрейд А.* Психопатологии детства. М.: Nota Bene, 2000, 224 с.
24. *Фрейд А.* Эго и механизмы психологической защиты. М.: АСТ, 2008, 160 с.
25. *Фрейд З.* Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 2010, 608 с.
26. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. Минск: Попурри, 2010, 480 с.
27. *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006, 400 с.
28. *Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Фирма СТД, 2004, 680 с.
29. *Фрейджер Р., Фейдимен Д.* Большая книга психологии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008, 704 с.
30. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007, 208 с.
31. *Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Академический проект, 2007, 288 с.
32. *Якушев И. Б.* Патография: экзотика или методология? [Электронный ресурс] Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. № 4. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_4_5/nomer/nomer18.php

Psychobiography: reflections on crisis of the genre

I. Yu. Nikitin

Nikitin Iliia Yu., Organizational psychologist (Higher School of Economics, Russia), Master of Arts in Integral psychology (John F. Kennedy University, USA), Micropsychoanalysis program student of Moscow Institute of Psychoanalysis.

Present article explores a brief history of psychobiographic method of personality research and discusses the evolution of interpretation technique: from psychiatric approach (Lelu, Mobius) to psychoanalytic (Freud, Erickson, Horney) in its various variations. Author considers the fundamental problem of the method and proposes a technical approach for its settlement.

Keywords: psychobiography, patography, psychoanalysis, psychohistory, individual development.

Психодинамические аспекты роли аджайл-коуча во время аджайл-трансформации

А. А. Прокошев

Прокошев Андрей Александрович – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант. Практикующий аджайл-коуч.

Роль аджайл-коуча является одним из ярких примеров поддерживающих профессий нового типа – сильно интегрированных в бизнес-контекст и обладающих большим набором новых компетенций. Текущая ситуация в экономике и мире оказывает большое давление на организации, вынуждает их адаптироваться к новым условиям быстрее. Один из методов адаптации – это внедрение аджайл-практик. В таких проектах внедрения аджайл-практик большое значение играет роль аджайл-коуча и то, как она формируется. Как организация определяет цели создания роли аджайл-коуча, ее задачи, границы и полномочия. В настоящей статье я проведу анализ психодинамических аспектов роли аджайл-коуча, ее тревог и защит. Анализ выполнен на базе исследования, которое было проведено в рамках написания моей магистерской диссертации. Исследование показало отсутствие сформированных социальных защит роли аджайл-коуча из-за ее постоянного перепределения, сильной зависимости от организационного и бизнес-контекста компании. В дополнение к этому было выявлено большое количество как внутренних тревог, связанных со спецификой аджайл-практик, так и внешних – когда роль, столь иная для организации, становится удобным контейнером для проекций организации.

Ключевые слова: тревога, защиты, проективная идентификация, проекция, границы, роль, задача, полномочия, роль, аджайл-коуч, аджайл.

Контекст организации

В настоящее время наступает период четвертой промышленной революции. Еще в 2016 году основатель и президент Всемирного экономического форума Клаус Мартин Шваб подробно рассказал об этом в своей программной речи в Давосе. Новый технологический переход может привести к революционному прорыву в эффективности и производительности труда, сильному экономическому росту. Но в краткосрочной перспективе он создаст дисбаланс мировой экономики и, как следствие, большое количество неопределенности. Этот аспект деятельности – работа в условиях неопределенности и постоянных изменений – стал хорошо ощущаться организациями в последние 30 лет. Ответом на изменения условий деятельности стало развитие новых методов работы, которые позволяют быстрее и лучше адаптироваться к новым потребностям клиентов и владельцев бизнеса. Семейство этих методов получило название «аджайл», термин, который определяет адаптивность организации – «бизнес-аджилити», а способ внедрения таких новых методов работы – «аджайл-трансформация». Эксперта этой новой области знаний и навыков в общем называют «аджайл-коучем».

Роль аджайл-коуча

Здесь и далее я буду говорить о модели компетенций человека, который может быть успешен в роли аджайл-коуча. В литературе существует популярная концепция компетенций (Адкинс, 2017):

- Адаптивные практики и практики бережливого производства (скрам, канбан и т. д.);
- Навыки передачи знаний и обучения, включая наставничество и менторство;
- Навыки влияния на процессы включая коучинг и фасилитацию;
- Владение технологическим контекстом создания продуктов (практики программирования, поставки, дизайна и т. д.);
- Владение бизнес-контекстом продукта (знания бизнеса определенной области);
- Владение навыками внедрения изменений.

Все вышеперечисленные компетенции применяются в различных ситуациях и на разных уровнях организации – при взаимодействии с рядовыми сотрудниками, командой топ-менеджмента, акционерами. Компетенции конкретного человека могут быть развиты в разной степени. К ключевым компетенциям относятся собственно сами практики аджайла и бережливого производства. Эти практики были созданы на основе рефлексии практического опыта многих специалистов, систематизированы и упрощены до фреймворков, т. е. сконцентрированного набора ценностей и ритуалов. Этот набор знаний и опыта применения определяет специализацию аджайл-коуча. Остальные компетенции в данной модели отвечают за улучшения опыта работы организации по-новому. Сюда включают навыки и опыт создания нового образа мышления, а также передачи новых

знаний. Набор таких компетенций не зависит от специализации эксперта и является общим для любого в роли аджайл-коуча. В конечном счете именно эти общие знания и навыки определяют успешность в роли и достижение целей трансформации организации.

Рассмотрим распространенный путь становления компетенций аджайл-коуча. Уже обладая одним или несколькими навыками и профессиональным опытом работы, например в качестве руководителя проектов, разработчика или консультанта, человек начинает изучение аджайл-практик. Этот процесс может происходить как в ходе специального обучения на соответствующих тренингах, так и исходя из опыта участия в аджайл-трансформации. В любом случае успешное применение практик происходит только через формирование собственного опыта и навыков его трансляции в организацию, т. е. к другим участникам трансформации. Формирование такого опыта ограничено участием в трансформационных проектах, чья длительность зависит от масштабов организации и в среднем длится от одного года. Помимо этого, успешный опыт не может быть переиспользован напрямую в другом проекте, что наряду с постоянным развитием информационных технологий, спецификой задач, которые возникают в процессе трансформации, создает необходимость постоянно развивать компетенции. Все это создает условия для развития узкой специализации аджайл-коучей. А также повышает уровень стресса от нахождения в роли, связанной с сопутствующими рисками неуспешной самореализации в профессиональной деятельности.

Природа тревоги

Концепция тревожности, которая лежит в основе психоанализа, в частности в работах З. Фрейда и М. Кляйн и далее в работах Э. Жака и У. Биона, нашла применение в исследованиях в социальных институтах, например в работах Изабель Мензис.

Фрейд утверждал, что тревожность «изначально возникает в качестве реакции на состояние опасности и воспроизводится каждый раз, когда подобное состояние повторяется». Видение того, какими именно могут быть такие состояния, описано достаточно сложно (Фрейд, 1921). Помимо этого, существуют тревоги, вызванные инстинктами, например либидо и смерти. Здесь примером может служить разыгрывание Эдипа. Суперэго здесь является защитой от тревоги, которая подавляется инстинктивным импульсом. Эдип – ядро теории Фрейда о Суперэго. В своей теории Фрейд разделял тревоги по источнику происхождения – вызванные внешним фактором или возникающие бессознательно. Последние называются «невротическими».

Далее, М. Кляйн расширила идею З. Фрейда, выделив в отдельный источник тревоги процесс удерживания разрушительных импульсов внутри личности, которые зарождаются на ранних этапах жизни, до эдипального периода. Для Кляйн тревога – это состояние нарастающего страха от отношений личности с ее объектами. Именно тревога искажает или может

вовсе привести к потере восприятия действительной реальности другого. (Кляйн, 1952).

Согласно исследованиям Биона, возможность обработки эмоций разумом развивается только в том случае, если проекции младенца на мать наполнены таким образом, что он может усвоить способность мыслить (Bion, 1962). В противном случае младенцу возвращаются его разрушительные импульсы как «безымянный страх». Это не позволяет пройти ментальной интеграции, что создает психотическую фрагментацию.

Большую ценность представляют исследования Изабель Мензис, в которых тревога рассматривается со стороны взаимодействий как системы, в отличие от психоаналитической литературы, где в фокусе находятся ее границы бессознательных форм. Рассмотрение процессов возникновения тревоги в ситуации выполнения «первичной задачи» при трансформации в организации приводит к выводу об их сходстве с бессознательными фантазиями, которые существуют у каждого на глубоких и самых примитивных уровнях сознания. Объективные особенности рабочих ситуаций медицинского персонала, например, стимулируют их заново переживать эмоции, относящиеся к этапу раннего младенчества. Психический опыт восприятия реальности на этом этапе находится под значительным влиянием собственных чувств и фантазий, настроений и желаний. У медсестер происходит неосознанная ассоциация в процессе контакта с физическим заболеванием и общении с пациентом или его родственниками, чьи сознательные понятия о болезни – это густая смесь объективной информации и фантазий. К собственным тревогам медицинского персонала психически добавлялась тревога других людей, вовлеченных в процесс. Аккумулируя тревогу, медсестра проецирует ситуации младенческих фантазий на текущие рабочие, переживая их как смесь реальности и фантазий. Это важная и универсальная методика преодоления тревоги и видоизменения фантазийных ситуаций. Проекция позволяет видеть элементы фантазийной ситуации в объективной реальности, которые становятся ее символами. Успешное овладение объективной ситуацией дает успокоение относительно успешной способности справиться с ситуациями фантазий. Такой процесс работает эффективно, только если символ репрезентирует объект фантазий, но не уравнивается с ним. В противном случае возбуждаемые символическим объектом фантазии вызываются в своей полной интенсивности, и он перестает выполнять сдерживающую функцию (контейнирования) и видоизменения. Именно близкое сходство фантазийных и объективных ситуаций представляет угрозу того, что символическая репрезентация дегенеративным образом превратится в символическое уравнивание и, как следствие, будут проживаться примитивные младенческие тревоги сознательно со всей полнотой их силы.

Несмотря на большую внутреннюю и присоединенную тревогу, этот фактор сам по себе не может полностью объяснить высокий уровень тревоги, настолько очевидный у медсестер. Поэтому Изабель Мензис переходит к анализу системных методов для сдерживания и видоизменения тревоги.

Уильям Хальтон (*Halton, 2014*) в своей статье «Обсессивно-карательные защиты в системах ухода: новый взгляд на исследования Изабель Мензис» интерпретирует наблюдаемую навязчивую тревогу как основную форму защиты от бессознательной ненависти пациентов к персоналу, который причиняет им боль. Это возвращает нас к важности бессознательной тревоги в теории Кляйн, которая может быть недооценена в работе Мензис. Описанное Кляйн чередование депрессивной и преследующей тревожности с параноидно-шизоидными состояниями воспринимается как защита против боли от депрессивной тревоги.

Рассмотрим, с какими бессознательными тревогами могут столкнуться аджайл-коучи в процессе работы: «первичная задача» – помочь организации в переходе от старых рабочих процессов к новым, которые в свою очередь должны обеспечить благополучие организации. Здесь важно подчеркнуть разный уровень осознания необходимости изменений внутри организации. Этим можно проиллюстрировать разный подход к тревоге. Она может восприниматься деструктивно как бессознательная, например кастрационная, тревога – избегание риска и разрушения проверенных рабочих процессов. А может – как осознанный риск проигрыша конкурентам или рынку, который приведет к прекращению существования организации, и послужит стимулом к изменению. Уровень осознанности в организации неравномерен, и готовность к риску зависит не только от личного субъективного опыта. Примером может служить разница в опыте, навыках и отношении к риску у менеджмента организации и у рядовых сотрудников. По мнению Хиршхорна и Горовица, в современном мире баланс «защитных рамок» меняется под давлением внешней среды, которая создает сегодня больше рисков и тревог. К такому же выводу приходит и Джеймс Кранц (*Krantz, 2014*). Ситуаций риска становится все больше, и старые системы защиты справляются с ними хуже. Примером хорошего баланса может быть творчество, где способность выдерживать тревогу и использовать ее является необходимостью. Таким образом, «защитная рамка» должна выполнять свою функцию поддержки депрессивной способности и избегания параноидно-шизоидного или нарциссического состояния. Применяя этот принцип к трансформации организации, можно сформулировать одну из задач аджайл-коуча, которая становится источником его тревог, – помочь перестроить и синхронизировать «защитные рамки» организации в целом и ее частей, каждой по-своему, что потребует от него постоянной адаптации собственной защиты. Только такой подход будет создавать среду, которая способствует росту, развитию и творческому подходу к решению первичной задачи организации.

Тревожность в рамках системы защиты

Развивая свою структуру, культуру и способы функционирования, организация находится под влиянием ее первичной задачи. Она вынуждена взаимодействовать с внешней средой (рынком), развивать технологии, удовлетворять потребности в общественном и психологическом комфорте членов организации, а также оказывать им поддержку для выдерживания

тревог, возникающих в процессе деятельности. Изабель Мензис считает первичную задачу и технологии ограничениями, в рамках которых все остальные факторы зависят от психологических нужд членов организации. В 1960 году Пьер Тюрке ввел термин «организация в сознании», в рамках которого была высказана идея о том, что каждый сотрудник создает свою ментальную модель организации и целостность организации определяется существованием консистентной, общей модели, разделяемой всеми сотрудниками. Модели частично бессознательны, но влияют на поведение и чувства. Гордон Лоуренс (1977) наглядно показал разные уровни ментальной модели организации – «говорим, что делаем», «действительно верим, что делаем» и «то, что происходит на самом деле». Третий уровень является скорее бессознательным.

Рассматривая аджайл-трансформацию, мы имеем дело с перестройкой как организационной структуры и процессов, так и ментальной модели. В некоторых условиях успешной практикой внедрения аджайла является революционное изменение организации, что может служить примером синхронизации новой ментальной модели и реальности. Подразумеваемая возможность постоянной адаптации к меняющемуся миру, организации сталкиваются с рядом новых вызовов. Например, Джон Строк формулирует это как изменение характера конфликта с иерархического на сиблинговый. В новой, более плоской структуре, которая приходит на смену иерархии, важную роль играют подгруппы. В дополнение к этому постоянные изменения внутри организации также не позволяют защититься от тревоги через расщепление и проецирование ее в другого. Аджайл-структуры предлагают новые каналы вывода тревоги, например командные и организационные ретроспективы, но нужно научить организацию использовать их. А до этого момента вся избыточная тревога будет проецироваться на межличностный уровень взаимодействия, который остается самым стабильным. Примером может быть взаимодействие с аджайл-коучем как стабильной ролью, функционально «ответственной» за произошедшие изменения.

Роль аджайл-коуча претерпевает постоянные изменения своего содержания, так как для успешного выполнения первичной задачи ему необходимо эффективно работать на многих уровнях организации одновременно. И хотя во внедряемые практики встроены инструменты работы с тревогой, например ретроспективы, научить использовать которые входит в задачу аджайл-коуча, не все части организации могут использовать их эффективно. Создается ситуация, в которой длительный и постоянный контакт дает коучу доступ к сопереживанию большого количества тревоги и одновременно ставит целью научить за строго ограниченное время справиться с ней самостоятельно. С учетом разного уровня осознанности тревоги задача часто остается невыполненной, что заставляет коуча реагировать. Механизмы психической защиты должны будут отвести угрозу полного переживания тревоги при помощи избегания. Это производные от примитивных механизмов, типичных для попыток младенца справиться с большой тревогой, возбуждаемых взаимодействием его собственных инстинктов, невыносимых в незрелом возрасте. Понимание своей реакции

в таких случаях зависит от личности самого коуча и его способности видоизменять свои ранние механизмы защиты, выбирать другие методы, чтобы справиться с тревогой. Исходя из этого, аджайл-коучи будут постоянно испытывать уровень тревоги выше того, который оправдан всего лишь объективной ситуацией. Функционирование роли аджайл-коуча помогает организации создать новый опыт, который может успокаивать как самих коучей, так и возбуждать их тревогу. Трансформация сама по себе создает много ситуаций тревоги, не связанных с аджайл-практиками. Другими словами, сами защиты, как организации, так и коуча, способны создать большое количество вторичной тревоги и, более того, могут быть неспособными облегчить первичную.

Тревоги, порождаемые ролью аджайл-коуча

Широта трактовки понимания роли создает пространство, которое наполняется личностью самостоятельно. Этим роль привлекает к себе профессионалов, ищущих новые способы самореализации. Это положительно сказывается на реализации творческого и экспертного потенциала через самосовершенствование. С другой стороны, негативный эффект проявляется в обесценивании других и невозможности принятия собственных ограниченных возможностей изучить все. Что подтверждается высокой фрагментарностью и специализацией профессионального сообщества.

Аджайл-практики построены на уровне ценностей и инструментов. Это создает большое пространство, в котором смешивается личное и профессиональное. Свободная трактовка понимания роли коуча подменяется личным пониманием. «Правильный аджайл» становится личной позицией. Роль становится частью личности. Это, с одной стороны, положительно влияет на первичную задачу, за счет убеждения и веры в символ светлого будущего. Появляются дополнительные ресурсы для контейнирования внешней тревоги, например команды за счет веры. С другой – негативное влияние может проявиться в случае неудачи, которая приводит к отрицанию, обесцениванию коллег и задач предыдущего опыта – с целью сохранения личности коуча. Степень интеграции роли и личности зависит от личного контекста.

Большое значение имеет то, что роль аджайл-коуча становится объектом множества проекций в силу своей инаковости в сравнении с другими ролями. Организация проецирует свою тревогу в новую роль, которая «рождена» для привнесения нового. Роль обычно не похожа ни на что существующее и служит объектом для любой проекции организации. Команды и ее участники проецируют материнский объект на коуча, где роль коуча выполняет функцию принятия, безусловной любви и защиты. Менеджмент может проявлять агрессию к коучу как к новому сиблингу, призванному заменить или контролировать его. Положительным влиянием любой проекции будут установление более близкого контакта с объектом и следующая за этим возможность более сильного влияния на объект. Негативным эффектом служат подмена первичной задачи и отыгрывание

не своей роли коучем. Специфика поведения и его плюсы и минусы будут вытекать из проекции и степени ее восприятия коучем. В любом случае игнорирование этой части тревог ведет к низкой эффективности выполнения первичной задачи роли из-за повышения риска конфликтов, ухудшения контакта с организацией. Преодоление этих социальных защит – часть первичной задачи роли. Сама роль находится в длительном контакте с большим количеством разных объектов, которые пытаются разрешить свои проблемы за ее счет.

В силу того что организационный контекст практически уникален, начало каждого проекта трансформации организации приводит к созданию роли заново – определение задачи роли, полномочий и границ. Ситуация как для опытного аджайл-коуча, так и для новичка не будет отличаться кардинально. Бессознательно будет происходить проективная идентификация в организацию. Проекции будут зависеть от специфики предыдущего опыта и личности коуча. Например, это могут быть проекции, специфические для опыта работы программистом, – «неразумные» менеджеры.

Отдельно выделяются тревоги жизненного цикла роли – приход в роль (рождение), воссоздание аджайла (дети как часть себя), выход из роли (смерть). Роль аджайл-коуча не является постоянной, создается и наполняется смыслом в момент начала трансформации – осознания необходимости изменений, выбора практик, старта проекта трансформации. Воссоздание аджайла в организации объединяет в себе передачу смысла аджайла и навыка его самостоятельного использования. Отсутствие любой из частей не позволит аджайлу интегрироваться в организацию. Выход из роли предполагает выбор – аджайл-коуч должен сепарироваться или быть поглощен и интегрирован в организацию. Это может произойти по инициативе любой из сторон: нет интересных задач, нечему учить; отсутствие запроса и интереса к коучу; удовлетворение от реализации первичной задачи со стороны организации; окончание ресурсов.

Социальные защиты роли

Роль аджайл-коуча не имеет четких задач, границ и полномочий, что создает благоприятные условия для слияния личного и профессионального. Это приводит к привнесению широкого спектра личных конфликтов в роль. Позитивное влияние такого поведения состоит в том, что роль усиливается личностью коуча. Негативной стороной становится проявление личного в профессиональной деятельности, что подменяет первичную задачу роли – личной.

В материале респондентов не обнаружено устоявшихся социальных защит роли. Успешность в роли зависит от внутренних психологических защит личности. Для роли это означает повышенный риск профессионального выгорания. Уникальность экспертизы аджайл-коуча относительно классических подходов управления создает дополнительную напряженность при установлении контакта. Одним из часто наблюдаемых конфликтов становится переживание эдиповой ситуации. Роль аджайл-коуча

«рождается» организацией и менеджментом для проведения изменений. Из-за уникальности компетенций и отличий роли аджайл-коуча от роли менеджмента возникает сильнейшая агрессия и борьба за организацию. Если ситуация разрешается успешно, то обладатель роли аджайл-коуча успешно начинает выполнять первичную задачу и внедрять новые практики. Неудача ведет к уходу из организации вообще или регрессу роли, созданию «формального аджайла».

Выводы

Аджайл-коуч является одним из ярких примеров поддерживающих профессий нового типа – сильно интегрированных в бизнес-контекст и обладающих большим набором новых компетенций, с одной стороны, и имеющих большую зависимость от личности в роли коуча. Организации испытывают необходимость в трансформации для выживания в новом бизнес-контексте, что создает фоновую тревогу. Процесс становления профессии аджайл-коуча в каждой организации создает ситуацию отсутствия сформированных социальных защит, а это рождает ситуацию переживания эдипального конфликта, что в некоторых случаях происходит через острый конфликт человека в роли и менеджмента организации. Длительный и интенсивный контакт с большим количеством объектов делают аджайл-коуча особенно подверженным влиянию бессознательного. Роль становится объектом множества проекций в силу своей инаковости. Это происходит в дополнение к тому, что сам аджайл-коуч переживает повышенный уровень личной тревоги из-за необходимости постоянного переопределения своей задачи, роли, полномочий и границ в рамках проекта трансформации. Это приводит к смешению личного и профессионального, что создает личную позицию. Яркая метафора, объединяющая весь собранный материал о роли, – «это аджайл-коуч, который обеспечивает пересадку страшной опухоли аджайл в розовое тельце организации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адкинс Л.* Коучинг agile-команд. М.: МИФ, 2017.
2. *Бион У.* (1989/2009). Элементы психоанализа. М.: Когито-Центр, 2009.
3. *Кляйн М.* (1932/2020). Детский психоанализ. СПб.: Питер, 2020.
4. *Кляйн М.* Развитие в психоанализе 1952. М.: Академический проект, 2002.
5. *Фрейд З.* (1915/2006). Влечения и их судьбы // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 2006.
6. *Фрейд З.* (1920/2019) По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2019.
7. *Фрейд З.* (1923/2014). Я и Оно. М.: Эксмо, 2014.
8. *Фрейд З.* Конструкции в анализе (1937/1997) // Основные принципы психоанализа. Минск, 1997.
9. *Фрейд З.* О психоанализе (1921/1997) // Основные принципы психоанализа. Минск, 1997.

10. Фрейд З. (1913/2018). Тотем и табу, М.: Эксмо, 2018.
11. *Menzies Lyth I.* Social systems as a defense against anxiety. *Human Relations*. 13: 95–121, 1960.
12. *Hirschhorn L.* The workplace within: psychodynamic of organizational life. The MIT Press, Massachusetts, 1990.
13. *Kuivalainen J., Kunttu I., Kohtamäki M.* Agile Product Development Practices for Coping with a Learning Paradox in R&D Offshore Units. *Technology Innovation Management Review*. March 2020. Volume 10. Issue 3.
14. *Schwaber Ken and Sutherland Jeff*, Scrum guide, 2020. (<https://scrumguides.org/scrum-guide.html>) [Электронный ресурс] Дата обращения: 2.04.2022.
15. *Krantz J.* Approaching 21st Century, Information-based Organizations, Humanness in Organizations: A Psychodynamic Contribution, Leopold Vansina (ed.) London: Karnac, 2013.
16. *Krantz J. and Maltz M.* (1997). A Framework for Consulting to Organizational Role, *Consulting Psychology Journal*. Vol. 49. No. 2, 137–151.
17. *Hirschhorn L., & Gilmore T.* (1992). The new boundaries of the "boundaryless" company. *Harvard Business Review*. May-June. 104–115.
18. *Jaques E.* On the Dynamics of Social Structure: A Contribution to the Psycho-Analytical Study of Social Phenomena. *Human Relations* February 1953. Vol. 6: 3–24
19. *Hirschhorn L.* The Primary Risk, *Human Relations*, Vol. 52. No. 1. 1999.
20. *Halton W.* Obsessional–punitive defenses in care systems: *Menzies Lyth revisited*, Routledge, 2015.

The Psychodynamic Aspects of Agile Coach Role during Company Agile Transformation

A. A. Prokoshev

Prokoshev Andrei A., psychologist (Higher School of Economic), psychoanalytic counsellor. Agile coach.

The role of an agile coach is a prime example of a new type of support profession that is highly integrated into the business context and has a large set of new expertise. The modern world markets create a lot of pressure on organizations that are trying to adapt to new conditions to survive for themselves. One of the methods of adaptation is agile practices. In such transformation projects, the role of an agile coach has key importance to success, focused on how it is created – its goals, objectives, boundaries and powers. In this article, I will analyze the psychodynamic aspects of the role of an agile coach, its anxieties and defenses, based on the research that was carried out as part of my master's thesis. Based on research results formed social protections of the role were not found due to its constant redefinition, great dependence on the organizational and business context. In addition to this, many of both internal anxieties associated with the specifics of agile practice, and external ones have been identified – when a role that is so different for an organization becomes a convenient container for the organization's projections.

Keywords: anxiety, defenses, projective identification, projection, boundaries, role, task, authority, role, agile coach, agile.